

Проф. Н. А. РОЖКОВ

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

(ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ)

ТОМ ПЯТЫЙ

КОНЕЦ ДВОРЯНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ

Ее третий момент

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

„КНИГА“
ЛЕНИНГРАД — МОСКВА
1928

ЦЕНТРАЛЬНАЯ
ТИПОГРАФИЯ
НАРКОМВОЕНМОРА
Пл. Урицкого, 10.
Ленинградский
Областлит № 2103
Тир. 3,100-17 п. л.
Заказ № 291.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Подготовка реформы Петра Великого.

I.

Хозяйство в России второй половины XVII века.

Издавна утвердился в литературе по русской истории обычай начинать новую русскую историю реформой Петра Великого. Эта реформа многими даже и теперь рассматривается как решительный разрыв с преданиями старины, даже с ближайшим к ней историческим прошлым России. И в этом делении русской истории на периоды, и в представлении о реформе Петра как о резком переломе, несомненно, сказывается еще остаток тех воззрений на петровские преобразования, главным образом на действительный их смысл и реальное значение, которые объединяли в свое время две передовые группы русского дворянского общества сороковых годов XIX века — западников и славянофилов при всем различии, даже противоположности оценки петровской реформы у тех и других: хорошо известно, что западники горячо приветствовали петровскую реформу, считали ее колоссальным, беспримерным даже шагом вперед, а славянофилы порицали ее, считали вредной, но и те и другие, различно оценивая дело Петра, понимали его одинаково как разрыв с историческим прошлым и заимствование западных порядков, отношений, обычаев и идей.

Со времен Соловьева [1]) этот наивный взгляд, объединявший славянофилов и западников, можно считать отошедшим в прошлое, и с тех пор каждый новый научный исторический труд, посвященный реформам первой четверти XVIII века, подтверждает и развивает общую концепцию, впервые правильно и точно выраженную автором „Истории России с древнейших времен". После Соловьева все исследователи почувствовали необходимость изучать подготовку реформы Петра русскою действительностью XVII века и даже более раннего времени. Но все же большинство — и притом подавляющее — даже и теперь начинает новую русскую историю петровской эпохой. Исключение представляет едва ли не один только Ключевский, который начинает в своем „Курсе" новую историю России с воцарения династии Романовых, т.-е. после Смуты. Мы думаем, что исходный пункт той перемены, которая только завершена была петровской реформой,—это половина XVI века. Отсюда и вытекает определение реформы Петра как третьего момента дворянской революции в России [2]). Отсюда же вытекает необходимость весьма подробного, более подробного, чем прежде, исследования вопроса о подготовке петровских преобразований русским историческим прошлым, ближайшим образом второю половиною XVII века. На первый план естественно выдвигается вопрос о хозяйственной подготовке.

В этой сфере жизни общества, как и в других ее областях, наше внимание должны в данной теме приковывать три основных вопроса: во-первых, вопрос о потребностях, нуждах, недостатках русского народного хозяйства второй половины XVII века, во-вторых, вопрос о том, поскольку и как эти потребности, нужды и недо-

---

[1]) *Соловьев*, История России с древнейших времен, том XIV, изд. 3-е, М. 1879, стр. 96: „наша революция в начале XVIII века была необходимым следствием всей предшествовавшей нашей истории".

[2]) Покровский в своей „Русской истории с древнейших времен" отрицает дворянский характер петровской реформы и называет ее „буржуазной". Последующее наше изложение покажет, почему такая квалификация не может быть принята. Пока отметим лишь попутно, что в ней бессознательно сказалась та же старая тенденция к преувеличению значения реформы Петра и к оценке ее как разрыва с прошлым.

статки были сознаны, поняты, уяснены, и, в третьих, вопрос о том, как и в какой мере в XVII веке и даже иногда раньше делались сознательно или бессознательно, стихийно, первые шаги в том направлении, которое усвоено было в России первой четверти XVIII столетия. Правильный ответ на эти вопросы возможен лишь после обстоятельного изображения основных явлений и процессов хозяйственного развития в то время, которое подлежит сейчас нашему ближайшему исследованию.

Каково было количество населения в России второй половины XVII века, и как это население распределялось по территории страны?

Округляя имеющиеся в нашем распоряжении цифры и считая вместе податные и неподатные сословия, можно определить общее количество населения России в 1678 г. в $6^1/_2$ миллионов человек обоих полов [1]), из которых около $3^1/_2$ миллионов было лиц рабочего возраста.

Из этого количества на центральные местности, так-называемые „замосковные города", приходилось сельского населения 2 миллиона человек обоих полов [2]), да на городское надо положить тысяч 200 по меньшей мере, всего на область около 32%. Не подлежит сомнению быстрый рост населения этой местности сравнительно с первой половиной века двадцатых годов, т.-е. приблизительно за 55 лет, население выросло более, чем вшестеро [3]). Можно составить себе, на основании произведенного исследования, довольно отчетливое представление о том, как росло это население, т.-е. был ли его прирост результатом прилива или вселения со стороны, или следствием естественного размножения. Оказывается, что львиная доля получающегося увеличения населения приходилась на естественный прирост, — вернее только по этой причине и росло население центра, так как со стороны — из Литвы и Белоруссии, Финляндии и Поволжья — сюда за все время вселилось только 40 с чем-нибудь

---

[1]) *Милюков*, Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII века в связи с реформой Петра Великого, изд. 2-е, стр. 206.

[2]) *Готье,* Замосковный край в XVII веке, стр. 269.

[3]) Там же, стр. 263.

тысяч человек [1]), а в Украину и Поволжье шла из Замосковья, напротив, весьма сильная колонизационная струя, причем и вольная и владельческая колонизации были одинаково сильны и сохраняли одно и то же направление [2]). Очевидно, если бы выселения на юг и юго-восток не было, население в центре страны выросло бы еще быстрее: явный признак того, что экономические условия здесь содействовали приросту населения; и отлив, лишенный бурного, катастрофического характера, нормальный и естественный и по темпу и по направлению — в более благодатные области,—только подтверждает этот вывод. Если, наконец, взять факты, относящиеся к внутреннему передвижению населения в пределах данной области, то здесь обращают на себя внимание два характерных процесса: во-первых, передвижение населения из северной части области в южную—из уездов Вологодского, Белозерского, Костромского, Галицкого, Пошехонского, Ярославского, Романовского в Переяславский, Бежецкий, Московский, Верейский, Дмитровский уезды [3]),— во-вторых, некоторая, хотя и небольшая сравнительно, тяга из сел в города, как, напр., в Боровск, Коломну [4]) и, разумеется, в Москву [5]).

На севере [6]) в 1678 г. жило не меньше 420.000 человек обоих полов [7]) или менее $6^1/_2$% всего населения. При этом в большей части Северного края наблюдается уменьшение населения сравнительно с двадцатыми годами XVII века [8]): очевидно, население отсюда уходило, и нам известно куда: на восток, в бассейны Камы и Вятки и далее—в Сибирь [9]). Там, где, в северных уездах, население

---

[1]) Там же, стр. 297, 306, 307.

[2]) Там же, стр. 272—274, 282.

[3]) Там же, стр. 279—283.

[4]) Там же, стр. 283.

[5]) Ср. *Забелин*, История города Москвы, ч. 1-я, М. 1905, стр. 168.

[6]) К северной области мы здесь относим уезды Устюжинский, Олонецкий, Каргопольский, Чарондский, Унженский, Важский, Устюжский, Мезенский, Кевропьский, Двинский и Сольвычегодский.

[7]) Дворы вычислены по Милюкову („Гос. хоз.“, стр. 187) и Богословскому („Земское самоуправление на севере России в XVII в.“, т. II, стр. 129). Население дворов выведено по средним у Милюкова, причем принято в 7 чел. на двор обоих полов.

[8]) *Богословский*, Земск. самоуправление, стр. 130.

[9]) См. ниже о заселении этих областей.

выросло, как, напр., в Устюжском уезде на 19% [1]), этот прирост был очень невелик и, очевидно, объясняется не приливом со стороны. Север таким образом перестал быть местностью, привлекавшей переселенцев; напротив, население начало отсюда отливать: центр тяжести экономической жизни страны стал перемещаться к югу и востоку, хозяйство севера падало.

Тяготение населения на восток и юг было во второй половине XVII века резко выражено. В Прикамье и Поволжье население приливало и с северного Поморья и из центра Московской Руси. В Вятской земле вместе с Кайгородским уездом в 1678 г. насчитывалось одного сельского населения уже около $9\frac{1}{2}$ тысяч дворов [2]). Население Соликамского уезда выросло с 20-х годов XVII века более, чем вчетверо [3]), Яренского на 50%, Чердынский уезд в 1678 г. оказался населеннее, чем в 40-х годах того же века, на целых 80% [4]). В половине XVII века на Каму идут поселенцы из казанского Поволжья, с Ветлуги, из Устюга, с Двины, из Ярославля [5]). С 50-х годов наблюдается сильный приток переселенцев из центра и с севера в Свияжский и Казанский уезды [6]). Главные колонизаторы здесь—монастыри и митрополит казанский [7]). В 1648 году началось сооружение укрепленной симбирской черты, тянувшейся от Симбирска до Инсара через Саранск. Названные сейчас города и были важнейшими „острогами", укреплениями по этой черте [7]). Еще в 30-х годах были основаны для защиты от ногаев Козлов, Тамбов, Верхний и Нижний Ломовы [8]). Но в 40-х годах ногаи уже смирились, их сменили в Заволжье пришедшие из Сибири — с Ишима и Тобола — калмыки, которые и явились с тех пор важнейшим препятствием для колонизации этого края русскими и даже начали было насту-

---

[1]) *Богословский,* Земс. самоупр., I, стр. 130.

[2]) Там же, I, стр. 129.

[3]) Там же, I, стр. 130; автор ошибочно говорит на 395%,—тогда было бы почти впятеро; на деле на 326%.

[4]) *Богословский,* Земс. самоупр., стр. 130.

[5]) *Перетяткович,* Поволжье в XVII и начале XVIII в., Одесса, 1882, стр. 133.

[6]) Там же, стр. 51 и след., 85 и след.

[7]) Там же, стр. 86.

[8]) Там же, стр. 73.

пательные действия, нападая на Самару и Казанский уезд [1]). Против них и башкир сооружается с 1652 года закамская черта через Сенгилей и Мензелинск [2]). В шестидесятых и семидесятых годах в большом и постепенно все быстрее растущем количестве возникают и распространяются русские поселения за симбирской чертой, по Волге ниже Симбирска [3]). Тогда же заселяется самарская лука, для защиты которой в 60-х годах строится Пенза [4]). Население Поволжья и Прикамья достигает в 1678 году, по приблизительным подсчетам, 1 миллиона 270 тысяч человек мужчин и женщин [5]), что составляло тогда свыше $19^1/_2\%$, т.-е. почти пятую часть населения России. И на этом дело не остановилось: и в конце века населене распространялось все далее на юг по Волге: в 1683 г. основана была Сызрань, в 90-х годах возник город Дмитриевск; тогда же стали распространять свои рыбные ловли богатые монастыри центра России—Чудов, Новоспасский, Новодевичий и другие, и в то же время с монастырской колонизацией успешно соперничает колонизация раскольничья [6]).

Но колонизация шла также далее на восток—за Каму и за Урал—в Сибирь. На землях, защищенных закамскою чертой, идет колонизация под руководством и местных монастырей, и патриарха, и самого правительства, поселившего здесь в 60-х годах полоцкую шляхту, и, наконец, сюда же притекают вольные переселенцы—крестьяне [7]). За Уралом, в Приисетском крае, в 1646 году старец Далмат основывает монастырь, привлекающий, несмотря на калмыцкое разорение, в 50-х и 60-х годах поселенцев из северного Зауралья [8]). В 1659 г. в Верхотурском уезде, по дороге из Туринска и Тюмени на Уфу, основан был Катайский острог, затем в 60-х годах в Тобольском

---

[1]) Там же, стр. 124—129.

[2]) Там же, стр. 129; *Милюков,* Очерки по истории русской культуры, I, стр. 55.

[3]) *Перетяткович,* Поволжье в XVII и начале XVIII в., стр. 190.

[4]) Там же, стр. 226 и след., 234.

[5]) *Милюков,* Госуд. хоз., стр. 197, 198.

[6]) *Перетяткович,* Поволжье, стр. 236—248.

[7]) Там же, стр. 253 и след.

[8]) *Плотников,* Очерки бедствий Далматовского монастыря; „Чт. в Общ. Ист. и Др. Рос." за 1863 г., кн. I, стр. 75—76.

уезде, Мехонский и Маслянский остроги и Шадринская слобода. И хотя скоро потом — между 1662 и 1667 годами—разгорелся и бушевал первый башкирский бунт, нанесший существенный вред русским колонизаторам, но после его усмирения свободы, села и деревни в 80-х и 90-х годах растут здесь как грибы после дождя [1]). В Сибирь в одном 1670 году проехали через Верхотурье свыше 2.000 человек из Тотьмы, Устюга, с Ваги, Мезени, Сольвычегодска, Яренска, Сысолы, Кайгорода [2]). Население Сибири достигло в 1678 году 100 тысяч человек обоих полов, не считая инородцев [3]) ($1^1/_2{}^0/_0$ всего населения России).

Уже изображая процесс заселения Поволжья и Прикамья, пришлось отчасти характеризовать тяготение населения к югу — точнее к юго-востоку. Но не менее быстро и сильно шла и колонизация прямо на юг — между Доном и Днепром. В 50-х годах XVII века здесь сооружается белгородская черта, ставшая необходимой потому, что за старую, тульскую линию обороны, сооруженную в конце 30-х годов XVII века, население давно вышло далеко вперед, на юг. Но и белгородская черта не была южным пределом колонизации в то время: в ближайшие затем десятилетия из Великороссии и из Малороссии быстро заселяются южная часть нынешней Курской губернии, почти вся Харьковская и западная часть Воронежской [4]). Для защиты вновь заселенных мест строится третья оборонительная линия—по Донцу, но и она разделяет участь двух первых: население скоро проникает и за ее пределы [5]). Население юга России уже в 1678 г. достигло 1 милл. 130 тыс. человек обоих полов [6]), что составляло по отношению к общему числу населения страны около $17\,^1/_2\%$

---

[1]) Там же, стр. 78—81.

[2]) *Соловьев,* История России, XIII, М. 1878, стр. 130.

[3]) *Милюков,* Госуд. хозяйство России, стр. 200.

[4]) *Багалей,* Очерки колонизации и быта степной окраины Моск. госуд., М. 1887; *Миклашевский,* К истории хоз. быта Моск. гос., ч. I, М. 1894; *Милюков,* Очерки по ист. рус. культ., I.

[5]) Там же.

[6]) *Милюков,* Госуд. хоз., стр. 194, 195. Мы причисляем и однодворцев и служилых людей нового строя.

Уже из сказанного видно, что Поволжье с Прикамьем и юг, вместе взятые, значительно превосходили количеством населения центральное Замосковье. Конечно, это последнее, если взять отношение населения к пространству, к территории, было заселено гораздо плотнее, но именно этим, т.-е. тем, что населенность центра достигла обычной нормальной точки насыщения при установившихся хозяйственных отношениях, и объясняется колонизация юга и востока: колонизацией население реагировало на некоторую хозяйственную отсталость, ею оно подчеркивало необходимость значительно видоизменить экономический тип московского центра. Как всегда бывает, это все находило себе выражение в попытках народной массы сохранить хозяйственную старину на новых местах, откуда проистекала и некоторая возможность для оставшегося на месте населения длить старые отношения и порядки и на тех местах, которые были покинуты переселенцами.

Набросанная сейчас картина распределения населения в Московской Руси XVII века дополняется еще одним важным и ярким штрихом: оказывается, что и запад — от Новгорода до Смоленска — не был обделен населением и был заселен хотя и менее плотно, чем Замосковье, но гораздо плотнее юга: здесь в 1678 году числилось до 1 милл. 380 тыс. душ мужского и женского пола[1]), свыше 21% всего населения тогдашней России. Значит, какое-то стихийное тяготение наблюдается также и по направлению к западу.

Внимательное исследование вопроса о населении и его распределении на территории страны обнаруживает таким образом некоторые важные и знаменательные явления и тенденции, дающие ключ к пониманию хозяйственной действительности второй половины XVII века. Очевидно, для промыслового населения русского севера открывались широкие и потому заманчивые возможности на востоке и особенно в Сибири, куда оно и устремлялось широкой струей. Очевидно также, что заселение центра достигло нормы, и здесь требовались какие-то экономические перемены, что выражалось

---

[1]) Там же стр. 190, 191.

в быстром и сильном колонизационном движении отсюда на восток и юг. И, наконец, и запад не был беден населением: занимая вместе с центром гораздо меньшую территорию, чем юг и Поволжье с Прикамьем, если не считать даже Сибири, запад и Замосковье соединяли в своих пределах больше половины всего населения — до 53-х его процентов.

Ближайший анализ чисто-хозяйственных явлений должен дать более конкретное содержание тем намекам, какие даются изучением населения и колонизации Московской Руси второй половины XVII века.

Мы видели при изучении хозяйства в два первые момента дворянской революции в России несомненный рост торгового капитализма, настоящее „первоначальное накопление“ в полном его ходу. Чего не хватало тогда этому процессу?

Несомненно, одного, — самого важного притом: системы, более или менее установившегося постоянного направления. Первые следы этой системы и такого направления, установившихся окончательно при Петре Великом, следовательно, в данном случае подготовлявшие петровскую реформу, наблюдаются во второй половине XVII века при некоторых их зародышах, в свое время отмеченных и для более раннего времени. Имя этой системе или направлению — меркантилизм, а сущность ее—в утверждении понятия о том, что деньги не являются всем богатством страны, но, составляя часть этого богатства, в то же время служат важнейшим средством для развития хозяйства, активнейшей экономической силой, создающей хозяйственный прогресс.

Этим вызывается прежде всего стремление к возможно более широкому развитию внешней торговли, так как от этого — от благоприятного торгового баланса, от перевеса ценности вывоза над ценностью ввоза, зависел приток денег из-заграницы.

Для характеристики русской внешней торговли второй половины XVII века необходимо прежде всего остановиться на ввозе заграничных товаров.

Мы, к сожалению, редко и лишь по отношению к отдельным товарам располагаем цифровым материалом, который всего ярче и наиболее наглядно изображал бы

ввоз и его отдельные разветвления. Но о том, какие именно товары ввозились из-заграницы во 2-й половине XVII века, — мы можем судить во всяком случае с достаточной определенностью и без опасения впасть в ошибку.

Несомненно, что предметы роскоши составляли очень важную статью иностранного ввоза. Сюда относились золотые и серебряные изделия — посуда, украшенная драгоценными каменьями, главным образом, — привозившиеся греками [1]). Те же греки доставляли драгоценные седла, мундштуки, узды, чапраки, венцы, зарукавники, серьги, перстни [2]), сапфиры [3]); рубины доставлялись одинаково и греками и персами [4]). Драгоценности всякого рода, а также между прочим и зеркала, ввозились и с запада Европы англичанами и голландцами [5]). Парча („золотные портища", как ее зовет Котошихин) привозилась и греками [6]) и персами [7]). Персы доставляли еще ковры, бирюзу, жемчуг [8]). Все перечисленные сейчас товары служили для украшения жилища и одежды. Но и изысканность стола, пищи удовлетворялась многими предметами заграничного ввоза: так, с запада ввозились шафран, вина [9]), соленые лимоны [10]). И характерно, что, несмотря на обилие и разнообразие ввозимых из-заграницы предметов роскоши, потребность в них, повидимому, была выше ее наличного удовлетворения: недаром русское правительство конца XVII века через своих дипломатов в Китае пыталось добиться вывоза оттуда драгоценных камней, „пряных зелий и всяких кореньев" [11]). Ясно, что покупательная способность бо-

[1]) *Котошихин,* XII, 4.

[2]) Там же, XII, 4.

[3]) Путешествие в Россию барона Майерберга, перевод Шемякина: „Чтение в Общ. Ист. и Древ. Рос." за 1874 г., кн. I, стр. 197.

[4]) Там же, стр. 197; *Котошихин,* XII, 4.

[5]) *Майерберг*—в „Чтениях" за 1873 г., кн. IV, стр. 134.

[6]) *Котошихин,* XII, 4.

[7]) *Майерберг*—в „Чтениях" за 1873 г., кн. III, стр. 54.

[8]) Там же.

[9]) *Майерберг*—в „Чтениях" за 1873 г., кн. IV, стр. 134.

[10]) „Чтения в Общ. Ист. и Др." за 1901 г., кн. II, смесь, Письмо русских купцов из Стокгольма в Нарву своему товарищу о торговых делах, стр. 32. (Письмо относится к 1660 году).

[11]) *Соловьев,* История России, т. XVIII, изд. 2-е, М. 1875, стр. 7.

гатых верхов русского общества была весьма значительна, более того—росла и превышала имевшееся предложение: несомненный признак развития торгового капитализма и одно из основ этого развития.

Но, уже говоря о ввозе предметов питания, приходится отметить один, рассчитанный на массовое потребление: это — сельди. В 70-х годах они ввозились через Архангельск тысячами тонн в год, так что ввоз в иные годы достигал полутораста тысяч пудов [1]). Уже это являлось важной новостью, указывавшей на расширение круга потребителей иностранных товаров: опять признак роста денежного хозяйства, торгового капитализма.

Уже большая часть перечисленных выше предметов роскоши представляет собою продукты иностранной индустрии — западной, европейской и восточной, азиатской. Шелковые материи, оружие и стальные клинки для мечей и ножей, доставлявшиеся опять-таки и с европейского запада англичанами и голландцами [2]) и с востока персами [3]), — являют собою также яркий образец того, как индустрия иных стран служила московской роскоши и богатству, удовлетворяла их спросу. Может сюда же, к предметам роскоши, по крайней мере отчасти, следует отнести сахар, чулки, сукна, даже, пожалуй, полотно, привозившиеся англичанами и голландцамими может быть также тесьму, закупавшуюся новгородски [4]), купцами в Нарве [5]), но уже камлот („зуф"), шедший от греков [6]), десятки тысяч стоп бумаги и сотни тысяч штук иголок, ввозившиеся в 70-х годах с запада Европы через Архангельск [7]), были рассчитаны, несомненно, на массовое потребление, и для той же цели служили также льняные и хлопчатобумажные ткани, привозившиеся персидскими купцами [8]). Значит, европейская и азиатская индустрия имела в России второй половины XVII века обширный

---

[1]) *Покровский,* Русская история, III, стр. 101.
[2]) *Майерберг*—в „Чтениях" за 1873 г., кн. IV, стр. 134.
[3]) Там же, кн. III, стр. 54.
[4]) Там же, кн. IV, стр. 134.
[5]) „Чтения в Общ. Ист. и Др." за 1901 г., кн. II, смесь, стр. 32.
[6]) *Майерберг*—в „Чтениях" за 1874 г., кн. I, стр. 197.
[7]) *Покровский,* Рус. история, III, стр. 101.
[8]) *Майерберг*—в „Чтениях" за 1873 г., кн. III, стр. 54.

внешний рынок, охватывавший не только верхи общества, но и широкие его массы, в значительной степени народные глубины.

Все это достаточно ново и показательно. Но еще важнее данные о ввозе средств производства. Конечно, и упомянутые выше иголки—средство или орудие производства, хотя и исключительно мелкого, ремесленного и кустарного; но уже здесь нельзя не отметить, что иголок обычно ввозилось свыше полумиллиона, даже до 700.000 штук в год [1]). Сверх того, с того же запада доставлялись такие средства производства, которые могли иметь приложение не только в ремесленной мастерской или кустарной избе, но и в более или менее обширной мануфактуре. Сюда относились медь, привозившаяся в Архангельск англичанами и голландцами [2]), а также закупавшаяся в Швеции новгородскими купцами [3]), ввозившиеся через Архангельск свинец, олово [4]), краски (многими сотнями пудов в год) [5]), наконец, шведское железо, которого, напр., в один только 1671 год ввезено было 1.957 полос [6]). Что касается шелка, важнейшего предмета персидского ввоза через Астрахань, то он служил не средством русского производства, а если не исключительно, то в главной своей массе предметом перепродажи на запад с большою выгодой для посредника, как скоро увидим.

Заканчивая чисто-количественную характеристику ввоза иностранных товаров в Россию второй половины XVII века, мы встречаемся с весьма важным свидетельством барона Майерберга, бывшего в России в 1661 году, о том, что англичане и голландцы ввозят „огромное количество золотых и серебряных денег“ [7]). Это свидетельство не оставляет сомнения в явлении, характерном для той стадии в развитии торгового капитализма, на которой последний слагается в цельную систему мер-

---

[1]) *Покровский,* Русская история, III, стр. 101.
[2]) *Майерберг*—в „Чтениях“ за 1873 г., кн. IV, стр. 134.
[3]) „Чтения в Общ. Ист.“ за 1901 г., кн. II, смесь, стр. 32.
[4]) *Майерберг*—в „Чтениях“ за 1873 г. кн. IV, стр. 134.
[5]) *Покровский,* Рус. история, III, стр. 101.
[6]) Там же.
[7]) *Майерберг,*—в „Чтениях“ за 1873 г., кн. IV, стр. 134.

кантилизма: ясно, что внешняя торговля России того времени создавала то, что именуется благоприятным торговым балансом,—прилив звонкой монеты, металлических—золотых и серебряных,—денег в страну и тем осуществляла основную тенденцию, главный смысл меркантилизма—приобретение того, что считалось меркантилистами важнейшим средством для экономического развития, главным творческим, активным элементом хозяйственной жизни. Не отожествляя деньги со всем богатством, меркантилистская теория считала их, однако, главным средством увеличения богатства и потому настаивала на приливе их в страну. И московские экономисты и финансисты, при всей своей примитивности, сознавали это: недаром к концу XVII века они добивались от Китая ввоза серебра [1]).

Система меркантилизма во внешней торговле обозначается, таким образом, ясно уже при изучении ввоза. Обратимся к рассмотрению русского вывоза заграницу.

Как и водится при системе меркантилизма, хотя бы и зарождающейся или находящейся в процессе происхождения, ценность вывоза была выше ценности ввоза, особенно, если из ввоза исключить золотые и серебряные деньги Главную ценность среди вывозных товаров представляли собою юфть, которой вывозилось на 335.000 р. (6 милл. руб. на наши золотые рубли), меха, которых через один только Архангельск продавалось заграницу, на европейский запад, на 100.000 рублей деньгами того времени [2]) (1 милл. 700 тыс. руб. на наши золотые рубли). Но, сверх того, меха продавались в Астрахани татарам, персам и армянам [3]), и новгородские купцы поставляли в Нарву меха собольи, куничьи, котиковые, беличьи и заячьи [4]); вывозились меха, наконец, и греками [5]).

Вообще продукты добывающей промышленности составляли господствующую статью русского заграничного

---

[1]) *Соловьев*, История России, XVIII, стр. 7.

[2]) *Де-Родес*, Размышления о русской торговле в 1653 г.; „Магазин землеведения и путешествий", т. V.

[3]) *Майерберг*, стр. 54.

[4]) „Чтения в Общ. Ист. и Др. Рос." за 1901 г., смесь, стр. 31.

[5]) *Майерберг*, стр. 197; *Котошихин*, XII, 4.

вывоза второй половины XVII века. Сюда относились продукты рыболовства, как икра (главным образом белужья и осетровая) [1]), которой вывозилось тогда до 20.000 пудов ежегодно [2]), тюленье сало [3]), рыбий клей (до 300 пудов в год) и лососина (25.000 пудов ежегодно [4]); далее, продукты лесоводства — поташ, смола зола [5]); новгородцы вывозили в Нарву мачтовый сосновый лес и лес дубовый [6]); продукты пчеловодства,—мед и воск—вопреки некоторым исследователям [7]), далеко не потеряли важного значения в заграничном вывозе Московской Руси второй половины XVII века [8]); наконец, из других продуктов добывающей промышленности имели значение в вывозной торговле слюда [9]) и ревень [10]).

Вслед за добывающей промышленностью в заграничном вывозе шло по значению своему сельское хозяйство, причем скотоводство было важнее земледелия. Из скотоводственных продуктов вывозились главным образом сало и воловьи кожи [11]), из земледельческих лен [12]), льняное семя [13]), пенька, шедшая через Архангельск [14]) и доставлявшаяся также новгородцами в Нарву [15]); одно время—в 50-х и 60-х годах,—вывозили также хлеб [16]), но вывоз его в 70-х годах, повидимому, почти совсем прекратился [17]).

---

[1]) *Майерберг,* стр. 134.

[2]) *Де-Родес,* Размышления о рус. торговле; *Кильбургер,* Краткое известие о русской торговле, Спб. 1820.

[3]) *Майерберг,* стр. 134; *Корб,* Дневник поездки в Московию, стр. 265.

[4]) *Де-Родес,* Размышления о рус. торг.

[5]) *Майерберг,* стр. 134; *Котошихин,* XII, 1; *Заозерский,* Царь Алексей Мих. в своем хозяйстве, стр. 250 и след.

[6]) „Чтения в Общ. Ист. и Др." за 1901 г., кн. II, смесь, стр. 31.

[7]) *Покровский,* Рус. история, III, стр. 93.

[8]) *Майерберг,* стр. 134; *Корб,* стр. 265.

[9]) *Майерберг,* стр. 134; *Корб,* стр. 265.

[10]) *Котошихин,* XII, 1.

[11]) *Майерберг,* стр. 134; *Корб,* стр. 265.

[12]) *Корб,* стр. 265; *Заозерский,* Царь Алексей Мих. в своем хозяйстве, стр. 248 и след.

[13]) *Майерберг,* стр. 134.

[14]) *Котошихин,* XII, 1; *Корб,* стр. 265.

[15]) „Чтения в Общ. Ист. и Др." за 1901 г., кн. II, смесь, стр. 32.

[16]) *Де-Родес,* Размышления о рус. торговле.

[17]) *Кильбургер,* Краткое известие о рус. торг.; *Покровский,* Рус. ист., III, стр. 90.

Таким образом, роль России в международной торговле, как поставщицы сырья вырисовывается во второй половине XVII века с совершенною ясностью. Этим подготовлялась не только та действительность, которая сложилась при Петре Великом, но и гораздо более поздняя, до самого последнего времени. Но и при Петре и особенно позднее по отношению к азиатским странам Россия стала приобретать значение отчасти и поставщицы индустриальных изделий. И в этом отношении более поздние явления подготовлялись вывозной торговлей второй половины XVII века; в Персию начали тогда вывозить русское полотно [1]).

Особо стоит новая для того времени ветвь иностранной торговли—перепродажа чужих товаров. Здесь первенствующее значение имела продажа в Архангельске европейцам персидского шелка, развившаяся с легкой руки и по инициативе Джона Мерика [2]); продавали и собственный шелк, поскольку удавалось его вырабатывать [3]). В Персию сбывали западно-европейскую медь [4]).

Учесть общие обороты вывозной торговли того времени чрезвычайно трудно. С известной степенью приблизительности их, однако, определить можно. Царская торговля на вывоз давала годовой оборот по меньшей мере в 300 тысяч рублей [5]), московские экспортеры— „гости" — торговали почти исключительно с заграницей своими собственными капиталами на $1^1/_2$ милл. в год [6]); один из них, Шорин, имел годового дохода до 300 тыс. руб. [7]), что в переводе на наши золотые рубли начала XX века составит 5 милл. Общий же оборот внешней вывозной торговли, составлявший не менее 1 милл. 800 тыс. руб. на деньги 2-й половины XVII века, равнялся 30 милл. 600 тыс. руб. золотых начала XX столетия. По

---

[1]) *Покровский,* Рус. история, III, стр. 96.
[2]) *Котошихин,* XII, 1.
[3]) *Заозерский,* Царь Алексей Мих. в своем хозяйстве, стр. 253 и след.
[4]) *Покровский,* Рус. история, III, стр. 96.
[5]) Ср. там же, стр. 90 и след.
[6]) Вычислено по *Котошихину,* X, 1, где число гостей—30 чел., а оборот каждого из них в среднем 50 тыс. р.
[7]) *Котошихин,* VII, 9.

тому времени это была очень значительная, высоко развитая внешняя торговля. Торговый капитализм был, очевидно, уже в полном ходу. Нельзя не отметить здесь попутно, что новгородские купцы торговали и в кредит, занимали деньги даже в шведском банке [1]).

На развитие торговли внутренней мы имеем прежде всего ряд прямых указаний, свидетельствующих о том, как в разных областях страны во все поры народнохозяйственного организма проникал торговый оборот.

На первом плане здесь стоит, конечно, столица государства — Москва. Здесь обращают на себя внимание прежде всего ряды на Красной площади; шелковый, суконный, золотой, скорняжный, сапожный, столового белья, иконный, торговли платьем, продажи плодов, рыбный и птичий [2]). В конце XVII века в Китай-городе было уже мало жилых помещений,—почти все были лавки; были там также рынки, и существовала живая и бойкая разносная торговля [3]). В то время лавки в этой части Москвы — их считалось тогда до 614 — стали гораздо крупнее, чем прежде, мелкие же лавки распространялись по Белому городу и Земляному городу [4]). В 70-х годах у Пречистенских ворот было 50 лавок, у Ильинских 48, у Варварских 7 [5]). Всего в Белом городе имелось: 501 лавка, 16 амбаров, 13 „харчевых изб“; три стана для склада камня, 195 мелочных лавок; тогда же возник и Охотный ряд. В Земляном городе было 1.666 торговых помещений, иногда очень крупных [6]). Всего, следовательно, в Москве конца XVII века можно считать, исключая ряды, рынки и мелочной разносный торг, свыше 3.000 торговых помещений разного типа. В московской Мещанской слободе 1677 года из 534-х человек, имевших там жительство, 310 торговали [7]), причем

---

1) „Чтения в Общ. Ист. и Др. Рос.“ за 1901 год, кн. II, смесь, стр. 32.

2) *Корб,* Дневник, стр. 263—264.

3) *Довнар-Запольский,* Торговля и промышленность Москвы, стр. 41.

4) Там же, стр. 51.

5) Там же, стр. 51.

6) Там же, стр. 51—52.

7) „Чтения в Общ. Ист. и Др.“ за 1860 г., т. II, смесь, Опись Московской Мещанской слободы 7185 года, стр. 1—20.

на-ряду с „торговлей походя“ или „походячим торгом“, встречается много торговцев в рядах—Рыбном, Холщевом, Медовом, Ветошном, Коровьем, Шапочном, Кафтанном, Кружевном, Игольном, Чулочном, Железном, Житном, Овчинном-Стригольном, Пушном, Мучном, Дегтярном, Серебряном, Овощном, Шелковом, „Сырейном“, „Ирошном“, Лесном, Москотильном, Крашенинном, Сурожском, Сапожном, Седельном и Ножевом, наконец, есть и совсем крупные торговцы—лесом, пенькой в Архангельске [1]). Встречается, между прочим, торговец книгами на Крестце [2]), т.-е. у Спасских ворот на Красной площади, где процветала книжная торговля [3]). В общем, таким образом, мы имеем перед собой в Москве конкретную и яркую картину крупного коммерческого центра, типичного именно для эпохи довольно уже развитого торгового капитализма.

Но и другие города и сельские поселения московской центральной области носили уже на себе печать эпохи. В Суздале на посаде мы видим 4 двора людей гостиной сотни [4]). В Ростове Великом в 1661 г. считалось 388 торговых помещений [5]). В селе Вознесенском, принадлежавшем Воскресенскому монастырю, и около приписного к Воскресенскому—Пятницкого монастыря в конце XVII века существовали постоянные торжки [6]). В Ниловой пустыни на озере Селигере (в нынешней Тверской губ. Осташковского уезда) в праздники торговали приезжие торговые люди [7]). В 70-х годах в Лихвинском Афанасьевском монастыре (нын. Калужской губ.) в мае бывала ярмарка [8]). Крупной центральной ярмаркой попрежнему была ярмарка в Холопьем городке на

---

[1]) Там же.

[2]) Там же.

[3]) *Забелин,* История города Москвы, I, стр. 638 и сл.

[4]) Моск. Арх. Мин. Юст., переписная № 11325, л. 60 об.

[5]) *Довнар-Запольский,* Торговля и промышленность Москвы, стр. 56.

[6]) *Арх. Леонид,* Воскресенский монастырь: „Чт. в Общ. Ист. и Др.“ за 1875 г., кн. I, стр. 371, 373.

[7]) *Рачинский,* Нилова пустынь: „Чт. в Общ. Ист.“ за 1875 г., III, стр. 4—5.

[8]) *Арх. Леонид,* О калужских монастырях: „Чт. в Общ. Ист.“ за 1863, I, стр. 125.

Мологе [1]), но, по значению, ее начинала заменять Макарьевская ярмарка, ярким свидетельством о развитии которой является распоряжение правительства о сборе пошлин с нее на царя, а не на монастырь, получивший взамен этого дохода ругу из царской казны [2]).

Но у нас нет недостатка в свидетельствах о развитии внутренней торговли и в других областях Московской Руси того времени. На севере Антониев-Сийский монастырь уже около половины XVII века продавал в Москве 30 тыс. пудов соли и рыбу в большом количестве [3]). В Великом Устюге 70-х годов XVII века на 1.000 дворов приходилось 260 торговых помещений [4]). В Устюжском и Сольвычегодском уездах было много крупных капиталистов [5]). Палеостровский монастырь в половине XVII века продавал соль, а покупал в Новгороде, Новгородском уезде, Ладоге, Вологде, Белоозере, Каргополе, Холмогорах, Сермаксе, Сумском остроге, Олонце—воск, ладан, вино, мед, рожь, овес, яровой хлеб, сукна, шубы, овчины, платье [6]). И перечень мест торговли и предметов ее здесь достаточно красноречиво говорит сам за себя. Жители Вязьмы торговали по Днепру [7]); среди них было много торговцев: не только таких, которые „сидели в лавке со всякою мелочью“, или были мясниками, но и таких, которые „торговали солью и пенькою“, „торговали отъезжая мягкою рухлядью“ (т.-е. мехами), были „скупщиками животины“, „торговали отъезжая всяким товаром“ [8]). Много купцов было в Смоленске [9]). Жители Свияжска торговали солью и шелковыми материями, которые закупали в Астрахани, и были очень зажиточны [10]). „Начиная со второй поло-

---

[1]) *Майерберг*, Путешествие в Московию, стр. 156.

[2]) Акты Археогр. Экспед., IV, № 157.

[3]) *Еп. Макарий*, Историч. сведения об Антониевом-Сийском монастыре: „Чт. в Общ. Ист. и Др.“ за 1878 г., III, стр. 49—50.

[4]) *Довнар-Запольский*, Торговля и промышл., Москва, стр. 56.

[5]) *Богословский*, Земское самоуправление на севере России, I, стр. 108.

[6]) Барсов Палеостров: „Чт. в Общ. Ист.“ за 1868 г., I, стр. 44.

[7]) *Петрей*, История о великом княжестве Моск., стр. 34.

[8]) Моск. Арх. Мин. Юст., переписная № 10814, лл. 1 об., 3 и др., 5, 13 об., 20.

[9]) *Петрей*, История о вел. княж. Моск., стр. 34.

[10]) Там же, стр. 64.

вины XVII века, Стародуб был главным торговым рынком для всей почти Малороссии“; „на две стародубские ярмарки товары привозились главным образом из Риги и из Москвы, и отсюда некоторые из них уже местными торговцами развозились по всей Малороссии“; стародубское купечество было очень богато [1]). В то же время и Нежин „становится заметным торговым пунктом“; в течение одного только десятилетия—в 60-х годах—откупные деньги за продажу водки, табака и дегтя выросли здесь более, чем в полтора раза; два раза в неделю там был базар, и существовали три ярмарки в год [2]).

Можно привести ряд примеров отдельных хозяйств—церковных и светских,—показывающих, как они вполне или отчасти втягивались в торговый оборот, не довольствовались собственным производством, а закупали товары, и, с другой стороны, сами работали для рынка. Выше был уже приведен пример Палеостровского монастыря, который продавал и покупал разные товары. Другой пример—хозяйство Воскресенского монастыря. С центральных своих имений в 1693 г. он получал 3.200 р. годового дохода, из которых с крестьян собиралось только половина—1.600 руб. [3]). Остальная половина, очевидно, выручалась от продажи товаров. Сверх того, 286 р. 6 алтын 4 деньги получались от продажи семги, поступавшей с беломорских вотчин монастыря [4]). Монастырь занял у кадашевца Турчанина 315 руб. на свои торговые операции, продавал скот—баранов, быков, лошадей, покупал рожь и, сверх того, постоянно, изо-дня-в-день делал закупки конопляного и коровьего масла, сорочинского пшена, икры, разной рыбы, меда, вина, соли, солода, хмеля, огурцов, мела, свеч, свинца, бумаги, дров, шелкового шнура, железной проволки, сурика, крашенины, тарелок, олифы, теса, бочек, кож, пеньки, шерсти, железа, дегтя [5]). Царское дворцовое хозяйство, как его

---

[1]) *Лазаревский,* Описание старой Малороссии, т. I, Киев. 1888, стр. 113, 114.

[2]) Там же, т. II, Киев 1893, стр. 52, 55, 58.

[3]) *Арх. Леонид,* Воскрес. мон.: „Чт. Об. Ист.“ за 1875 г. I стр. 367.

[4]) Там же, стр. 369.

[5]) Там же, стр. 390, 393—407.

описывает Котошихин, конечно, на три четверти было еще феодальным, потребительским, и, однако, уже оно не обходилось без покупки товаров в московских рядах, без поставщиков вина на царский двор, без продажи на сторону излишков разных продуктов; одного сена покупалось на 100 тыс. р. в год (1 милл. 700 тыс. р. на золотые деньги начала XX века). Все это понятно: свадьбы, дни рождения, погребения царя, царицы, членов царского семейства требовали затраты „множества денег", „множества тысяч"; стоимость царского погребения равнялась годовому доходу государства; ежедневный обычный расход вина составлял 100 ведер и, сверх того, 400—500 ведер пива и меда; в праздники вина расходовалось 400—500 ведер, пива и меда до 2.000 ведер [1]). Тут никак нельзя было обойтись своими средствами, рынок был необходим и для покупки и для продажи.

Еще больше втянуто было в рыночные связи и отношения то личное хозяйство царя Алексея, которое управлялось через Тайный приказ, и о котором у нас уже шла речь в истории хозяйства первой половины века [2]). В это хозяйство покупались иногда рогатый скот, всегда овцы и свиньи [3]). Тайный приказ внимательно следит за колебаниями цен на хлеб [4]). Винокурение, производство льна, овощей, хмеля, поташа, стекла рассчитаны были на рынок [5]). Соль покупалась со спекулятивными целями—для перепродажи на очень выгодных условиях [6]). Подобные же наблюдения можно сделать и над хозяйством Морозова [7]).

Оживление внутреннего торгового оборота будет вполне понятно, если обратить внимание на экономическую специализацию отдельных частей страны, обусловливавшую необходимость живого обмена между ними.

---

[1]) *Котошихин,* VI, 3; I, 21, 26, 27, 32; VI, 6; VI, 2.

[2]) См. том IV.

[3]) *Заозерский,* Царь Алексей Мих. в своем хозяйстве, стр. 126.

[4]) Там же, стр. 243.

[5]) Там же, стр. 246 и сл., 248, 249, 250, 251.

[6]) Там же, стр. 251 и сл.

[7]) *Забелин,* Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве.

Земледелие давно уже восторжествовало в центре, в городах замосковных. И писцовые книги, и данные, напр., о хозяйстве царя Алексея в центральных уездах не оставляют сомнения в том, что это преобладание земледелия над другими отраслями хозяйства здесь продолжалось. Тем характернее то явление, которое было отмечено выше при изучении перемен в распределении населения: мы видели тогда, что что-то гнало население из Замосковья. Очевидно, господство земледелия уже переставало удовлетворять потребности местного населения. Это сказывалось в попытках создать более широкую, чем прежде, мануфактуру и развить появившиеся еще раньше ремесло и кустарничество, опять таки приспособив их к условиям и требованиям рынка, подчинив их торговому капиталу.

Заводы Виниуса и Марселиса продолжали существовать попрежнему и работали главным образом вовсе не на казну и не для военного снаряжения и вооружения, а для рынка, изготовляя полосовое и кровельное железо, сплошь и рядом— особенно у Акемы—очень хорошее, железные двери и ставни, судовые якоря [1]). Заводы Акемы, находившиеся в Малоярославецком уезде,—их было два, Уготцкий и Истицкий,—были в 1693 г. переданы Миллерам—Вахромею и Петру с их матерью [2]) и продолжали работать, как и раньше. Около Клина был царский железный завод, изготовлявший также полосовое железо, железные связи для каменных построек, гвозди [3]). По Коллинсу, царь Алексей устроил большую канатную мануфактуру [4]). В ведомстве приказа Тайных дел с 60-х годов появляется ряд царских заводов. Таковы были в Звенигородском уезде железные заводы в селах Степановском, Обушковском и Брондиновском, на которых выделывалось листовое железо, лопаты, топоры, гвозди, пушки [5]); два стеклянных завода—в Измайлове и в Черноголовской волости, главным строителем которых был Лавис Моет,

---

[1]) *Покровский,* Русская история, III, стр. 120.

[2]) Моск. Архив Мин. Юст., Вотчинной коллегии дела старых лет, по гор. Мурому, кн. 76, № дела I.

[3]) *Покровский*, Рус. история, III, стр. 120—121.

[4]) Там же, стр. 121.

[5]) *Заозерский,* Царь Алексей Мих. в своем хозяйстве, стр. 146, 147.

называвшийся по-русски Иваном Мартыновым [1]); сафьянный завод, основанный сначала в Москве, потом переведенный в село Чашниково и, наконец, водворившийся окончательно в Москве, на Воронцовом Поле; на этом заводе делались попытки изготовления миткаля и кумача, а также обработки кожи [2]); наконец, сюда же относится кирпичный завод в Строкине [3]). В 70-х годах существовали две писчебумажных фабрики—одна царская, другая вдовы фон-Шведена. Сам Иоганн фон-Шведен основал в 1650 году первую суконную фабрику [4]). Коет или Коже устроил завод, выделывавший грубое стекло для массового потребления—оконное и бутылочное и сбывал бутылок от 80 до 90 тысяч штук в год [5]). В 80-х и 90-х годах XVII века у гостя Владимира Васильевича Воронина, а потом у вдовы его были в Звенигородском уезде железные заводы Сорокинские и Павловские [6]). У некоторых московских монастырей, напр., у Данилова монастыря в 80-х годах, были кирпичные заводы, арендовавшиеся посадскими людьми [7]). У царя в Москве были денежные дворы — три серебряных и один медный [8]); на Девичьем Поле был соляной завод [9]). В 1684 году Тарбету разрешено было устроить в Москве суконный и шерстяной завод [10]), а гамбургскому уроженцу Паульсону (Павлову, как его звали в Москве),—бархатную фабрику. Эта фабрика была, впрочем, не только бархатной,—на ней приготовлялись вообще разные шелковые ткани [11]).

Приведенные сейчас факты, количество которых сильно увеличилось именно в последнее время благодаря ис-

---

[1]) Там же, стр. 148.

[2]) Там же, стр. 152, 156.

[3]) Там же, стр. 157.

[4]) *Покровский*, Рус. история, III, стр. 117.

[5]) Там же, III, стр. 118.

[6]) *Арх. Леонид*, Воскрес. монастырь: „Чт. в Об. Ист". за 1875 г., III, стр. 729—730.

[7]) *Готье*, Замосковный край в XVII в., стр. 527.

[8]) *Довнар-Запольский*, Торговля и промышлен. Москвы, стр. 57.

[9]) Там же, стр. 57.

[10]) Там же, стр. 57.

[11]) *Е. Лермонтова*, Шелковая фабрика в правление царевны Софьи Алексеевны, Петр. 1915.

следованию архивных материалов, прежде неизвестных, составляют один из типических признаков меркантилизма: развитие туземной мануфактуры со времен Кольбера считалось обязательным условием развития богатства страны и составляло необходимый элемент экономической политики меркантилизма. Так было и во второй половине XVII века в Московском государстве.

Но торговый капитал в России того времени, как и в других странах, простирал свое влияние и на кустарную избу и ремесленную мастерскую; связывая их с обширным национальным и иногда даже международным рынком, он подчинял их в то же время себе посредством системы домашней индустрии, раздачи в долг кустарям и ремесленникам материалов и орудий труда. Поэтому весьма большое значение имеют факты, указывающие на развитие кустарного и ремесленного производства.

Нам уже известно, какие значительные успехи достигнуты были в этом отношении в первые два момента развития дворянской революции в России [1]). Во второй половине XVII века эти успехи продолжались и подготовляли, как и фабричное производство того времени, экономическую реформу Петра.

Что представляла собой Москва в конце XVII века в ремесленном отношении, видно из того, что ремесленное посадское население составляло тогда в ней свыше 42% всего ее населения [2]). В Мещанской свободе 1677 года было 136 портных, 20 кузнецов, 28 серебряников, 19 скорняков, 16 сапожников, 2 каретника, 1 подпружник, 1 красильщик, 3 оконичника, 1 делал насосы, 1 учитель, 31 чернорабочий [3]). Котошихин дает такой перечень восьми московских ремесленных слобод, которыми ведал приказ Большого дворца: котельники, оловянишники, кузнецы, плотники, рыбники, шатерники, горшечники, печники и кирпичники [4]). Он же перечисляет множество ремесленников, занятых в царском хозяйстве и подчиненных различным приказам: тут и царицыны „мастерицы швеи..., которые делают и шьют золотом и серебром и

---

[1]) См. том IV.

[2]) *Довнар-Запольский,* Торг. и промышл. Москвы, стр. 56.

[3]) Там же, стр. 65.

[4]) *Котошихин,* VII, 4.

шелками с каменьеми с жемчюгом" [1]) и скорняки и портные [2]), и 200 винокуров, пивоваров и бочкарей на Сытенном дворе [3]), и на Конюшенном дворе 100 ремесленных людей—каретников, шлейников, седельников, коновалов, кузнецов, сыромятников, колесников [4]),—и 600 пушкарей и затинщиков [5]), и 3.000 хамовников в слободах Кадашева и Бреитова, подведомственных Царицыной Мастерской Палате [6]), и, наконец, оружейники, подчиненные Оружейной Палате [7]).

Но не в одной Москве,—всюду, во многих городах и селах центральной области—обычны и очень распространены кустарные и ремесленные занятия. Известны калужские и гороховецкие деревянные изделия, семеновские деревянная посуда, валяные шляпы и сапоги, рукавицы, овчинные шубы, лысковское полотно, керженецкая деревянная посуда, заволжские шляпы и валенки, мурашкинские рукавицы, тулупы и шапки, ярославские, костромские, вологодские, и архангельские холсты; железно-рудное, кузнечное и слесарное дело существовало в пределах нынешних Нижегородской, Новгородской, Тверской и Костромской губерний; в Устюжне добывалось много железа и выделывались ядра и фальконеты [8]). Десятки ремесленников разного рода значатся в переписной книге Суздаля и его уезда 1678 года [9]). В Угличе 1674 года было 126 ремесленников [10]). Ярославские подрядчики строили каменные здания в Рязанском уезде [11]). В Твери были лучшие кузнецы, а в Козельске делали войлочные накидки разных цветов [12]).

---

[1]) Там же, II, 20.
[2]) Там же, VII.
[3]) Там же, VI, 2.
[4]) Там же, VI, 6.
[5]) Там же, VII, 11.
[6]) Там же, VII, 13.
[7]) Там же, VII, 21.
[8]) *Мякотин*, Попытка общей историй русской фабрики; „Рус. Богатство" за 1899 г., № 1, стр. 19—20.
[9]) Моск. Арх. Мин. Юст., переписная № 11325.
[10]) *Довнар-Запольский*, Торг. и пром. Москвы, стр. 69.
[11]) *Архим. Макарий*, Сборник церк.-историч. и статистич. сведений о Рязанск. епархии: „Чт. в Общ. Ист." за 1863 г., IV, стр. 257—258.
[12]) *Петрей*, стр. 33, 45.

В общем, таким образом, центр Московской Руси во второй половине XVII века, несомненно, уже превращался в промышленно-земледельческую область: тенденция намечалась совершенно ясно.

Ремесло и кустарничество лишь немногими сравнительно и редкими островками попадаются в других областях страны. Они идут везде рука об руку с земледелием, проникающим туда не без препятствий и задержек. И земледелие и обрабатывающая промышленность были распространены в области бывших вольных городов, в Смоленской земле, на севере, начинали все более укрепляться в Казанском, Свияжском, Симбирском уездах [1]), в Прикамье и даже, отчасти, изредка в Сибири—около Тюмени [2]), в Кузнецком уезде [3]), даже близ Иркутска [4]). Но уже на севере они уступали первенство рыболовству, солеварению и охоте [5]), на востоке охота, рыболовство и солеварение были также важнее земледелия, по Дону попрежнему не было пашни,—жили охотой и рыбной ловлей [6]), на Донце у устья реки Оскола Святогорский монастырь имел леса, сенокосы, рыбные ловли, пчельник и совсем не имел пашни [7]). По нижней Волге рыболовство и пчеловодство также всецело господствовали [8]), а Сибирь являла собой образец колонии, эксплоатируемой так, как всегда эксплоатируются колонии эпохи торгового капитализма и меркантилизма. Широким экстенсивным захватом русские достигли к концу XVII века Камчатки, а казаки проникли далеко на юг и основали было Албазин, разоренный, впрочем, скоро потом китайцами. Земледельческая колонизация Сибири была, как сказано, слаба, главное же значение имела колони-

---

[1]) *Перетяткович*, Поволжье в XVII и XVIII в., стр. 56, 85—86, 215 и сл.

[2]) *Майерберг*, стр. 136.

[3]) *Оглоблин*, Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа, часть третья, стр. 100.

[4]) Иркутская летопись.

[5]) *Майерберг, Петрей.*

[6]) *Котельников*, Историческ. сведения о Верхней Курмоярской станице: „Чт. в Общ. Ист." за 1863 г., кн. III, смесь, стр. 5, 9.

[7]) *Клеванов*, Святогорский монастырь: „Чт. в Общ. Ист." за 1865 г., II, смесь, стр. 123.

[8]) *Соловьев*, История России, т. XIV, стр. 64 и след.

зация промысловая, целью которой являлась „мягкая рухлядь“—меха. К этому были направлены усилия государственной власти. Конечно, в Сибирь с промысловыми целями ездили и гости и торговые люди [1]), но главной колонизационно-хищнической силой были русские конквистадоры—служилые люди, особенно казаки. Служилые люди являлись промысловыми приказчиками государства,—собирали ясак мехами, скупали меха и рыбий зуб у инородцев. Ватаги вооруженных промышленников, все равно служилых или посадских по своему происхождению, играли в Сибири ту же роль, как отряды испанских и португальских конквистадоров в Африке и Америке [2]).

Переходя к формам хозяйства, мы встречаемся с явлением. опять чрезвычайно характерным для того момента образования торгового капитализма, когда этот капитализм начинает слагаться в систему меркантилизма: речь идет о торговых монополиях,—царских по своей форме, но реально служивших основой для развития торгового капитала крупнейших предпринимателей того времени, комиссионеров царской казны,—гостей.

Те страницы III тома „Русской Истории“ М. Н. Покровского, которые посвящены монополиям второй половины XVII века, принадлежат к числу лучших частей этого замечательного труда, и нам здесь остается только повторить в основных чертах то, что там сказано.

Первой по времени происхождения из царских монополий второй половины XVII века была внешняя торговля хлебом, существовавшая, правда, недолго,—в 50-х и 60 х годах,—но давшая до 10 миллионов золотых рублей начала XX века [3]). Монопольная внешняя торговля хлебом заменена была ростом внутренней торговли хлебным вином, также бывшей царской монополией [4]), все равно, производилась ли эта торговля путем откупа или „на вере“.

Затем монополизирована была торговля икрой и рыбь-

---

[1]) Акты Арх. Эксп., IV, № 294.

[2]) *Г. Вернадский*, Государевы служилые и промышленные люди в Восточной Сибири XVII в.: „Журн. Мин. Народ. Просв.“ за 1915 г., апрель, стр. 332—335, 348.

[3]) *Покровский*, Русская история, III, стр. 90.

[4]) Там же, III, стр. 90—91.

им клеем, мехами, „рыбьим зубом“ (моржовыми клыками), нефтью, шелком, медью, ревенем [1]).

Монополии были одной из новых форм хозяйства, служивших признаком образования меркантилизма. Другой формой была почта, без которой нельзя было обойтись при новых условиях торговли. Характерно здесь прежде всего то, что в прибавок к казенной почте—ямской гоньбе, организуемой путем „прибора“ или набора ямских охотников в ямские слободы—именно во второй половине XVII века развиваются во внутренней почте так-называемые „мирские отпуски“, т.-е. почта, организованная самим населением—волостью на особый мирской ямской сбор для найма подвод [2]). Здесь почта уже в значительной мере служила интересам непосредственно самого населения. Внешние почтовые сношения также были у троены: в 1663 г. Иоганну фан-Сведену сдана была в эксплоатацию заграничная почта, отправлявшаяся еженедельно на Новгород, Псков и Ригу и раз в неделю прибывавшая в Москву [3]).

Каковы были формы хозяйства в отдельных отраслях производства?

Нам уже известны две основные формы обрабатывающей промышленности—мануфактура и ремесло с кустарничеством. Известно и то, что ремесло и кустарничество работали не только на заказ и на местный рынок, но сплошь и рядом путем домашней индустрии связывались крупным торговым капиталом с обширным национальным и даже отчасти мировым рынком. В отношении мануфактуры важно то, какие формы труда там применялись.

Прежде всего следует констатировать, что применялся наемный „труд“. На него указывает условие, заключенное с Марселисом [4]); были наемные люди на шелковой фабрике Паульсона [5]) и на суконной фабрике Тарбета [6]), у царя Алексея в его хозяйстве были в промыш-

---

[1]) Там же, III, стр. 92—97.

[2]) *Гурлянд*, Ямская гоньба, стр. 270.

[3]) *Покровский*, Рус. история, III, стр. 99.

[4]) Там же, III, стр. 132.

[5]) *Лермонтова*, Шелковая фабрика в правление царевны Софьи Алекс., стр. 3, 10.

[6]) Там же, стр. 28.

ленных предприятиях наемные мастера, подмастерья и чернорабочие[1]). Во всех этих случаях наемные люди получали денежное жалованье и корм натурой, а также и помещение для жилья.

Удовлетворение этой последней потребности приводило обыкновенно к приписке к мануфактурам того времени сел и деревень с населяющими их крестьянами. Так, „под дворы мастеров и на выпуск скота“ к писчебумажной, стеклянной и суконной фабрикам фан-Сведена были приписаны села Зеленая Слобода и Иванковская волость [2]). Такие же приписные крестьяне были при заводах Виниуса, Марселиса и Акемы [3]), причем здесь уже нет сомнения, что они выполняли некоторую заводскую работу, хотя и не главную, не основную, а подсобную, за которую получали и небольшую плату [4]). Исследователи [5]) справедливо сближают этих приписных крестьян с позднейшими поссесионными, состояние которых было регулировано законом Петра Великого: и здесь подготовка петровской реформы не подлежит сомнению.

Одной из черт, подготовлявших петровские преобразования в области промышленности, было обязательство иностранных мастеров обучать своему мастерству русских учеников, причем последним производились экзамены, устанавливавшие степень успешности их обучения. Так, Паульсону дано было для обучения шелковому делу в 1685 году 8 учеников из мещанских детей с тем, чтобы он каждый год брал еще четырех; на прокорм им назначено было по 6 денег в день [6]). Через четыре года обучения лучшие из учеников Паульсона превратились в самостоятельных мастеров [7]).

Повидимому, эти ученики из мещанских детей набирались, как и при Петре, принудительно. И опять-таки,

---

[1]) *Заозерский*, Царь Алексей Мих. в своем хоз., стр. 3, 48 и сл., 203—204.

[2]) *Лермонтова*, Шелковая фабрика, стр. 30.

[3]) *Семевский*, Горнозаводские крестьяне в 2-ой полов. XVIII века: „Русск. Мысль“ за 1900 г., январь, стр. 3.

[4]) *Покровский*, Русск. история, III, стр. 122.

[5]) *Удинцев*, Поссесионное право.

[6]) *Лермонтова*, Шелк. фабрика, стр. 12.

[7]) Там же, стр. 24

как и при Петре, в XVII веке существовал особый разряд населения—служилые ремесленники, „которые главным образом занимались кирпичным, каменным, плотничным или кузнечным делом для удовлетворения некоторых государевых и государственных потребностей [1])“. Они обыкновенно получали поденный корм, „как государево дело будет“ [2]). На дело это они вызывались особыми грамотами. Об этом свидетельствует Котошихин, говоря, что в Оружейную палату для производства оружия „емлют мастеров на Москве и из городов и из монастырей кузнецов и всяких того дела промышленных людей погодно, по переменам и дают им за работу поденной корм из царские казны“ [3]). До нас дошли и некоторые грамоты о вызове таких ремесленников [4]).

Весьма важны, наконец, и льготы, привилегии, чисто-меркантилистская форма протекционизма, практиковавшаяся во второй половине XVII века и подготовлявшая соответствующие порядки при Петре: устанавливались льготные условия проезда мастеров в Московское государство, беспошлинный ввоз заграничного материала, монополии по данной отрасли производства, продажа изделий в казну и, за удовлетворением ее спроса, вольным торгом для частных потребителей и т. д. [5]).

Еще сложнее вопрос о формах сельскохозяйственного, в частности земледельческого производства. Здесь прежде всего любопытны те наблюдения, которые имеются уже отчасти в специальной литературе по вопросу об отношении между барской пашней и пашней, разрабатывавшейся трудовыми элементами населения — крестьянами, бобылями и холопами—на себя.

Север, восток и юг не характеризуются распространением барской пашни, если не считать за такую на юге собственную пашню мелких служилых людей, будущих однодворцев, которые с экономической точки зрения со-

---

[1]) *Лаппо-Данилевский,* Организация прямого обложения в Моск госуд., стр. 364.

[2]) Там же.

[3]) *Котошихин*, VII, 21.

[4]) Акты Арх. Эксп., т. IV, №№ 62, 102.

[5]) *Лермонтова,* Шелковая фабрика в правл. царевны Софьи, стр. 28—31.

вершенно соответствуют черным, свободным крестьянам с тем лишь разве различием, что они владели землей большею частью на поместном а не на вотчинном праве. Конечно, и на севере, и на востоке, и на юге у частных владельцев светских, у монастырей, архиереев встречается барская запашка, была и десятинная пашня, обрабатывавшаяся на государя в дворцовых землях [1]), но все это было здесь спорадическим, не массовым, не общераспространенным явлением.

Классическая область барской запашки—центральное Замосковье. При этом характерно и важно, что в этом отношении подготовлялась не только петровская реформа, но вся русская крепостная хозяйственная действительность XVIII и первой половины XIX в., вплоть до реформы 19 февраля 1861 года: оказывается, что в восточных уездах Замосковья во второй половине XVII века барская пашня была сравнительно невелика—напр., в Костромском уезде она немног м превышала 15% всей запашки,—между тем как в западных уездах — Тверском, Зубцовском, Московском—барская запашка представляла собою весьма распространенное явление и на землях светских владений, и в имениях монастырских и епископских [2]). Дворцовая десятинная пашня составляла отличительный признак хозяйства и в дворцовых подмосковных селах, где она превышала 2.000 десятин в трех полях [3]). Такая же десятинная, барская пашня существовала и в хозяйстве царя Ал ксея, руководимом им через приказ Тайных дел [4]).

Как обрабатывалась эта пашня?

Без сомнения, не одной только крестьянской барщиной. Прежде всего, как то показывают хозяйства царя Алексея и боярина Морозова, существовал и наемный труд. В царском хозяистве были наемные зимние рабочие—человек 85—95, летние—600—700 человек, наконец, временные, недельные—для жнитва ржи 630 чел., ячменя и овса 1.000 чел., пшеницы 750 чел., для сенокоса 900 чел и для чистки леса 150 чел. [5]).

---

[1]) См., напр., *Миклашевский*, К истории хоз. быта Моск. госуд.

[2]) *Готье*, амосковный край в XVII в., стр. 495—497.

[3]) Там же, стр. 489.

[4]) *Заозерский*, Царь Алексей Мих. в своем хоз., стр. 175 и след.

[5]) Там же, стр. 198.

Надо, впрочем, заметить, что наемный труд в сельском хозяйстве был все-таки исключением, применялся обыкновенно только в очень крупных хозяйствах, хотя спорадически встречался и в мелких, даже крестьянских. Важнее был труд холопов—деловых и задворных людей. Мы не можем, к сожалению, учесть распространенность холопской барщины и ее количественное отношение к барщине крестьянской. Известно только, что к концу века труд холопов на барской пашне рос [1]).

Мы наблюдали в обрабатывающей промышленности особого рода служилых ремесленников, принудительно выписывавшихся на царские работы. И в сельском хозяйстве царя были такие же „работные люди". Такими в хозяйстве царя Алексея являлись дворцовые крестьяне уездов Каргопольского, Вятского и Тамбовского, выполнявшие в количестве 600—700 человек эту повинность работы на царской пашне по очереди, причем они получали прокорм и денежное жалованье [2]).

Что касается того, преобладала ли оброчная или барщинная система в отношении к крестьянству, то на этот счет у нас имеются более определенные данные. В общем и целом можно сказать, что вторая половина XVII века—время смешанной оброчно-барщинной системы, особенно для Замосковья. Так, в хозяйстве царя Алексея существовала почти во всех селах смешанная система: крестьяне были обязаны обрабатывать десятинную пашню, косить сено на владельца, отбывать подводную повинность и вместе платить денежный оброк и давать столовые запасы натурой [3]). Характерны, однако, уже здесь две особенности: крестьяне более окраинные, не центральные,—напр., в мордовских селах Ардатовского уезда,—не несли барщины, а платили денежный оброк [4]), а в селах Дехтяном, Сасове и деревне Кучиной, где процветало производство изделий из дерева, земледельческой барщины также не существовало,—главный же доход владелец получал здесь в виде деревянных изделий и материалов натурой, а основной повинностью этих деревенских ку-

[1]) *Готье,* Замоск. край в XVII в., стр. 497.
[2]) *Заозерский,* Царь Алексей Мих. в своем хоз., стр. 193—195.
[3]) Там же, стр. 175—181.
[4]) Там же, стр. 179.

старей была доставка их деревянных изделий — скалок, кадок, корыт и проч., а также разного дерева, досок и бревен—на лошадях до пристаней в особые амбары [1]).

В других областях Московской Руси второй половины XVII века, поскольку в них наблюдался переход к хозяйственным условиям центра, наблюдались подобные же формы крестьянской аренды. Так, смешанная система из барщины и денежного оброка существовала в среднем Поволжье [2]). Такой же денежный оброк вместе с издельем на десятинной барской пашне наблюдается на дворцовых землях Новгородской области [3]). Но уже там часто встречался один денежный оброк [4]). В отдаленных от Москвы дворцовых селах преобладал оброк посопным хлебом или деньгами [5]), хотя, впрочем, иногда и на далеком юге применялась барщина [6]). Север и отчасти восток—Прикамье—имели попрежнему ту особенность, что в них распространена была аренда земли из доли урожая—половины или трети, существовали половники и третники [7]). Это — обломок отживавших натурально - хозяйственных отношений и условий.

Есть некоторый довольно обильный материал, дающий возможность судить об относительном количестве крестьян, бобылей и задворных людей (холопов) в разных уездах-а также об изменениях, происшедших в этом отношении во второй половине века сравнительно с первой половиной. Изучая этот материал, можно прежде всего подметить почти повсюду два параллельных или даже друг друга обусловливающих явления—рост процента крестьянского населения и соответствующее падение относительного числа бобылей. И то и другое наблюдается в Белозерском, Ярославском, Тверском, Калужском, Веневском, Тульском, Белевском уездах. Исключение представляет только Орловский уезд, где число крестьян относи-

---

[1]) Там же, стр. 178, 179, 182.

[2]) *Перетяткович,* Поволжье в XVII и нач. XVIII в., стр. 174—175.

[3]) *Гневушев,* Крестьяне на землях дворцовых Новгородской области в XVII в.: „Жур. Мин. Нар. Пр." за 1915 г., сентябрь, стр. 54.

[4]) Там же, стр. 40 и след.

[5]) *Готье,* Замоск. край, стр. 489.

[6]) *Миклашевский,* К истории хоз. быта Моск. госуд.

[7]) *Богословский,* Земск. самоупр. на севере России в XVII в., I, стр. 133, 134.

тельно весьма значительно уменьшилось — с 53,5% в 20-х годах до 38,1% в 70-х, а процент бобылей вырос за то же время с 36,7 до 39,3 [1]). Характерно, что в тот же срок в Орловском уезде увеличился и процент задворных людей—и очень сильно: с 9,8% до 22,6% [2]). Нам известно, что бобыль не всегда был бедным человеком, но что во всяком случае увеличение числа бобылей после смуты указывает на разорение населения. Холопами люди чаще всего делались также вследствие материальной нужды. Таким образом, Орловский уезд представляет собою местность, где экономический уровень трудового сельского населения к концу века понижался.

Это, однако, как сказано, было уже исключением, во всех же других уездах бобыльство уменьшалось, крестьянство росло. Различия между этими уездами заключаются лишь, во-первых, в темпе роста крестьянства и в степени высоты его процента в отношении к другим трудовым элементам деревенского населения и, во-вторых, в том, увеличивалось ли или уменьшалось относительное число холопов (задворных людей, слуг и детенышей).

С этих точек зрения надо различать отдельные группы уездов. Прежде всего выделяются два центральных уезда — Ярославский и Тверской. Оба они представляют собою картину очень быстрого роста относительного числа крестьян и столь же быстрого падения количества бобылей и холопов: в Ярославском крестьяне в 20-х годах составляли 57,5%, бобыли 35,3%, а холопы 7,2%, а в 70-х годах крестьян было 87,5%, бобылей же только 9,4%, а холопов лишь 3%; в Тверском для 20-х годов соответствующие цифры—46,8% (крестьян), 46% (бобылей) и 7,2% (холопов), а для 70-х годов 75,4%, 19,6% и 5% [3]).

Эта яркая картина поглощения крестьянством бобыльства и холопства подготовляет явления, окончательно утвержденные петровской реформой, и свидетельствует о процессе нивеллировки сельского населения, приближения его к некоторому среднему крепостнически-крестьянскому уровню, чем подготовлялась уже не только петровская

---

[1]) *Лаппо-Данилевский,* Розыскания по истории прикрепления владельческих крестьян в Моск. госуд. XVI—XVII вв., стр. 104.

[2]) Там же.

[3]) Там же.

реформа, но и вообще крепостная деревенская действительность XVIII столетия.

Остальные уезды имели в общем и целом ту же тенденцию, но в различной степени приближения. Так, в Белозерском уезде процент крестьян также был очень значителен и возрос между 20-ми и 70-ми годами с 66,8 [1]) до 73,8, и процент бобылей сильно упал — с 32,8% в 20-х годах до 19,5% в 70-х, но зато холопы составляли сначала только 0,4%, а потом 6,7%. В других уездах крестьянство медленно возрастало в своей относительной численности, а бобыльство столь же медленно уменьшалось—и то и другое на несколько процентов; но число холопов относительно росло в Веневском и Тульском уездах и уменьшалось в Белевском. Характерно, что Калужский уезд ближе всего подходил к Ярославскому и Тверскому [2]).

Так как Калужский, Ярославский и Тверской уезды были уже в то время в значительной мере промышленными местностями не в пример прочим, о которых у нас сейчас идет речь, то это наводит на мысль, что тип крепостного хозяйства нечерноземной полосы начал слагаться раньше всего и полнее всего, отчетливее, законченнее как раз в тех местах, где на смену чисто-земледельческого хозяйства выступало смешанное — промышленно-земледельческое. Этим, быть может, объясняется и преобладание смешанной оброчно-барщинной формы хозяйства. Чисто барщинный тип — создание будущего на юге, в черноземной полосе. Быть может, Орловский уезд являлся здесь прообразом грядущего.

Что касается размеров хозяйства, то установлено, что по крайней мере в Замосковье к концу века запашка на двор сделалась крупнее, но на душу населения она стала меньше [3]).

Земля в Московском государстве, по переписным книгам 1678 года, распределялась следующим образом: 67% ее, т.-е. более двух третей, принадлежало дворянству

---

[1]) У Лаппо-Данилевского здесь вкралась опечатка: напечатано 6,7%.

[2]) *Лаппо-Данилевский,* Розыскания по истории прикрепления, стр. 104.

[3]) *Готье,* Замосковный край, стр. 509—513.

разных разрядов, духовенству (монастырям и епископиям) принадлежало 13,3%, черных земель—посадских и крестьянских—было 10,4%, и, наконец, земли дворцовые составляли 9,3% всей земли [1]). Сравнительно с первой половиной века изменения оказываются весьма значительными: тогда дворянству принадлежало только 57,5% всей земли, духовенству 26,4%, черные земли составляли 9,4% и дворцовые 6,7% [2]). Замечается, следовательно, весьма сильное сокращение земель духовенства, а также очень значительный рост служилого дворянского землевладения—обе тенденци подготовляют землевладельческую действительность XVIII века. Что касается роста относительной величины черного и дворцового землевладения, то он объясняется расширением территории государства на восток и юг и был явлением временным. В центре государства дворцовые земли сильно сокращались,—шли в поместную раздачу, причем главным образом придворным: опять подготовка соответствующего явления XVIII века [3]).

Необходимо исследовать подробнее землевладение отдельных разрядов населения и прежде всего бояр и дворян. Здесь прежде всего несомненен рост крупного землевладения,— владений с числом дворов выше тысячи: такие составляли 21% всех боярских и дворянских земель [4]). Среднее дворянское землевладение—ниже 1.000, но более 100 дворов—составляло 22,2% всей площади дворянской и боярской земли [5]). Значит, 55,8% приходилось на мелкие земельные владения дворян. Впрочем, многие из этих мелких владений были в общем достаточны для безбедного существования, а о дворянах действительно малоземельных правительство заботилось: еще в 1649 году „государь, слушав с бояры, указал“ дать в поместья безпоместным и малопоместным, у кого меньше 300 четвертей, оброчные земли, если с них идет оброку не более 3-х рублей [6]).

---

[1]) *Ключевский,* Курс русской истории, III, стр. 299.

[2]) См. том IV, глава десятая, II.

[3]) *Готье,* Замосковный край, стр. 329.

[4]) *Ключевский,* Курс русской истории, III.

[5]) Там же.

[6]) Полное Собрание Законов, № 20.

Уже во всем этом сказывается стремление снабдить дворянство возможно бо́льшим земельным фондом, характерное для XVIII века и в частности для петровского времени. К этому надо прибавить, что во второй половине XVII века происходило дальнейшее, очень сильное, разложение и исчезновение землевладения бывших удельных князей, старой феодальной аристократии: в 1678 г. остатки вотчин князей Вадбольских, Ухтомских, Шелешпальских, Жировых - Засекиных, были уже невелики; несколько устойчивее были вотчины князей стародубских—Гундуровых, Хилковых, Пожарских, но к концу XVII века Пожарские вымерли; вотчины суздальских, тверских и ростовских князей исчезли совершенно; прочнее всех других держались князья Ромодановские [1]), но история петровской реформы показывает, что именно они больше всего переродились в новое дворянство, опору самодержавия, растеряли все удельные или феодальные традиции.

Мобилизация служилого землевладения во второй половине XVII века была весьма значительна. В Московском уезде от 20-х до 70-х или 80-х годов осталось в том же роде 37,3% всех служилых имений, а перешло к чужеродцам 62,7%. По 13-ти другим уездам Замосковья в том же роде осталось 31,3%, перешло к чужеродцам 68,7% [2]). Такая мобилизация понятна при росте торгового капитализма, все ускорявшемся, при продолжении революционного по существу своему периода. Но в то же время приведенные цифры указывают, что мобилизация уже начала терять свой прежний катастрофический характер.

Надо при этом заметить, что обнаруживалась разница в мобилизации между поместьями и вотчинами, и разница эта большею частью была не в пользу поместий. Правда, в Московском уезде вотчины мобилизовались несколько быстрее, чем поместья, но в других уездах Замосковья наблюдается обратное явление: там в том же роде остались 31,5% всех вотчин и только 18,25% поместий [3]).

---

[1]) *Готье*, Замоск. край, стр. 414.

[2]) Там же, стр. 419.

[3]) Там же, стр. 419.

Параллельно этому и средние размеры поместных владений сокращаются, а средние размеры вотчин увеличиваются. Напр., в Гороховецком уезде средняя величина поместья между 20-ми и 70-ми годами уменьшилась с 254-х десятин до 80-ти, а средний размер вотчин поднялся со 130-ти дес. до 136-ти; в Дмитровском уезде соответствующие цифры для поместий оказываются 230 дес. и 190, а для вотчин 161 и 258 дес. [1]), т.-е. поместья стали более мелкими почти на 18%, а вотчины сделались в среднем крупнее более, чем на 62%.

Уже эти наблюдения указывают на падение поместий. Они подтверждаются и данными, показывающими, что вообще хозяйство на поместных землях и в это время, как и прежде, велось хуже, чем в вотчинах [2]).

Неудивительно при таких условиях, что происходил процесс сближения поместий с вотчинами и юридического и фактического, что поместье постепенно превращалось в наследственную и отчуждаемую форму земельного владения.

В 1650 году позволено было справлять прожиточные поместья лиц, не могущих служить, за теми, кому эти лица их отдадут под условием прокормления их [3]). В том же году состоялся такой боярский приговор: „которые дворяне и дети боярские сговаривают дочери свои и племянницы и поступаются поместей своих, а в записях, и в челобитных напишут, будет государь поместьем их не пожалует, и им не жениться, будет государь поместья их пожалует, и им жениться—и те поместья за зятьями по поступке их справливать“ [4]). В 1656 году установлено, что частные иски можно удовлетворять пустыми поместьями ответчиков, взыскивая с истцов государевы пошлины [5]). В 1667 году вдовам и дочерям—сиротам служилых людей разрешено поступаться своими прожиточными поместьями и в чужие роды, и по смерти их, их родственники не могут претендовать на эти по-

---

[1]) Там же, стр. 406,
[2]) Там же, стр. 522.
[3]) Полное Собрание Законов, № 27.
[4]) Там же, № 42.
[5]) Там же, № 197.

местья[1]). В 1674 году разрешена сдача поместий лицами, находящимися на службе, а в 1676 году это сделано было общим правилом, причем сдавать поместья можно было за деньги, т.-е. в сущности совершать продажу поместий. Понятно, что в 1675 году князь Трубецкой продал Нарбекову свое московское поместье[2]). В 1676 году установлено продавать из казны поместья в вотчину по цене в 1 руб. за четв.[3]).

Юридически и фактически сближаясь с вотчиной, поместная земля в то же время уменьшалась по площади, ею занимаемой. В 80-х годах XVII века в замосковных уездах площадь поместной земли была уже вдвое меньше площади, занимаемой вотчинами[4]).

Все эти явления, несомненно, подготовляли то, что довершено было Петром Великим, — слияние поместий с вотчинами в один вид дворянской недвижимой собственности. Мало того: подготовлялось и установленное было Петром единонаследие земли. Оно вводилось верстаньем поместьями в отвод и в припуск: по верстальным книгам, „как сыновья в службу поспеют, старшого верстать в отвод (т.-е. наделять поместьем особо от отца), а меньшему служить с отцом с одного поместья“, которое по смерти и справлялось целиком за сыном — сослуживцем[5]). Даже непрочность петровского единонаследия подготовлялась в XVII веке: так как поместные оклады возвышались смотря по чину и заслугам помещика, то возникал вопрос, как припускать к поместью отца сына, не выслужившего еще оклада отца, и вопрос этот разрешался указом 1684 года в том смысле, что поместья по смерти их владельцев делятся между сыновьями и внуками их, верстанными или неверстанными в службу сверх их окладов сполна, без отрезки[6]).

В каком смысле надо понимать отмеченное выше сокращение площади землевладения духовенства? Прежде всего и, может быть, даже исключительно в смысле от-

---

1) Там же, № 402.
2) *Готье,* Замоск. край, стр. 392.
3) Полное Собрание Законов, № 654.
4) *Готье,* Замоск. край, стр. 387.
5) *Ключевский,* Курс рус. ист., IV, стр. 107—108.
6) Там же, IV, стр. 108.

носительного сокращения этой площади по сравнению с другими видами земельного владения. Дело в том, что приобретение монастырями вотчин продолжалось и в это время. Хотя Уложение 1649 года окончательно запретило церковным учреждениям приобретение земли каким бы то ни было способом, но царь Алексей разрешил патриарху Никону сделать целый ряд земельных приобретений в основанные им монастыри Воскресенский, Иверский и Крестный, да и независимо от этого и после Уложения вклады земель в монастыри и покупка имений монастырями продолжалась [1]). Впрочем, наперерез этому увеличению церковного землевладения шел процесс его уменьшения—путем отписок церковных земель на государя и особенно посредством выкупа вкладов родственниками вкладчиков; иногда церковные учреждения также продавали свои земли [2]). Во всяком случае рост церковного землевладения прекратился [3]).

На землях частных владельцев — духовных и светских, — а также и в землях дворцовых крестьяне являлись уже юридически совершенно лишенными всех признаков земельной собственности. Не то было на землях черных, а также и во владениях церковных учреждений на севере.

Нам уже известно, что там в предшествующие периоды утвердилось долевое, сябринное и складническое владение землей. Классический, вполне законченный тип этого владения сводился к тому, что родственники владели сообща определенным пространством земли и сообща вели на этой земле хозяйство, делясь продуктом не поровну, а в той доле, какую каждый из них унаследовал от отца. Эта доля или право на эту долю продукта вместе с правом совместного пользования землей могла отчуждаться — продаваться, закладываться и т. д.,—и таким путем в число совладельцев вступали и чужеродцы. Мы видели также, что еще и раньше половины XVII века началось разложение этого долевого владения, которое продолжало существовать, несмотря на наличность выс-

---

[1]) *Готье,* Замоск. край, стр. 356—358.
[2]) Там же, стр. 367, 370, 371.
[3]) Там же, стр. 375.

ших собственников земли — государя, архиереев, монастырей. Разложение пошло усиленным темпом именно во второй половине XVII столетия [1]).

Разложение и раньше и в это время имело несколько ступеней: сначала производился временный раздел всей земли или отдельных угодий между дольщиками, предполагавший в будущем переделы; потом производился окончательный выдел в частную собственность. В первом случае межевыми знаками были колья, „вервили землю на уколоть", во втором—межи были дерновые или даже еще более прочные гранные [2]).

Причины разложения долевого владения исследователями обыкновенно сводятся к интенсификации земледельческого производства. Поэтому вслед за усадьбами и усадебной землей, занятой дворовыми постройками, прежде всего выделились в обособленное владение отдельных лиц садовая земля, хмельник, „огородцы" (капустник, конопляник, гумно), а затем также „горная" или „присельная" земля—пашня, расположенная на высоком берегу реки, близ усадьбы, подвергавшаяся правильному трехпольному севообороту при паровой—зерновой системе хозяйства [3]): земля, хорошо обработанная, унавоживаемая, потребовавшая особого труда от ее владельца, не только выходила из общего хозяйства, но и тогда, когда существовали уже переделы по долям, и межи определялись кольями, когда, по выражению того времени, „вервили землю на уколоть", — совершенно выходила из передела [4]). Из передела же выходили иногда и отдаленные пожни [5]) и, наконец, новины, где велось подсечное хозяйство [6]). Луговая земля и поскотина (выгон) не являются ареной применения сравнительно-интен-

---

[1]) *Ефименко,* Исследования народной жизни, вып I, М. 1884, стр. 369.

[2]) *Иванов,* Поземельные союзы и переделы на севере России в XVII в., М. 1901, стр. 42, 43, 56, 57.

[3]) *Богословский,* Земское самоуправление на севере России, I, стр. 166.

[4]) *Ефименко,* Исслед. нар. жизни, I, стр. 221, 297; *Иванов,* Позем. союзы и переделы, стр. 56.

[5]) *Ефименко,* Исслед. нар. жизни, I, стр. 297.

[6]) Там же, I, стр. 297 — 298; *Богословский,* Земс. самоупр., I, стр. 170.

сивной системы и потому не переходят в подворно-участковое владение без переделов, а остаются во владении складническом [1]). Иногда, по мере наступления большей тесноты, сенокосом, лесом, выгоном пользовались пропорционально размерам горной пашни [2]).

Бесспорно, и самый процесс разложения складнического владения, и основная его причина освещены исследователями верно, отчетливо и в соответствии с фактами. Надо только добавить, что кроме введения более интесивной системы земледелия на индивидуализацию владения влияло еще другое общее экономическое явление—рост торгового капитализма, проникновение и на север денежного, товарного хозяйства. Результатом этого и явилось расчленение крестьянства, разделение его на бедняков и деревенскую буржуазию [3]).

Разложение складнического владения было не единственной переменой, наблюдавшейся в отношении северных крестьян к земле. На-ряду с этим происходили и другие важные изменения, обязанные своим существованием отчасти тому же росту торгового капитализма, отчасти — и еще в большей мере развитию крепостничества и в частности крепостной дворянской государственности, этих необходимых и неизбежных последствий того крутого в русских условиях поворота гигантского прыжка, каким являлся у нас торговый капитализм.

Сюда относится прежде всего стеснение прав крестьян распоряжаться находившимися в их пользовании земельными пространствами. Известно и в свое время было указано, что каждый складник имел право отчуждения своей доли, — права на долю продукта, пока земля была нераздельной, и права на пользование долей земли при переделах и полном разделе. Это право сначала ограничивалось правом выкупа, которое принадлежало родственникам или совладельцам отчудившего свое право складника. Но в XVII веке этот остаток старины—право выкупа, как и другие ограничения распоряжения, вроде

---

[1]) *Иванов,* Позем. союзы и переделы, стр. 54.
[2]) Там же, стр. 83, 134; *Богословский,* I, стр. 172.
[3]) *Иванов,* Позем. союзы и переделы, стр. 56

согласия складников на акт отчуждения или даже только простой им заявки об этом акте, исчезли [1]). Зато появилось другое, новое ограничение со стороны высшего собственника, государя на черной земле и монастыря или архиерея на земле церковной. Еще 20 июня 1649 года был издан указ следующего содержания: „которые Заонежских погостов крестьяне участки свои продавали, и велено по прежнему великого государя указу те их участки и угодья имать назад безденежно и сажать на них крестьян тех, кто наперед того жил, и впредь велено о том заказ учинить крепкой, чтоб никто ни у кого участков и угодей не покупал и в заклад не имал; а будет кто что купит или в заклад возьмет, и то велено отнимать безденежно и велено им чинить наказанье, а великого государя всякие доходы велено имать на тех, кто что купит" [2]). Это — решительное запрещение крестьянских сделок с черной землей, которое на деле часто не соблюдалось, и которое получило свое завершение, как увидим впоследствии, во второй половине XVIII века. На церковных землях наблюдаются со второй половины XVII века подобные же явления: „приказные устюжского архиепископа Александра в 80-х годах XVII века высказали такой взгляд: „во всяких вотчинах продать что или заложить повольность имеет вотчинник, а не крестьянин",—принцип, несколько ранее примененный арх. Афанасием к крестьянам Чухченемской волости и Загорского стана" [3]). Во всей своей полноте и чистоте этот принцип, однако, не везде нашел себе применение. Чаще всего отчуждение разрешалось только с важными ограничениями, в тесных пределах, установленных Соловецким монастырем для своих крестьян еще в XVI веке: разрешалось продавать и менять участки только крестьянам данного землевладельца между собою с особого каждый раз доклада приказным людям владельца. Так, существовала в XVII веке и даже позднее продажа и мена участков между крестьянами Крестного монастыря, причем „по-

[1]) *Иванов,* К истории крестьянского землевладения на севере в XVII веке, М. 1898, стр. 12.

[2]) Полное Собрание Законов, № 10.

[3]) *Иванов,* К истории крестьянского землевладения на севере, стр. 31.

купщик обращался к властям с челобитной о разрешении совершить сделку и владеть землею по ней; в ответ составлялось решение архимандрита с братиею, и о нем посылалась память приказному старцу или выборному от крестьян" [1]).

Понятно, почему утверждалась такая практика, подготовлявшая явления XVIII века: товарное хозяйство не допускало возможности для землевладельца дозволять сделки с его землей,—он один должен был теперь монополизировать право отчуждения, по крайней мере, сколько-нибудь широкого. К этому же влекло и развившееся крепостничество.

Влияние крепостнической государственности и руководящего ею дворянского сословия, заинтересованного в правильном отбывании населением повинностей — денежных и натуральных, а также и некоторые изменения в отношениях внутриселенных и волостных повели к другому важному новшеству,—к зарождению и первоначальному развитию мирского волостного владения на севере.

Мы имеем ряд фактов, свидетельствующих о появлении этого новшества именно в XVII веке, преимущественно во второй его половине. Приведем лишь некоторые, сравнительно немногие из них. Так, шесть низовских двинских волостей сообща владели мирскими пожнями [2]). Крестьяне Обачевского прихода Сольвычегодского уезда в 80-х годах XVII века „вобче" держали на оброке рыбные ловли и путики на речке Усть-Соли [3]). Шесть деревень Труфаногорской волости в 1623 году взяли на оброк луг [4]). Вообще разные угодья входят в состав такого волостного мирского владения: так, иногда лугами и сенокосами владели волостка или две [5]); группы деревень, целые волостки и волости владели лесами [6]); в оброчном владении волостей находились иногда также

---

[1]) Там же, стр. 32.
[2]) *Иванов,* Позем. союзы и переделы, стр. 75.
[3]) Там же, стр. 78.
[4]) Там же, стр. 78.
[5]) Там же, стр. 95.
[6]) Там же, стр. 105.

реки [1]) и разные „отхожие“, отдаленные угодья, напр., морские пожни [2]), иногда делили пустоши „во весь мир по достоянию“, как то было, напр., сделано в 1681 году в Святозерской волости [3]), бывало, что выморочные участки переходили во владение всего мира: их пахали миром, напр., в Двинском уезде в 70-х и 80-х годах XVII века [4]).

Основная, ближайшая причина образования таких мирских владений—рост нужды главной массы крестьянства в разных угодьях: в некоторых местах число крестьян, испытывавших эту нужду, составляло 99% всего волостного населения [5]). Зажиточные крестьяне пытались освоить эту землю, взять ее на оброк лично себе [6]). Это явление имеет общее происхождение с мирским владением: пока угодий достаточно, тем более, когда они в избытке, владение ими остается складническим; как только их начинает не хватать, — богачи стремятся к индивидуальному захвату, а бедняки, масса, противополагают этому стремлению мир, волость как оброчного держателя угодий. Вот почему в мирских договорах встречается условие: „а кто учнет из тех наших мирских угодий — с сенных покосов и из рыбных ловель или из скотинной паствы из тех наших волостей и из станов или со стороны имать на оброк из наддачи или пустым называть, — и нам на того человека стояти всем содного, друг друга не подать“ [7]). Чтобы в корень пресечь такие попытки, волости и группы деревень добивались отдачи им нужных угодий в оброк не на срок, а навсегда: так, шести деревням Всегорской волости „даны присадки к их деревням на оброк и в сошное письмо впроки, а не на урочные годы, и впредь им быти за ними потому ж“ [8]).

Как пользовались этими мирскими угодьями? Обыкновенно так же, как угодьями складническими, т.-е. про-

---

[1]) Там же, стр. 117.

[2]) Там же, стр. 118.

[3]) *Островская,* Земельный быт сельского населения русского севера, стр. 119.

[4]) *Лаппо-Данилевский,* Организация прямого обложения, стр. 77.

[5]) *Иванов,* Позем. союзы и переделы, стр. 89.

[6]) Там же, стр. 146.

[7]) Там же, стр. 91.

[8]) Там же, стр. 90—91.

порционально горной земле, регулярно-эксплоатируемой пашне[1]). В этом заключался важный момент, сближавший интересы крестьянской малосостоятельной массы с интересами крепостного государства: пользоваться угодьями по пашне значило сообразоваться с тяглом—с податями и повинностями, на пашню ближайшим образом разложенными; и крестьянская беднота, и государство были заинтересованы в том, чтобы масса была платежеспособной, поэтому и государственная дворянская власть поддерживала крестьянство в его стремлении к мирскому владению. С другой стороны, и зажиточное крестьянство в тех случаях, когда оно не могло достигнуть захвата угодий в личное свое пользование, мирилось довольно пока легко с мирским владением: владели, как сказано, по пашне, а пашни у каждого из зажиточных крестьян было относительно больше, чем у отдельного рядового, тем более маломочного крестьянина. Надо к тому же прибавить, что и по отношению к мирским угодьям держалось право продажи и залога, как то было и в отношении к угодьям складническим[2]), а это приводило к возможности для богатого крестьянина перекупить доли некоторых бедняков.

Итак, и мирское владение, которому предстояло сделать крупнейшие успехи в XVIII столетии, имело свои прецеденты в XVII веке. Только оно было еще в зародыше, — о настоящем земельном поравнении не могло быть тогда и речи.

В предшествующем изложении там и сям рассыпаны указания на успехи техники в особенности сельского хозяйства во второй половине XVII века: мы видели зародыши многополья в хозяйстве царя Алексея, успехи трехполья в центре и на севере, водяную силу на мануфактурах того времени. Все это — прецеденты петровских преобразований. К числу таких прецедентов надо отнести факт 1664 года, когда царь велел купить в Холмогорах для себя породистый немецкий скот, имевшийся там у многих не только иностранцев, но и русских крестьян и посадских людей[3]).

---

[1]) Там же, стр. 145, 134.

[2]) Там же, стр. 125.

[3]) *Веселовский*, Несколько документов Моск. Глав. Архива Мин-ва Иностр. Дел, М. 1907, № 3.

Остается, наконец, отметить ту же подготовку хозяйственной политики Петра Великого в области распределения хозяйственных благ. Здесь прежде всего важно, что уже во второй половине XVII века характерное для петровской эпохи усиление податного пресса, податное обременение населения стало фактом, обозначившимся с полною определенностью: в 60-х годах, после неудачного введения медных денег, обложение было удвоено,— прямых податей стали брать 3.400 руб. с сохи; в 1673 году оно было снова удвоено [1]). Не менее тяжкими становились и барщина и оброк. Крестьянам в имениях царя Алексея жилось так тяжело, что в 1675 году из 664 семей, там вновь незадолго перед тем поселенных оказались в бегах 481 [2]). Сильно возрастал и денежный оброк в новгородских дворцовых селах [3]). То же самое надо сказать о Замосковье [4]). Как тяжек был оброк на севере,—лучше всего свидетельствуют волнения северных крестьян. Так, крестьяне Крестного Онежского монастыря не раз пытались, „учиня бунт, от Крестного монастыря отложиться самовольством“ и отказаться нести установленные повинности. В 1673 году крестьяне приходили в монастырь и говорили „недобре вежливо“, чтобы им монастырской страды не страдать и за всякие взносы и сделья платить по 2 руб. с выти вместо установленных 10. Понятно, что все эти бунты кончались усмирением при помощи стрельцов, взысканием пени и „нещадным“ битьем батогами... [5]).

---

[1]) *Веселовский,* Сошное письмо, I, стр. 192; II, стр. 233 и сл., 236.

[2]) *Заозерский,* Царь Алексей Мих. в своем хоз., стр. 191.

[3]) *Гневушев,* Крестьяне на землях дворцовых Новгородской области в XVII веке, „Жур. Мин. Нар. Просв.“ за 1915 г., сентябрь, стр. 54.

[4]) *Готье,* Замоск. край, стр. 516—518.

[5]) *Иванов,* Документы Крестного Онежского монастыря, М. 1899, стр. 35—36.

II.

Подготовка преобразований Петра в устройстве общества.

Изучение народного хозяйства России во второй половине XVII века дает достаточный материал для суждения о дворянстве того времени с экономической стороны, т.-е. о дворянстве как общественном классе.

Еще при изучении первых двух моментов дворянской революции в России, отчасти и раньше, мы наблюдали первые этапы процесса вовлечения дворянства в рыночные связи и отношения, перехода его к товарному хозяйству с обширным рынком, превращения в торгово-капиталистическую социальную силу. Этим проводилась резкая разграничительная черта между дворянством и феодальной аристократией, как классами, как социальными формациями, господствовавшими в эпохи, по существу весьма различные.

Новая социальная природа, свойственная дворянству, как классу на первых стадиях его успехов и завоеваний, окончательно стала определяться именно во второй половине XVII века. Дворянское хозяйство стало в это время работать на рынок прямо и через посредство крепостных не только для сельскохозяйственного рынка, но в значительной мере также и для рынка промышленного, индустриального: крестьянское кустарное производство именно под крылышком дворянства приобрело товарный характер, и скупщиками - посредниками между мелким производством и обширным рынком были часто не только купцы из города, но и собственные крепостные дворян; с другой стороны, как показывают примеры хозяйств царя Алексея и боярина Морозова, и собственные индустриальные предприятия дворян, прообраз будущей дворян-

ской крепостной фабрики. Словом, дворянство стало во второй половине XVII века превращаться в один из классов, в господствующий класс торгово-капиталистического общества, начало становиться представителем торгового капитализма и придавать организованному им дворянскому государству при помощи его монополий и исходящих от него привилегий торгово-капиталистический характер. И это делалось в неразрывной, органической связи с производственно-организаторской деятельностью дворянства в сельском хозяйстве и в индустрии. Именно эта тесная связь торгово-капиталистических функций дворянства с организацией им производства и создавала ему господствующее положение, потому что делала его классом, содействовавшим развитию производительных сил в большей мере, чем то делало, напр., купечество, буржуазия того времени.

Непонимание классовой природы дворянства, — его торгово-капиталистического значения и привело, с одной стороны, к неправильному представлению о петровской реформе, как реформе буржуазной [1]),—на деле, как увидим, она была дворянской,—с другой—к отрицанию значения торгового капитала в экономических преобразованиях Петра и к непониманию того, что первенствующая роль государства в создании фабрики при Петре [2]) была проявлением именно дворянской, торгово-капиталистической государственности.

Итак, дворянство, как класс, делало во второй половине XVII века последние подготовительные шаги, долженствовавшие превратить его при Петре и позднее окончательно в класс господствующий в эпоху торгового капитализма. Здесь подготовка петровской реформы действительностью XVII века не подлежит сомнению.

Не подлежит она сомнению и в вопросе об организации дворянства как сословия, т.-е., как определенной правовой, юридической корпорации.

Известно, как к концу второго момента дворянской революции в России определились две основные черты

---

[1]) *Покровский,* Русская история, т. III.

[2]) *Мякотин,* Попытка общей истории русской фабрики: „Русс. Бог.“ за 1899 г., № 1, стр. 12 и след.

ее общественного строя—сословность и крепостничество. С тех пор сословность надолго, до конца периода торгового капитализма и именно под влиянием условий этого периода, как одно из организующих средств торгового капитализма, сохранилась надолго в русской истории. Но и петровская реформа, и вторая половина XVII века сохраняли еще крепостничество, преобладание обязанностей над правами в устройстве даже первенствующего, господствующего сословия: для победы в той революции, которая тогда происходила, дворянству необходимо было наложить на себя тяжелые повинности, и, как класс в то время полный сил, прогрессивный, оно нашло в себе достаточно политической мудрости, чтобы пойти по этому нелегкому пути временных жертв для достижения конечного торжества. При этом к той обязанности, которою дворянство было обложено раньше, — к обязанности службы, главным образом военной, — Петр присоединил обязанность учиться дома и заграницей. При обозрении духовной культуры второй половины XVII века мы увидим, что и эта обязанность имела прецеденты в это подготовительное к реформе время [1]).

Налагая на себя такие тяжкие обязанности, дворянство второй половины XVII века в своей борьбе с боярской аристократией шло вперед в деле отрицания принципа породы, родовитости, „отечества", так сильно потрясенного петровской реформой. Самым ярким выражением подготовки петровских преобразований в данном отношении была отмена местничества при царе Федоре Алексеевиче.

Известно, как произошло это знаменательное событие, подготовлявшееся, как мы уже знаем, долгим процессом падения местнических порядков и отношений. Военные неудачи давно указывали на устарелость местничества и старой военно-служилой системы. В 1682 году собрана была специальная дворянская комиссия под председательством князя В. В. Голицына для рассмотрения вопроса о военных реформах. Комиссия высказалась за новую военную организацию по западно-европейскому

---

[1]) Ср. *Романович-Славатинский*, Дворянство в России от начала XVIII в. до отмены крепостного права. Спб. 1870, стр. 169.

образцу, исключавшему местничество, и потому также и за отмену местничества на военной службе. Потом постановка вопроса была расширена до пределов полного уничтожения местничества на всякой службе, чтобы всякий „был на том месте, которое ему государь укажет“. Мнение комиссии было внесено на обсуждение Освященного собора и Боярской Думы, и результатом явилась полная отмена местничества 12 января 1682 года [1]).

Понятно поэтому, что „в XVII веке люди среднего дворянства бойко идут вверх, отбивая у старых родовитых фамилий и чины, и поместья, и думу государеву“ [2]). Этого мало: подготовляется и проводится на практике полный отрыв чина от „отечества“. В одном боярском приговоре 1693 года прямо признается, что служилые люди „в милости великих государей жалованы бывают в чести (чины) не по родам“ [3]). Вот почему возможен стал такой факт, как перечисление боярина князя Голицына в 1689 году в дети боярские по последнему городу [4]).

Что касается других дворянских прав, то здесь, как известно, важно отношение Петра к дворянскому землевладению и, следовательно, также подготовка этого отношения в XVII веке. Но этот вопрос уже освещен выше, и теперь нет нужды к нему возвращаться.

Но всего важнее правящее, правительственное значение дворянства. Для его выражения и осуществления нужна была реальная, главным образом военная, сила, дворянская по своему существу и составу. Опыт в этом направлении был сделан еще в опричнине Грозного. Царь Алексей повторил этот опыт, увеличив число стрельцов — этой полурегулярной мелкодворянской пехоты, — приблизив их к своей особе, сделав своими телохранителями и подчинив их наборы ведению приказа Тайных дел [5]). Стрельцы явились силой уже в 1648 году, явились вообще поддержкой самодержавия в борьбе его с ари-

---

[1]) *Соловьев*, История России.
[2]) *Ключевский*, Боярская Дума, изд. 2-е, стр. 380.
[3]) Там же, стр. 390.
[4]) *Романович-Славатинский*, Дворянство в России, стр. 269.
[5]) *Заозерский*, Царь Алексей Мих. в своем хозяйстве, стр. 337 — 339.

4*

стократией, во время прихода волновавшихся москвичей к Алексею в Коломенское в 1662 году помогли царю. Они являлись, словом, предшественниками петровской гвардии, опоры самодержавия в XVIII веке [1]).

Второй классовой силой, на которую опирался торговый капитализм второй половины XVII века, как и эпохи Петра, было купечество, в особенности крупное купечество—прежде и больше всего гости, а потом также люди гостиной и суконной сотен. Заведывание государственными торговыми монополиями и оптовый сбыт товаров внутри страны и заграницей — вот экономические функции этого класса.

Меркантилизм, властно выдвигавший на первый план эти хозяйственные задачи, диктовал и те средства, которые по условиям времени имели основное значение для их разрешения. То были, во-первых, привилегии крупнейшего капитала, облегчение тягла податных обязанностей, на нем лежавших, во-вторых, такая организация торгового класса, которая подчиняла бы его весь в целом руководству крупного капитала и в то же время давала последнему известную меру ограждения от произвола местной администрации. К этим целям и направлены были законодательство и практика второй половины XVII века, подготовляя тем опять-таки реформу Петра.

Корпоративная организация не только гостей, но и людей гостиной и суконной сотен, но и всех вообще посадских людей,—людей черных сотен и слобод — не подлежит сомнению. Это не были гильдии и цехи средневекового феодального типа, характерные и необходимые для узкого местного рынка,—это были гильдейские и цеховые организации эпохи образования крупного рынка при наличности мелкого производства, сбыт которого организуется крупным капиталом. Поэтому ослабляется прежняя цеховая и гильдейская принудительность, и вся организация направляется на предоставление выгод и руководства именно крупному капиталу.

Это видно прежде всего из того яркого, колоритного, очень выпуклого изображения корпоративной организации гостей и связанных с нею их привилегий, какое дает

---

[1]) Там же, стр. 335, 342, 343, 347.

Кильбургер. По его словам, „гости — царские коммерции советники и факторы: они неограниченно правят торговлей во всем государстве“; гости „имеют главу или старшину“; они „во всех местах имеют привилегию покупать первыми, хотя бы они действовали и не за царский счет; так как они, однакоже, не в состоянии справиться со столь широко раскинувшейся торговлей, то во всех больших городах у них есть подставные лица, в числе двух или трех из проживающих там виднейших купцов, которые в качестве царских факторов пользуются привилегиями гостей, хотя не носят этого имени“; „простые купцы замечают и знают это очень хорошо, говорят о гостях плохо“ [1]). Гости „производят оценку товаров в царской казне в Москве, распоряжаются ловлей соболей и сбором соболиной десятины в Сибири точно так же, как и архангельским караваном, и подают царю советы и проекты по части учреждения царских монополий“ [2]). Эта характеристика в существенных чертах подтверждается и Котошихиным [3]).

Особенно замечательны как новые меркантилистские попытки организации купечества, дававшие руководящую роль крупному капиталу, две меры Ордина - Нащокина: устройство торговых людей в Пскове 1665 года и Новоторговый устав 1667 года.

Псковской опыт, продержавшийся, впрочем, недолго, — до тех лишь пор, пока псковским воеводой был Ордин - Нащокин, организовал выборное самоуправление местного купечества и приспособил к этому самоуправлению, в котором руководящее значение имели крупнейшие капиталисты, организацию торговли главным образом внешней. Положение было таково, что рядовые псковские купцы были в руках иностранцев, которые давали им денежные ссуды и тем себе подчиняли. Гости, конкурренты иностранных капиталистов, заменили их в качестве руководителей псковской торговли: „маломочные“ псковские купцы были приписаны „по свойству и по знакомству“ к крупным капиталистам, получали ссуды

---

1) *Кильбургер*, Краткое известие о русской торговле.
2) Там же. Ср. *Покровский*, Рус. история, III, стр. 97—98.
3) *Котошихин*, X. I.

для торговли из земской избы — нового органа купеческого самоуправления—и доставляли закупленные товары в эту же избу „к лучшим людям, у кого они будут в записке". Это—характерное для меркантилизма покровительство русскому крупному капиталу в борьбе его с капиталом иностранным [1]).

Новоторговый устав 1667 года был вызван челобитьем гостей и торговых людей гостиной и суконной сотен и черных сотен, как значится в его предисловии. По этому уставу, в Архангельске в таможне учреждается особая выборная коллегия из купечества, независимая от воеводы. Во главе коллегии стоит гость, товарищами его являются выборные из гостиной сотни, кроме того, есть еще целовальники (присяжные) из суконной сотни и из торговых людей Вологды, Ярославля, Костромы, Устюга Великого, Каргополя и Сольвычегодска—по два от каждого города. Ведомство этой коллегии слагается, во-первых, из суда по торговым делам, во-вторых, из надзора за внешней торговлей, ее регулирования и сбора пошлин при ее производстве. При ввозе в Россию заграничных товаров и вывозе из России в иностранные государства все товары регистрируются, или составляются точные выписи на основании таможенных книг, где все акты купли-продажи записываются, причем если в обоих случаях, т.-е. при вывозе и ввозе, окажутся лишки—эти лишки товаров берутся на государя. Гость, его товарищи и целовальники следят затем за доброкачественностью иностранных товаров, особенно шелковых тканей, и худых товаров в продажу не допускают. С товаров берутся ими пошлины, причем не при привозе товаров, а при их действительной продаже—с продавца, а не с покупателя, а с русских товаров, вывозимых заграницу, взимаются проезжие пошлины. Иноземные вина допускаются только к оптовой продаже, и пошлина при их продаже увеличивается, чтобы не причинить убытки государевым кружечным дворам, продающим хлебное вино, водку. Если бы иностранцы пожелали продавать свои товары внутри России, вне Архангельска, — с них необхо-

---

[1]) *Соловьев,* История России, т. XIII; *Покровский,* Рус. история, III, стр. 98.

димо взыскивать в таких случаях пошлины и в Архангельске, и, сверх того, в тех городах, где они будут торговать. Иноземцы не платят пошлин только за привоз золотых и ефимков (иоахимсталеров), а русские, получая золотые и ефимки, обязаны продавать их в царскую казну. Русские, покупающие иностранные товары, при покупке не платят пошлин,—уплачивают их только при продаже и то, когда привозят на продажу в чужой город, а в своем продают беспошлинно. Весь этот, ярко протекционисткий по отношению к крупному нацональному капиталу, документ завершается постановлением, которое не осуществилось в XVII веке, но весьма характерно по своей тенденции: сказано, что купецких людей следует ведать по суду „в одном пристойном приказе, где великий государь укажет своему государеву боярину“ [1]).

Если подготовка социальных преобразований Петра Великого выступает с совершенною ясностью по отношению к дворянству и купечеству, посадским людям, то это не менее справедливо и в отношении к низшим слоям населения—крестьянам, бобылям и холопам. В общем можно сказать, что вторая половина XVII века подготовляла здесь слияние всех этих отдельных основных элементов сельского населения в одно крепостное крестьянское сословие.

Юридическое сближение этих элементов, конечно, имело основой своей фактическую, экономическую близость их между собою, постепенно все возраставшую. Мы должны в главных чертах проследить процесс этого сближения.

Бобыли после Смуты, к концу века, как нам уже известно, уменьшились в числе. Но и само их фактическое положение начало существенным образом меняться. Часть из них перешла в дворовые люди, другая часть садилась на пашню и тем приближалась к крестьянам [2]). Вместе с тем указы 30-х годов XVII века о живущей четверти сделали бобылей такими же тяглыми людьми,

---

[1]) Полное Собрание Законов, № 408.

[2]) *Лаппо-Данилевский,* Розыскания по истории прикрепления владельческих крестьян, стр. 105, 106.

какими были крестьяне [1]): они теперь платили уже не оброк, а такие же подати, как и крестьяне. Наконец, закрепощение крестьян по Уложению 1649 года распространено было и на бобылей [2]).

Так, во второй половине XVII века бобыльство фактически и юридически сблизилось с крестьянством. То же явление наблюдается и по отношению к холопам—задворным и деловым людям.

Деловые люди работали на владельца. Задворные могли, так же, как и деловые, обрабатывать владельческую землю. Но, как указывает дозорная книга Бежецкой пятины еще конца XVI века, бывали задворные люди, которые „пахали на себя, а не на помещика“ и в таком случае платили подати, несли тягло с этой собственной запашки уже тогда [3]). Этот ранний зародыш тяглого положения холопов, т.-е. податного сближения их с крепостным крестьянством, однако, не удержался в первой половине XVII века: указы о живущей четверти облагали податями и повинностями только крестьян и бобылей, следовательно, барская и холопская пашня не была по ним тяглой, холопы не считались тяглыми людьми и не несли тягла даже и в том случае, если имели собственную запашку.

И тем не менее факты обложения холопов, отмеченные дозорной книгой конца XVI века, были отдаленным прецедентом того положения, которое создано было для задворных и деловых людей составлением переписных книг 1678—1679 годов и введением подворного обложения. По этим книгам и на основании боярского приговора и государева указа 2 сентября 1679 года задворные люди были официально признаны государственными тяглецами. С половины 80-х годов такими же тяглыми людьми признаются в указах и деловые люди [4]). Наблюдения над грамотами и указами второй половины XVII века приводят исследователей к выводу, что в это время термином „крестьянские и бобыльные дворы“

---

[1]) Там же, стр. 106.

[2]) *Дьяконов,* Очерки из истории сельского населения в Московском государстве.

[3]) *Рожков,* Сельское хозяйство Моск. Руси в XVI в.

[4]) *Дьяконов,* Очерки из истории сельск. насел., стр. 272—273.

обнимается нередко и понятие о дворах задворных людей, как и термин „крестьяне“ иногда обнимает крестьян и бобылей вместе [1]). Переписные книги 1678—1679 годов и сделались основанием вечной крепости задворных людей, совершенно подобной крепости крестьянской. Теперь вместо разницы между задворными людьми и крестьянами появилась разница между крестьянами и дворовыми людьми, потому что все юридические различия между задворными людьми и крестьянами исчезли [2]).

---

[1]) Там же, стр. 279.
[2]) Там же, стр. 286—287.

III.

Государственный строй второй половины XVII в.

И в устройстве государства русская действительность второй половины XVII века дала ряд подготовительных явлений, из которых потом вышли соответствующие преобразования Петра Великого. Подготовки здесь касались и отдельных органов управления, и разных сфер государственной деятельности, — в частности особенно финансов, военного дела и внешней политики.

Изучение подготовки государственных преобразований Петра удобнее всего начать именно с внешней политики: она послужила закваской всех других новшеств в государственном строе.

Основной задачей внешней политики Московского государства со времен Ивана Грозного являлось приобретение доступа к Балтийскому морю. Эта задача впервые была выдвинута на первый план именно Грозным, и ее первостепенная важность была усвоена замечательным русским дипломатом второй половины XVII века А. Л. Ординым-Нащокиным. Он не только усвоил идею о важности приобретения берегов Балтики, но и деятельно проводил ее в жизнь, причем обнаруживал крайнюю последовательность, настаивая именно для этого на мире и союзе с Польшей ценою даже уступки недавно присоединенной Украины [1]). Царь Алексей отвергал эту уступку, но в общем и целом согласен был со своим государственным канцлером, „государственные большие печати оберегателем“, как назывался на языке того времени Ордин-Нащокин, и, напр., в переговорах с Шве-

---

[1]) *Соловьев,* История России, т. XI, стр. 226

цией наказывал всячески добиваться пристани на Балтийском море [1]). Традиция, таким путем установленная, прочно держалась и позднее, и вечный мир, заключенный с Польшей в 1686 году, явился несомненной реальной и сознательной, полной глубокого государственного смысла подготовкой внешней политики Петра [2]). Это стремление к западному морю, столь близкому, вполне понятно и естественно. Теперь можно считать доказанным, что оно подготовлено было не только большей выгодностью торговли через Балтийское море, чем через Белое, но и интересами балтийских портов—Риги и Ревеля. В самом деле: еще де-Родес указывал, что по климатическим условиям торговый оборот в Белом море требует пяти месяцев, тогда как в Балтийском для него нужно всего лишь три месяца; значит, балтийская торговля вдвое выгоднее беломорской. Затем Рига и Ревель во второй половине XVII века экономически были теснее связаны с западными областями Московского государства, чем с Швецией, которой они принадлежали: они торговали с западом Европы главным образом русскими товарами и сбывали европейские товары по преимуществу в Россию. К тому же шведское правительство покровительствовало шведским купцам, а не рижским и ревельским, являвшимся их конкуррентами: так, оно добилось отмены зундских пошлин от Дании только для шведского купечества; нуждаясь в хлебе, Швеция обложила хлебный вывоз Ревеля и Риги на запад Европы высокой пошлиной; наконец, шведское правительство брало в Риге и Ревеле столь высокие торговые пошлины, что выгоднее было ввозить и вывозить товары не через эти порты, а через Кенигсберг, где пошлины были гораздо ниже. Таким образом, остзейский капитал тяготел естественно к России и отрывался от Швеции [3]).

Даже и союз России с Польшей и Данией против Швеции, осуществленный Петром Великим, был подготовлен торговыми интересами этих стран во второй по-

---

[1]) Там же, т. XI, стр. 82.

[2]) Там же, т. XIV, стр. 15; *Шмурло.*

[3]) *Покровский,* Русская история, III, стр. 102—104.

ловине XVII века: для всех их шведская монополия на Балтийском море была крайне невыгодна [1]).

Но для войны с первой военной державой того времени, какою являлась Швеция, нужна была военно-техническая подготовка, преобразование армии. И опять-таки во второй половине XVII века, отчасти и раньше, сделаны были подготовительные шаги в этом направлении.

Московская армия предшествующего времени представляла собою в большинстве своем типичное средневековое, феодальное ополчение: она состояла по преимуществу из дворянской конницы. С конца XVI века ее состав осложнился новым элементом—пехотой, состоявшей из пищальников или, как они в XVII веке стали называться, стрельцов. В стрельцы, по словам Котошихина, „прибирают из вольных людей, и бывают в стрельцах вечно, и по них дети, и внучата и племянники стрелецкие ж дети бывают вечно ж" [2]). Стрельцы делились на приказы, причем один из них „выборный (т.-е. отборный) первый стремянной" приказ исполнял обязанности телохранителей царя и его семейства [3]), был, выражаясь позднейшим языком, конвоем его величества. Кроме военной службы, стрельцы несли службу сторожевую—занимали караульные посты на царском дворе, около казны, у городских ворот и проч. и, сверх того, они исполняли обязанности пожарной команды [4]). Получая весьма значительное по тому времени жалованье—денежное, хлебное, а также солью и сукнами, стрельцы были также „люди торговые и ремесленные всякие, богатые многие" [5]). Стрелецкая пехота в качестве новой царской гвардии [6]) отодвинула на второй план старую средневековую гвардию из московских чинов, стольников, стряпчих, дворян московских, жильцов. Число стрельцов московских в начале XVII века было 7.600 и городовых от 20 тыс. (в 1625 году) до 26 тыс. (в 1636 году) [7]).

---

[1]) Там же, III, стр. 105.

[2]) *Котошихин*, VII, 5.

[3]) Там же.

[4]) Там же.

[5]) Там же.

[6]) *Заозерский*, Царь Алексей Мих. в своем хозяйстве.

[7]) *Милюков*, Государственное хозяйство России в 1-й четверти XVIII в., в связи с реформой Петра Великого, изд. 2-е, стр. 35

По Майербергу, писавшему в начале 60-х годов, всех стрельцов было до 40.000 чел. [1]). Котошихин считает число одних московских стрельцов в 20 приказов по 800—1.000 чел. в каждом. Числа городовых стрельцов он не указывает, но, повидимому, их было не меньше, чем московских, судя по тому, что, по словам того же Котошихина, в больших городах во всех стояли по три, по два и по одному стрелецкому приказу [2]). В общем число стрельцов в течение второй половины века оставалось неизменным [3]).

Рано, однако, сказалась недостаточность введения стрелецкой пехоты на помощь старой дворянской коннице. Отдельные отряды солдат—пехотинцев и рейтаров—кавалеристов, т.-е. войск нового, европейского строя, под командой иностранных офицеров, встречаются еще в Смутное время [4]). Пополнялись они путем рекрутских наборов или, как выражались в XVII веке, „приборов даточных людей“, а также охотников. Даточные люди, или рекруты, существовали и при дворянской армии: с тех землевладельцев, которые лично не несли военной службы, т.-е. бывших на службе гражданской, старых, больных, бездетных, недорослей, вдов, девиц, дворцовых земель, монастырских и архиерейских вотчин и с бедных помещиков и вотчинников, у которых крестьян было не более 10 человек, брались даточные люди обычно до 30-х годов XVII века со 100, 300, 400 четвертей пашни, но с 1637 года стали брать по даточному человеку с 10—20 дворов. Даточные люди, как часть дворянской армии, получали корм от тех, кто их поставлял, и особое жалованье от казны [5]). Потом они получили другое назначение—служить в полках нового строя.

Эти полки нового строя являются значительным элементом московской армии со времен похода Шеина под Смоленск в 1634 году [6]), и с тех пор их число и чис-

---

[1]) *Майерберг,* Путешествие в Московию, стр. 175.

[2]) *Котошихин,* VII, 5.

[3]) *Милюков,* Госуд. хоз., стр. 38.

[4]) *Устрялов,* Сказания иностранцев о Смутн. врем.

[5]) *Лаппо-Данилевский,* Организация прямого обложения в Моск. госуд., стр. 390—393.

[6]) *Милюков,* Госуд. хоз., стр 36.

ленный личный состав растут до конца века, так что дворянская конница и даже стрельцы отодвигаются на второй план и становятся второстепенными частями московской армии [1]). Вся армия с 20-х годов XVII века до 1681 года возросла вдвое или втрое и составляла 200 тысяч человек с иррегулярными войсками (казаками и проч.) [2]). Необходимость новой армии очень ясно сознавалась передовыми людьми второй половины XVII века: Ордин-Нащокин еще в 1659 году писал царю Алексею о том, как много страдает страна от войска старого типа, и требовал полного преобразования армии, замены дворянской конницы постоянной армией по набору— кавалерией и пехотой из даточных людей. Как показывает предшествующее изложение, приступ к осуществлению этого плана стал действительностью до Петра и его преобразований.

Но не только подготовлялась сухопутная армия,— были еще элементы, правда слабые, и подготовки будущего петровского флота: здесь надо отметить не только бот Н. И. Романова, найденный впоследствии Петром и ставший „дедушкой русского флота" [3]), но и те два корабля, которые построены были при царе Алексее для плавания по Волге, и из которых один был сожжен Разиным.

Для войны, активной внешней политики, военной реформы, наконец, для торговли и других преобразований нужны были гораздо большие и более упорядоченные финансовые средства, чем те, какими располагала Россия к половине XVII века. Нужна была для этого целая новая система государственного хозяйства. Отсюда вытекала необходимость подготовки финансовой реформы.

Как всегда бывает, правительство только начинавшее вкушать от сладости новорожденного меркантилизма, попыталось наивно, по-детски, примитивным, упрощенным способом приобрести столь драгоценные для него деньги. Отсюда вышла неудачная попытка введения медных денег.

---

[1]) Там же, стр. 38.
[2]) Там же, стр. 39 и прим. 2 на стр. 53.
[3]) *Соловьев,* История России, т. XIV, стр 105.

Самый обстоятельный рассказ о медных деньгах и предшествовавших их введению операциях московского правительства с монетой нам оставил Котошихин. Вот к чему сводится его интересное повествование:

Московское правительство XVII века ставило одной из главных целей своей архангельской торговли с Голландией, Венецией, Любеком и Гамбургом добывание этим путем серебра и иностранной (немецкой, в частности австрийской) серебянной монеты иоахимсталеров или, как ее у нас называли, „ефимков". И ефимки и серебро принимались в уплату за царские монопольные товары по уменьшенной цене—по 4 гривны или самое большее 14 алтын ефимок (40—42 коп.), а чеканили из ефимка серебряных копеек 21 алтын 2 деньги, т.-е. 64 коп. Прибыль на этой операции составляла таким образом 24—22 коп., т.-е 60 или, по меньшей мере, 55%. Финансовые затруднения, вызванные войной с Польшей и Швецией—нужда в деньгах, усиленные расходы на армию—повели к тому, что не успевали чеканить необходимое число серебряных московских денег и прибегли к упрощенному способу выпуска денежных знаков: стали клеймить ефимки особым царским штемпелем, и такие клейменые ефимки брали в казну по курсу 21 алтын 4 деньги (64 коп.), тогда как ефимки неклейменые шли по курсу 40 коп. Мало того, выпустили медные полтинники, приравняв их ефимку, т.-е. попросту попытались не только испортить серебряную монету, но и вполне уравнять с ней монету медную, ввести медную валюту наравне с серебрянной, уравнять стоимость меди и серебра [1]).

К порче монеты меркантилистские правительства не раз прибегали,—делал это, как увидим впоследствии, и Петр Великий, так что введение медных денег было подготовкой, прецедентом одной из важных мер петровской финансовой политики. Но всегда—и при Петре также—порча монеты давала сомнительные и скоропреходящие выгоды, скоро превращавшиеся в прямые убытки, и последствием оказывались народные волнения, заставлявшие отказываться от таких примитивных финансовых

---

[1]) *Котошихин,* VII, 9

приемов. Тем понятнее, что еще более крайняя мера правительства царя Алексея потерпела полную неудачу.

Котошихин так описывает отдельные моменты, частные перипетии, пережитые историей медных денег. Результатом медно-серебряного биметаллизма явилась дороговизна: крестьяне перестали возить на городские базары свои товары, и цены на все предметы потребления поднялись вдвое. Служилые люди, получавшие жалованье медными деньгами, оказались в тяжелом положении. Угроза жестокими наказаниями за повышение цен не помогала. Тогда попытались заменить медные полтинники более мелкими деньгами,—стали чеканить медные алтынники, грошевики и копейки. Результат оставался прежний. Как будто лучше пошла медная монета, когда она стала только мелкой—копейкой, равной серебряной копейке, разменной медной мелкой ассигнацией. Но и то было ненадолго: курс медных денег падал,—сначала серебряный рубль давали за 2 р. медных, потом последовательно за 3, 4, 5, 6, 7, 10, 15 и 17 рублей, тем более, что медные деньги стали выделывать частные люди, и этому потакали небескорыстно, конечно, боярин Милославский, тесть царя, и думный дворянин Матюшкин, также родственник царской фамилии. Тогда в Москве возник бунт: бунтовали „люди торговые и их дети, и рейтары, и хлебники, и мясники, и пирожники, и деревенские, и гулящие, и боярские люди“, „а часто и добрые торговые люди, к тем ворам не пристал ни один человек, еще на тех воров и помогали“, а стольники, стряпчие, дворяне, жильцы, дворовые люди, подьячие „против тех воров стояли“. Царь сначала встретил первых бунтовщиков, пришедших к нему в Коломенское, мирно, обещал им приехать в Москву и там разобрать дело. Но потом, когда бунтовщики продолжали грабить дворы бояр и гостей и пришли в Коломенское во второй раз, царь, к которому посланы были все приказы стрельцов и солдат, велел разогнать их силою. Всего перебито и казнено было до 7.000 человек и 15.000 сослано. Однако, медные деньги пришлось отменить: их обменили по курсу 10 к одному, т.-е. за 10 рублей медной монетой выдали по 1 рублю серебряному: медные ассигнации были отменены путем частичного банкротства

казны, расплатившейся со своими кредиторами по 10 к. за рубль [1]).

Еще раньше, чем предпринята была эта рискованная попытка нажиться на сомнительных операциях с чеканом монеты, московское правительство вступило в своей финансовой политике на более правильный путь упорядочения и упрощения налоговой системы и затем, к концу века, продолжало следовать по этому пути, проторяя его Петру Великому. Тот самый факт, что именно к половине XVII столетия сложилась система государственных доходов, был предвестником реформы.

По этой системе доходы государства делились на два больших разряда—окладные и неокладные. Окладные доходы—те, которые можно ввести в определенный оклад, т.-е. в обязательный для плательщиков размер. Окладные доходы в свою очередь делились на две группы: 1) данные и оброчные, 2) таможенные и кабацкие. К неокладным доходам принадлежали судебные и печатные пошлины и разные экстренные поступления [2]). Таким образом можно сказать, что прямыми податями были данные и оброчные,—первая группа окладных доходов. Вторая их группа—таможенные и кабацкие—и все неокладные доходы подходили под наше современное понятие налогов косвенных.

И прямые и косвенные налоги второй половины XVII века представляли собою явление в высшей степени сложное и пестрое, бессистемное, неупорядоченное, так как они сложились исторически, постепенно, под влиянием изменчивых, весьма различных обстоятельств времени, носили на себе печать исторического прошлого. Необходимо было ввести сюда упрощение, порядок и систему.

Дело начато было с косвенных налогов,—с торговых и проезжих пошлин, причем меры, в этом отношении принятые, были внушены специальной челобитной гостей и торговых людей [3]). Согласно их просьбе, в 1653 году был издан указ, который носит название торгового или

---

[1]) *Котошихин*, VII, 9.
[2]) *Милюков*, Госуд. хозяйство, стр. 2, 4, 10.
[3]) Акты Археогр. Эксп., т. IV, № 64, I.

староторгового устава. Этим указом отменен был ряд мелких торговых и проезжих сборов, сохранявшихся еще от удельного времени,—этих следов и остатков былой, хотя и скоропрошедшей в России, замкнутости местных рынков; оставлены были только проезжие пошлины за переправы через реки и проезд по мостам; все прочие мелкие сборы заменены были единым косвенным торговым налогом, так-называемой „рублевой пошлиной",—по 10 денег с рубля цены каждого продаваемого товара с торговца и по 5 денег с рубля—с покупателя [1]).

Второй шаг к объединению финансовой системы и к превращению старого полувотчинного финансового хозяйства в государственное сделан был в 1672 году: 1 марта этого года состоялся боярский приговор об уничтожении всех тарханных грамот монастырей, архиереев и частных светских лиц [2]). Еще одним—и очень важным—обломком феодализма стало меньше. Эта реформа касалась одновременно и прямого и косвенного обложения.

Третий шаг в объединительном направлении был сделан реформой прямого обложения в 1681 году. Тогда вся масса запутанных и сложных прямых налогов сведена была к трем главным—оброчной подати, стрелецкой и ямским и полоняничным деньгам, соединенным в один налог. При этом не все три, а только две из этих податей лежали одновременно на каждом отдельном плательщике. Именно: оброчная подать собиралась со всех земель государства на всем его протяжении, а также и со всех торговых и промышленных предприятий; ее, следовательно, платило все, подлежавшее прямому обложению, население; стрелецкую подать платили все города государства и из уездов только северные; наконец, объединенные ямские и полоняничные деньги платились только уездами, кроме северных, и не платились городами. Таким образом все города и северные уезды платили две подати—оброчную и стрелецкую, а все остальные уезды, кроме северных, также две—опять-таки, оброчную и еще ямские и полоняничные деньги [3]).

[1]) Полное Собрание Законов, №№ 107 и 122.
[2]) Там же, № 507.
[3]) *Милюков,* Госуд. хозяйство, стр. 64.

Конечно, полного объединения еще не создалось, единства кассы не получилось, но тенденция в этом направлении сказалась ясно и определенно и не только в виде планов или предположений, но и реально, в действительности.

Объединение и упрощение налогов повело к составлению общей сметы доходов и расходов, первого в русской истории государственного бюджета. Такого бюджета долго не было. Он подготовлялся теми „сметными списками" и „окладными росписями", которые составлялись ближайшим образом органами областной администрации, воеводами, причем сметным списком назывался перечень недоимок, доходов, расходов и остатков за истекший год, а окладной росписью именовались бюджетные предположения о приходе, расходе и остатке на будущий год. Составив оба эти документа, воевода отправлял их в Москву с подьячим, „которому дело окладное было за обычай". Подьячий привозил их в приказ, в котором ведалась данная область в финансовом отношении. В приказе составлялся свод сметных списков и окладных росписей, получавшихся от подведомственных ему воевод, причем эти приказные росписи и сметы представляли собою скорее механический свод, чем систематизацию воеводских данных: доходы и расходы излагались в приказных росписях и сметах по каждому городу отдельно, в том самом порядке, как они значились в воеводских росписях и сметах; только некоторые важнейшие сборы, напр., стрелецкие деньги, подсчитывались особо, не писались по каждому городу отдельно [1]). Но не только по причине механического переписывания воеводских данных, а и потому еще, что финансовых приказов было много, и их сметы и росписи долго не сводились воедино,—не было и общей государственной сметы. Однако, слабые попытки в этом направлении встречаются уже в 20-х годах XVII века: от 1623 года сохранилось известие, что тогда составлялась „годовая большая смета" [2]). Повидимому, это было связано с реформой приказного

---

[1]) *Лаппо-Данилевский,* Организация прямого обложения, стр. 264, 265, 272.

[2]) Там же, стр. 273.

делопроизводства в 20-х годах: заведен был порядок в отчетности приказов, введены новые формы приходо-расходных книг, сметных списков и других документов. Но, кажется, все это продолжалось не долго [1]), и только в половине 40-х годов встречаются снова намеки на составление сметных списков по ряду приказов [2]). Первый бюджет удалось составить только в 1680 году [3]).

Этот бюджет дошел до нас и характерен не только фактом своего появления, но и своим содержанием. В доходной его части обращает на себя внимание то обстоятельство, что 44% доходов получаются от прямого обложения и 56% от косвенного, причем чрезвычайные сборы дают очень много—19,4% всех доходов. В расходной смете есть много остатков удельной старины: на дворцовое хозяйство и различные выдачи вотчинного характера (ружникам, оброчникам и пр.) тратилось целых 23,7% всех расходов; на администрацию весьма мало—1,7%: очевидно, принцип кормления на практике был по-прежнему силен; но были и новости и весьма важные, подготовлявшие Петра: на ямское дело и общественные постройки тратилось уже по тому времени не мало—6,4%, на финансовые операции казны 6%, но всего больше—62,2%—на армию. Доход весь вычислен в сумме более 1.220.000 руб., расход свыше 1.125.000. руб. [4]). На наши довоенные деньги первая сумма составит около 21 милл., вторая более 19 милл. руб.

Составлению государственного бюджета способствовало еще одно важное обстоятельство: начались опыты упрощения и объединения запутанной и сложной финансовой администрации. До 70-х годов в этой области царил полный беспорядок: один и тот же налог в разных частях государства собирался иногда различными приказами (напр., четвертями), некоторые налоги почти со всего государства собирались в одном учреждении; наконец, все налоги иногда в некоторых местах собирались одним даже не финансовым приказом, напр., на юге

---

[1]) *Милюков*, Спорные вопросы финансовой истории Моск. госуд., стр. 152.

[2]) *Лаппо-Данилевский*, Организ. прямого облож., стр. 273.

[3]) *Милюков*, Госуд. хоз., стр. 67.

[4]) Там же, стр. 74—76.

Разрядки. В 70-х и 80-х годах XVII века сделаны были важные шаги в новом направлении: стрелецкие деньги стали собираться только одним Стрелецким приказом, ямские и полоняничные—Ямским приказом, оброчные—четвертями, которые поэтому были подчинены Большой Казне, а сбор косвенных налогов (таможенных и кабацких) ведался также приказом Большой Казны[1]).

Далее, в качестве меры, подготовительной к финансовой реформе Петра, следует указать учреждение государственного контроля—так-называемого Счетного приказа, возникшего в 1654 году во время войны с Польшей под влиянием военно-финансовых потребностей: он должен был контролировать раздачу полкового жалованья, но иногда получал и другие поручения, напр., обревизовать приказ Большой Казны за 50 лет[2]).

Наконец, переписные книги 1678—1679 годов установили окончательно для XVII века двор, как единицу обложения и этим приблизили отдельного плательщика прямых налогов к государству, т.-е. опять-таки проложили дорогу для новой единицы обложения, введенной Петром Великим.

Уже изучение подготовки финансовых преобразований Петра привело нас в соприкосновение с некоторыми фактами, свидетельствующими о крупных переменах в административном строе, в органах управления во второй половине XVII века. Перемены эти не ограничились уже упомянутыми выше фактами,—они были гораздо шире и глубже и опять-таки подготовляли соответствующую деятельность Петра.

Прежде всего подготовлялись перемены в областном управлении—будущие петровские губернии. Эта подготовка выразилась во второй половине XVII века в образовании военных, отчасти и военно-финансовых округов—так-называемых областных разрядов или полков. Образовались они под влиянием тех войн, которые велись при царях Алексее и Федоре Алексеевиче.

В начале борьбы за Малороссию—в конце 50-х или начале 60-х годов — образовался первый из областных

---

[1]) Там же, стр. 64.
[2]) Там же, стр. 83.

разрядов—Новгородский. К половине 60-х годов сложился другой разряд—Севский. Около того же времени третий—Белгородский. Чигиринские походы, т.-е. война с Крымом и Турцией, потребовавшая напряжения сил всей России, вызвала в конце 70-х годов образование разрядов Казанского и Рязанского. В 1680 г. из Белгородского разряда выделился еще особо разряд Тамбовский [1]). Чтобы превратиться в петровскую губернию, областному разряду второй половины XVII века надо было получить независимость от центральных учреждений — приказов и получить в прибавок к военной власти, которую имел разрядный или полковой воевода над воеводами всех приписных к разряду городов, еще власть финансовую. Отчасти—в разряде Белгородском — эта финансовая компетенция у разрядного воеводы, впрочем, даже уже и была, хотя и не была проведена систематически, последовательно [2]).

Вторая половина XVII века в области центрального управления также дала много нового, предвещавшего недалекое будущее.

По мере усложнения государственных функций нарастали все новые приказы — центральные подчиненные учреждения того времени. Так, учреждались приказы для сбора экстренных военных налогов, напр., 10-й деньги [3]). В прибавок к Иноземному приказу, ведавшему пехоту нового строя, возник Рейтарский приказ, который ведал новую конницу [4]). С новыми территориальными приобретениями связано было появление приказов великого княжества Литовского в 1657 г. и княжества Смоленского в 70-х годах [5]), в 1663 г. Малороссийский приказ [6]). Наконец, в свое время были упомянуты приказы Тайный и Счетный.

Все эти новые приказы осложняли и без того нескладное, слишком многоголовое целое центральной приказной

[1]) Там же, стр. 233—236, 243—244.

[2]) Там же, стр. 251—252.

[3]) Там же.

[4]) Древняя Российская Вивлиофика, т. XX.

[5]) *Богословский*, Приказы великого княжества Литовского и княжества Смоленского: „Жур. Мин. Нар. Пр.“ за 1906 г., август, стр. 225, 226.

[6]) Древняя Российская Вивлиофика, т. XX.

администрации. Необходимо было его упростить, и мы уже наблюдали выше такое упрощение, соединение нескольких приказов в области финансового управления. Этим дело, однако, не ограничилось: стали объединяться и другие приказы, не только финансовые.

Иногда соединение приказов носило чисто личный характер: несколько приказов подчинялись одному влиятельному в правительстве лицу. Так, князь И. Б. Черкасский, а после него Ф. И. Шереметев правили одновременно четырьмя приказами—Казенным двором, Большой Казной, Стрелецким и Иноземским. Вслед за ними И. Д. Милославский управлял теми же приказами и сверх того еще двумя—Рейтарским и Аптекарским. В 1647 г. Б. И. Морозов, а в 1649 г. кн. Я. К. Черкасский заведывали приказами Большой Казны, Стрелецким и Иноземским. А. Л. Ордин-Нащокин правил одновременно Посольским и Малороссийским приказами и четями Новгородской, Галицкой и Владимирской [1]).

Но личное объединение было самым слабым, элементарным еще проявлением систематизаторских тенденций в центральном управлении. Иногда дело шло дальше, основывалось на дипломатических, военных и, как мы уже видели, финансовых соображениях. Не повторяя того, что сказано выше об объединении финансовых приказов в 70-х и 80-х годах, отметим, что в 1667 г. к Посольскому приказу приписан был Малороссийский, „для того, что перемирье учинили и остерегать таковых государственных дел надобно в Посольском приказе" [2]). С 1680 г. приказ княжества Смоленского подчиняется Посольскому приказу [3]).

Наконец, говоря о подготовке административных реформ Петра Великого, нельзя не упомянуть об учреждениях или зародышах учреждений, бывших предшественниками петровских органов высшего или верховного управления,—сената и синода.

Что касается синода, то здесь важно то учреждение, появление которого было отмечено нами в IV томе настоящего

---

[1]) *Лаппо-Данилевский,* Организ. прямого облож., стр. 484.

[2]) Там же, стр. 484.

[3]) *Богословский,* Приказы в. княж. Лит. княж Смол.: „Ж. М. Нар. Пр." за 1906 г., авг., стр. 241.

труда: после 1667 года был учрежден при патриархе церковный собор, состоявший из нескольких, по очереди вызывавшихся в Москву, епархиальных архиереев, сменявшихся по очереди. Этот собор и был прототипом синода [1]).

Петровский сенат был подготовлен в его судебных функциях Расправной палатой, а в административных и политических—особым совещанием дьяков в конце царствования Алексея.

Расправная палата, как высшее судебное учреждение, существовала между 1681 и 1694 годами с некоторыми временными перерывами в правление Софьи. Расправная палата состояла из нескольких бояр и других членов Боярской Думы в количестве 11—12, иногда и больше, имела канцелярию, состоявшую из дьяка и подьячих и являлась высшей судебной инстанцией, рассматривавшей дела, вносившиеся в нее или по инициативе ведшего их приказа или по жалобе одной из тяжущихся сторон в случае волокиты, неправильного направления дела, вообще нарушения процессуальных форм или в случае неправильного решения дела по существу. Приговоры палаты не нуждались в утверждении Боярской Думы и являлись прецедентами, важными в судебной практике [2]).

В 1675 г. над Тайным приказом возникла надстройка, явившаяся также предшественником сената, но уже как административного и политического учреждения: то было совещание или, как бы сказали в XVIII в., „консилия“ из трех дьяков—Дементия Башмакова, управлявшего в качестве думного дьяка Челобитным приказом, Лариона Иванова, думного дьяка Стрелецкого приказа, и Ивана Полянского, дьяка приказа Тайных дел. В этой „консилии“ принимал иногда участие и стоявший с 1671 года во главе Посольского приказа боярин А. С. Матвеев. Кроме того, Матвеев, Иванов и Полянский иногда участвовали в тайных розысках по важным делам. В то же время подьячие Тайного приказа стали назначаться дьяками разных приказов, не теряя связи и с Тайным приказом.

---

[1]) *Каптерев,* Патриах Никон и царь Алексей Михайлович, стр. 432.
[2]) *Богоявленский,* Расправная палата при Боярской Думе: „Сборник статей в честь В. О. Ключевского“, стр. 411—425.

Все это отодвигало Боярскую Думу на второй план и подготовляло появление петровского сената [1]).

Таковы были те различные пути и способы, какими государственная действительность второй половины XVII века предвещала и готовила реформу Петра Великого в устройстве управления. Мы проследили таким образом подготовку реформы Петра в разных сферах материальной культуры—в хозяйстве, устройстве общества и государственном строе. Остается рассмотреть теперь ту подготовку, которая совершалась в то же время в духовной культуре и психологии общества.

---

[1]) *Заозерский,* Царь Алексей Мих. в своем хозяйстве, стр. 321—325.

IV.

Духовная культура второй половины XVII века.

Дворянская революция представляет собою переход от средневекового к новому обществу. Средневековое, феодальное общество в области духовной культуры живет по преимуществу религиозными настроениями и идеями. Естественно, что и культурный перелом должен был прежде всего сказаться именно в области религии. Здесь намечались новые тенденции раньше всего: дело начиналось с критики той традиции, которая была наиболее обычной и привычной.

И, действительно, московское общество второй половины, особенно конца XVII века представляло собою в религиозном отношении весьма любопытную картину. Мы не имеем пока в виду резко протестующие течения—раскол в его разветвлениях: об этом речь впереди, так как здесь отражаются влияния, настроения и идеи не господствующих классов общества, а угнетенных или, по меньшей мере, отодвинутых на второй план. Но и в господствующих классах началось или, вернее, оживилось движение вперед в области религиозной мысли. Два течения, если не считать промежуточного, колеблющегося, „пестрого", обращают на себя внимание: латинское, западническое и греческое, восточное, на которое опирались старо-националистические, полуфеодальные еще элементы русского дворянства того времени.

Традиционное отношение к науке и образованию, даже носящим региозный характер, нашло себе классическое, законченное выражение в одной прописи, составленной в 1643 году. Пропись гласит: „Аще кто ти речет: веси ли всю философию? И ты ему рцы: еллинских борзостей не текох, ни риторских астроном не читах, ни с мудрыми

философы не бывах,—учуся книгам благодатного закона, аще бы можно моя грешная душа очистити от грех" [1]). Типическим представителем таких воззрений был патриарх Иоаким (умерший в 1690 г.). В своем завещании он требовал разрушения иноверческих церквей в Московском государстве, удаления иностранцев с государственной службы, наказания их смертной казнью за попытки религиозной пропаганды, высказывался резко против иностранных обычаев и европейского платья.

Но времена были такие, что необходимо было, даже борясь за старину, пользоваться новыми просветительными средствами. Этих средств до Иоакима искали в юго-западной Руси, в Киево-Могилянской академии. Однако, оттуда вышли как раз основатели двух противоположных культурно-религиозных направлений в России: то были, с одной стороны, Епифаний Славинецкий, с другой—Симеон Полоцкий.

Епифаний Славинецкий прибыл в Москву по царскому вызову в 1649 году. Во время его пребывания в Москве существовали уже четыре школы: в Андреевском монастыре, основанная Ртищевым, греко-латинская школа грека Арсения, основанная Никоном в 1653 г., Чудовская и Заиконоспасская. Славинецкий обучал в Чудовской школе и во всей своей деятельности—и педагогической, и литературной, и догматически-богословской — являлся последовательным приверженцем греческих преданий и врагом латинства и западного влияния. Он писал сочинения, направленные против влияния протестантизма— о необходимости молитвы за умерших и поминовения святых—восставал против следования западным образцам в иконописании, в 1673 году участвовал в споре с Симеоном Полоцким о времени пресуществления святых даров [2]). Этот спор—образец догматической схоластики — сущностью своею имел разногласие между греческим православием, учившим, что пресуществление происходит во время молитвы священника, и римским католицизмом, приурочивавшим пресуществление ко времени произнесения

---

[1]) *Пекарский*, Наука и литература в России при Петре Великом. Спб. 1862, стр. 3.

[2]) *Ротар*, Епифаний Славинецкий: „Киевская Старина" за 1900 г., № 10, стр. 16, 18; № 12, стр. 383—384, 387, 389.

священником слов: „приимите, ядите, сие есть тело Мое“. Он был лишь предлогом для борьбы между двумя культурными влияниями—греческим и западно-европейским.

Симеон Полоцкий учился не только в киевской коллегии или академии, как Славинецкий, но и в польских академиях и иезуитских школах. Типичный схоластик, блестяще образованный в схоластическом смысле, Полоцкий был гораздо шире и индивидуальнее, чем Славинецкий. Характерно для него было то, что в монахи он поступил ради почетного положения и вследствие научно-литературных интересов. Научные занятия ему казались возможными только в монастыре; он говорил: „неудобно книги довольно читати и хотение жены в доме исполняти“. В 1664 г. он окончательно переселился в Москву. Здесь он основал Заиконоспасскую школу, в Спасском монастыре, за Иконным рядом, где явился представителем западного, латинского направления. Он учил в этой школе латинскому языку молодых подьячих приказа Тайных дел и давал вообще такое образование, в котором, в противоположность Чудовской школе Епифания Славинецкого, были светские элементы. Он скоро стал также учителем детей царя Алексея, придворным поэтом и проповедником. Участвуя в соборе против старообрядцев, Симеон Полоцкий написал против них по поручению собора сочинение под заглавием: „Жезл правления“. Он основал также у царя „на верху“ особую типографию, выпускавшую книги нового направления, которые нельзя было печатать в „Государеве печатном дворе“, где действовала цензура патриарха. Полоцкий поощрял новые течения в русском иконописании, — в частности Симона Ушакова. Им же составлен был и проект Славяно-греко-латинской академии в Москве. Тактичный, умелый практик, льстивый придворный, Симеон Полоцкий достиг огромного влияния при дворе царей Алексея и Федора. Но он умел сохранять свое достоинство, имел высокоразвитые умственные интересы и очень хорошо устроился в материальном отношении. Важны его сочинения: кроме „Жезла правления“, особенно замечательны две комедии „О Блудном сыне“ и „О Навуходоносоре“, „Словеса похвальная и нравоучительная“—панегирики и проповеди, два сборника стихотворений — „Рифмологиан“ и

„Вертоград многоцветный", „Рифмованная Псалтирь" и проч. [1]).

Хотя Славинецкий и Полоцкий и спорили, в особенности по вопросу о пресуществлении, но до открытого разрыва между ними дело не доходило. Но их ученики—Евфимий Чудовской и Сильвестр Медведев столкнулись очень резко. Патриарх Иоаким на помощь Евфимию и в противовес Медведеву вызвал в Москву двух ученых греков—Иоанникия и Софрония Лихудов. Это были люди с высшим европейским образованием—они учились в Падуанском университете,—но, преданные православно-греческим взглядам, противники западничества. Прибыв в Москву в 1685 году, Лихуды начали свою педагогическую деятельность сначала у себя на дому, потом в Богоявленском училище, наконец, в 1687 году в открытой тогда в „Эллино-греческой" академии. В академии они столкнулись с Сильвестром Медведевым, который, будучи близок к правительнице царевне Софье и ее любимцу князю В. В. Голицыну и являясь вместе с ними представителем западнического направления, и идейно и по личным мотивам,—он был честолюбив и хотел первенствовать в академии,—оказался непримиримым противником ученых греков, использовавших свою европейскую образованность, как средство борьбы с западничеством. Особенно разгорелась полемика между Лихудами и Медведевым по поводу сочинения Сафоновича „Выклад о церкви и о делах церковных". Медведев написал в защиту этого сочинения свою работу под заглавием „Манна", где доказывал латинское учение о времени пресуществления. Лихуды составили и издали против него „Акос" (что значит „лечение против укусов змеи") и потом „Учение о разнствах восточной церкви с латинской". Медведев отвечал очень резко, и Лихуды издали против него еще третье сочинение „Показание истины". В полемике принял также участие диакон Афанасий, сторонник Медведева, написавший „Тетрадь на Иоанникия и Софрония Лихудов", отповедь на которую дали Лихуды в своих „Диалогах

---

[1]) *Л. Майков*, Симеон Полоцкий—в „Очерках из истории русской литературы XVII и XVIII ст., Спб. 1889; *Татарский*, Симеон Полоцкий, М. 1886.

грека учителя к некоему иисуиту". У Медведева нашлись единомышленники и в среде высшей церковной иерархии: за него был рязанский митрополит Павел. Падение Софьи дало торжество партии патриарха Иоакима: Медведев бежал, был схвачен и казнен. Его учение, так-называемое—„Моя хлебопоклонная ересь", было осуждено на соборе 1690 года[1]).

Вся эта церковно-религиозная, догматико-схоластическая борьба, находившая себе громкий отзвук в московском обществе того времени — боярском, дворянском и даже отчасти посадском,—знаменательна была, как уже сказано, тем, что впервые определила два общих идейных течения, две системы симпатий и взглядов—западническую и националистически-традиционную. Но она сопровождалась и другими важными последствиями, отчасти уже сейчас также отмеченными: они подняли интерес к науке и образованию, так как даже сторонники старины, вроде патриарха Иоакима, уже чувствовали и понимали, что одним старым шаблоном древнерусских начетчиков не обойдешься: искали новых средств борьбы в арсенале западно-европейской образованности, для чего и призвали Лихудов. Рост образования и был к концу XVII века новым явлением, подготовлявшим петровскую реформу в культурном отношении. Мы указывали уже на появление новых школ и на педагогическую деятельность Славинецкого, Полоцкого, Медведева, Лихудов. Когда она исходила от западников, она вызывала пока нередко сомнения и боязнь. Подневольные ученики новых учителей говорили: „вот учатся у киевлян греческой грамоте, а в той грамоте и еретичество есть". Один из них, Степан Алябьев, сначала учился латинскому языку у грека Арсения, но потом азбуку изодрал, потому что его родные, а также Лука Голосов и Иван Засецкий сказали ему: „перестань учиться по-латыни, дурно это". Голосов говорил: „я у киевских старцев учиться не хочу, старцы они недобрые, я в них добра не познал, теперь

---

[1]) *Соловьев,* История России, т. XIV, изд. 3-е, М. 1879, стр. 87—89 *С. Любимов,* Борьба между представителями великорусского и малорусского направления в Великороссии в конце XVII и начале XVIII в.: „Жур. Мин. Нар. Пр." за 1875 г., № 8, стр. 136, 138, 141—152; № 9, стр. 74—83; *Сменцовский,* Братья Лихуды, Спб. 1899.

я маню Федору Ртищеву, боясь его, а вперед учиться никак не хочу: кто по-латыни научится, с правого пути совратится" [1]).

Однако, и на таких староверов должно было повлиять появление Лихудов по призыву консервативного патриарха; не бесследным было и их учительство, и издание ими ряда учебников греческой грамматики, латинского языка, пиитики, риторики, логики, физики [2]). С другой стороны, далеко не все ученики были так преданы традиции. Иван Озеров и Перфилий Зеркальников „со слезами просились" ехать в Киев, учиться далее, и действительно осуществили свое желание. Люди этого нового склада умели оценить и старых учителей-начетчиков совершенно правильно: „враки они вракают", отзывались они, „слушать у них нечего, и себе чести не делают, учат просто, сами не знают, чему учат" [3]).

В связи с этим ростом образования наука и литература Московской Руси во второй половине XVII века обнаруживали целый ряд новых явлений, опять-таки подготовлявших культурные приобретения петровской эпохи. Уже лучебники Лихудов, сейчас названные, знаменательны в этом отношении. Но они далеко не были единичными в свое время явлениями: учебная литература тогда сильно разраслась количественно и повысилась в своем качестве, обнаруживая некоторые педагогические новшества. Типичны в качественном отношении учебники Кариона Истомина, человека, весьма точно отражающего по своей приспособленности средние вкусы и интересы времени. Его „Катехизис" отличается от „Катехизиса" Симеона Полоцкого тем, что он написан специально для обучения детей, как учебник, тогда как Полоцкий писал для народа [4]). Сверх того, Карион Истомин написал несколько букварей. Его Большой Букварь был издан в 20-ти экземплярах для царевича Алексея Петровича, а

---

[1]) *Ключевский,* Курс русской истории, III, стр. 365; *Плеханов,* История русской общественной мысли, т. II, М. 1918, стр. 21.

[2]) *Сменцовский,* Братья Лихуды.

[3]) *Ключевский,* Курс, III, стр. 365; *Плеханов,* История рус. общ. мысли, II, стр. 22.

[4]) *Браиловский,* Один из пестрых XVII ст. Спб. 1902, стр 230—231.

изданный два раза в 90-х годах XVII века Малый Букварь, предназначенный для общего употребления, существенно отличается от предыдущих букварей, имевших западно-русское происхождение: в нем есть стремление к наглядности и занимательности обучения,—он украшен картинками и к каждой букве приурочены нравоучительные рассказы [1]). Грамматика Истомина—сокращение предшествующих западно-русских грамматик, особенно грамматики Мелетия Смотрицкого, но с более ясным изложением грамматических правил и с конкретными примерами [2]).

К учебникам тесно примыкала популярно-научная литература, с которой в свою очередь связывалась литература ученая. Надо заметить, что здесь первенствовала более, чем где-либо в других отраслях, литература переводная, оригинальная же была гораздо слабее и беднее. При этом замечательно, что греческое влияние на русскую литературу второй половины XVII века было крайне слабо: оттуда нечего было брать, кроме повторения задов, давно наскучившего и лишнего; переведен был, напр., Хронограф Дорофея,—но он мало отличался от русского Хронографа—этого учебника всеобщей истории того времени; точно также „Физиолог“ Дамаскина Студита был повторением старого „Физиолога“, не дававшего никаких серьезных знаний в области естественных наук [3]). Зато развивается могучее западное влияние. Епифаний Славинецкий дал не только переводы западно-европейских сочинений по анатомии и географии, но перевел также отрывок из Плиния Младшего [4]). Переведены были весьма ценные европейские научные новости того времени: труды по географии Меркатора, Ботера, Ортелиуса, де-Линды, по истории Слейдана, Барония и т. д., по зоологии Альдрованда [5]), главное же—появился ряд переводных сочинений из области политических знаний; сюда относятся: книга Модржевского „De republica“, озаглавленная в рус-

---

[1]) Там же, стр. 284—287, 292—294.
[2]) Там же, стр. 302—310.
[3]) *Соболевский*, Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. Спб. 1903, стр. 288—289.
[4]) Там же, стр. 44.
[5]) Там же, стр. 45, 48.

ском переводе „О исправлении гражданского жития“, другая также польская работа Лорихия „О воспитании государя“, испанское сочинение Фоксардо „Образец крестьянского (т.-е. христианского) политицкого князя“ и проч. [1]). Здесь проводились новые самодержавно-дворянские, не вотчинные уже, а государственные понятия. Карион Истомин перевел сочинение Фронтина о военном искусстве,—составил по летописям „Летописец великой земли Российской“ и написал „Созерцание Краткое“—записки о правлении Софьи, окончательно редактированные Сильвестром Медведевым, а также „Полис“—энциклопедию того времени [2]). Сильвестр Медведев, кроме окончательной отделки „Созерцания Краткого“, дал „Известие истинное“ о исправлении книг и составил первую русскую библиографию—„Оглавление книг, кто их сложил“ [3]).

Любопытной особенностью, новой оригинальной сравнительно с прошлым чертой русской литературы, второй половины XVII века были переводы западно-европейских летучих листков или курантов, заменявших газеты,—зародыш петровской периодической печати. Таковы были, напр., куранты или „вестовые письма“ 1655 и 1665 годов, где сообщается о снаряжении флота в Венеции против турок, о сейме в Стокгольме, о смерти шведской королевы матери, о „двух дивных птицах“, появившихся будто бы около Данцига, о выборе папы Александа VII, о найме королем польским в Регенсбурге людей для войны с Московским государством, о войне между Испанией и Францией, о военных событиях в войне Польши и Московского государства, о победе англичан над голландцами в 1665 г. и т. д. [4]). Любопытно это сочетание политических известий с сообщениями о курьезах и редкостях, сплошь и рядом, конечно, ложными. Это повто-

---

[1]) *Архангельский,* Образование и литература в Московском государстве XV—XVII в.: „Ученые Записки Казанск. Унив.“ за 1900 г., № 9, стр. 84—85.

[2]) *Браиловский,* Один из пестрых XVII ст., стр. 313, 319, 324—325.

[3]) *Пыпин,* История рус. литературы.

[4]) *Забелин,* Куранты или вестовые письма 1655 и 1665 годов: „Чт. в Общ. Ист. и Др. Рос.“ за 1880 г., кн. II, стр. 37—43.

ряется и в других летучих листках, где известия о коронациях европейских государей, о переписке султана с императором и польским королем чередуются с сообщениями о появлении вечного жида в Данциге и о превращении в Чехии одного жестокого человека в собаку [1]).

Характерна, наконец, новая изящная литература — опять-таки главным образом переводная. Правда, не вся она была однотонна. Было еще не мало старого хлама, который отживал свое время. Таковы, напр., были в большинстве своем переводные рыцарские романы—история о Мелюзине, осужденной за непочтительность к отцу на превращение по субботам в змею, выговорившей поэтому при замужестве условие у мужа не видеть ее по субботам и погибшей от того, что муж нарушил это условие, или старый (XV век) французский роман „О Петре Золотые Ключи“, где повествуется о разлуке Петра с женой, долгих их страданиях и счастливом соединении и т. д. [2]). Но на-ряду с этим мы видим переводы басен Эзопа [3]), „Метаморфоз“ Овидия [4]), некоторых произведений персидского поэта Саади [5]) и нескольких новелл Боккачьо [6]). Любопытны по новому индивидуалистическому и сатирическому духу и оригинальные повести, как „Повесть о Шемякином суде“, не чуждая, впрочем, и западных и восточных влияний, но изображающая русскую бытовую обстановку [7]), и „Судное дело у леща с ершом“ — яркая сатира на древнерусский суд.

Мы видели уже, что западно- и южно-русские ученые, в особенности Симеон Полоцкий, принесли в Московскую Русь придворное риторство и придворную хвалебную поэзию. Пример южно-русских учителей оказался заразительным, семена, ими посеянные, упали на плодородную почву. Дворянская государственность развивает придвор-

---

[1]) *Соболевский,* Перевод. литература, стр. 46.

[2]) *Пыпин,* Опыт литературной истории старинных повестей и сказок русских, Спб. 1857, стр. 231—234.

[3]) Там же, стр. 177.

[4]) *Соболевский,* Переводная литература, стр. 49.

[5]) *Пыпин,* Опыт литер. истории, стр. 177.

[6]) *Архангельский,* в „Уч. Зап. Каз. Ун.“ за 1900 г., № 9, стр. 119.

[7]) Там же, стр. 120, 123.

ный быт и лесть по адресу самодержцев. В то же время придворная жизнь воспитывает светское общество и ставит на первый план вопрос о приличиях, о хорошем тоне. На эти потребности пытался, между прочим, ответить известный уже нам Карион Истомин. Он писал поздравления в праздники, похвальные слова, хвалебные оды [1]), пролагая тем пути для будущей классической дворянской поэзии, и составил наставление детям, как себя вести,— предвестник „Юности честного зерцала“ [2]), учебники хорошего тона петровской эпохи.

Между книгами, переведенными с немецкого во второй половине XVII века, замечательны не только нравоучительные рассказы, пришедшиеся по вкусу читателям того времени не меньше старых рыцарских романов, но и „Двоесловие Живота и Смерти“—спор Жизни и Смерти—немецкое масленичное представление [3]). Это приводит нас к начальной истории русского театра, опять-таки подготовившей театр времен Петра Великого.

Главный элемент, легший в основу первых русских драматических произведений,—это южно-русская школьная драма. Другое, более слабое влияние принесено было сюда теми зародышами драматического действия, которые имелись в древнерусском церковном богослужении: речь здесь идет о так-называемом, „пещном действе“, представлявшемся перед Рождеством, причем в числе действующих лиц были халдеи-шуты. Пещное действо в половине XVII века было уничтожено, запрещено в церкви. Но его темой воспользовался первый русский драматург в Москве, Симеон Полоцкий, в своей первой драме „О Навуходоносоре“. Она представляет собою уже значительный шаг вперед в отношении литературного искусства и художественного вкуса сравнительно с пещным действом, но носит на себе еще печать церковного обряда. Вторая пьеса Симеона Полоцкого „О Блудном сыне“— более оригинальна. В ней есть мысль – о необходимости примирения молодых порывов со старческой косностью:

---

[1]) *Браиловский,* Один из пестрых XVII ст., стр. 68, 76.

[2]) Там же, стр. 268, 269.

[3]) *Петухов,* Следы непосредственного влияния немецкой литературы на древнерусскую: „Жур. Мин. Нар. Пр.“ за 1897 г., июль, стр. 150.

порывы юности сдерживаются наукой, образованием и требуют мягкого отношения к ним со стороны старших. Пьеса по моралистической своей тенденции подходит к школьной драме, но в ней оригинальны, во-первых, единство действия, во-вторых, отсутствие аллегорических фигур [1]).

Уже здесь сказались новшества, которые объясняются исследователями влиянием западно-европейской, польской драматургии [2]). Но западный дух с особенной силой сказался тогда, когда в 1672 г. пастор Грегори из Немецкой слободы поставил в специально для того выстроенной в селе Преображенском „комедийной хоромине" свои драмы „Эсфирь", „Об Адаме и Еве" и, наконец, уже на вполне светскую тему—„О Тамерлане и Баязете". Здесь взято было новое, что дала так-называвшаяся тогда „английская" драма, занесенная в Германию английскими актерами. Главное в этой драме — сценический эффект, тут ряд сцен, изображающих приключения и опасности, но нет внутренней связи, единства [3]). В пьесах Грегори, которых было не менее шести, не считая одного балета [4]), кроме эффектов, был комический, шутовской элемент и, повидимому, также намеки на существующую действительность: под Эсфирью разумелась царица Наталья Кирилловна Нарышкина, вторая жена царя Алексея, Мардохей—боярин Матвеев, Амин—боярин Хитрово [5]); идея—наказание гордыни и торжество невинно-угнетенных [6]).

Грегори обучил драматическому искусству 26 человек мещанских и подьяческих детей [7]). Но в 1675 г. он умер, и руководителем театра стал польский шляхтич Степан Чижинский, написавший пьесу „О Давиде и Голиафе". Но при Федоре Алексеевиче театр закрылся вследствие того, что два влиятельных боярина того времеии—Хитрово и князь Одоевский — были его противниками. Не возродился он и при Софье вплоть до начала XVIII в. [8]).

---

[1]) *Морозов,* История русского театра до половины XVIII ст., Спб. 1889, стр. 115—121.

[2]) Там же, стр. 121.

[3]) Там же, стр. 126—135, 142.

[4]) Там же, стр. 147.

[5]) *Забелин,* Быт русских цариц, стр. 473.

[6]) *Морозов,* История русского театра, стр. 154.

[7]) Там же, стр. 138.

[8]) Там же, стр. 190—194.

Как ни слабы и элементарны еще были эти первые зародыши русской драмы и русского театра,—исторически они были очень важны: „возникновение театра при дворе Алексея Михайловича было одним из ярких знамений нового духа, разлагавшего старую русскую косность и византийскую исключительность“ [1]).

Если, таким образом, окинуть одним общим взглядом литературную эволюцию России во второй половине XVII века, то будет ясно, что литература обмирщилась в значительной мере, перестала быть в такой степени, как прежде церковной; светские интересы, художественные, научные, индивидуалистические запросы выразились очень ярко. Дворянская психология, переходная от феодальной к буржуазной, сказалась здесь вполне определенно.

Не менее определенно и ясно отразилась она и в искусстве того времени. Архитектура второй половины XVII века представляет собою, с одной стороны, завершение тех оригинальных достижений, которые в этой отрасли искусства даны были предшествующим временем, с другой—обнаруживает западническое влияние. Завершение оригинального творчества выразилось в огромном разнообразии, в игре причудливой фантазии. Среди этого ослепляющего разнообразия чаще всего различают три основных типа оригинального архитектурного творчества этой эпохи: во-первых, церкви с шатровыми, т.-е. имеющими пирамидальный верх, башнями, как, напр., нижегородский Архангельский собор, во-вторых, церкви, имеющие главный корпус в виде параллелепипеда с пристройкой более низких алтаря и трапезы и с двумя или тремя шатровыми главами, как церковь Рождества на Путинках в Москве, наконец, в третьих, кубические церкви с пятью главами, покоящимися на двух или более рядах кокошников; типична здесь церковь Грузинской Богоматери в Москве [2]). Но уже в оригинальное архитектурное творчество проникает западное влияние, именно влияние раннего итальянского ренессанса. Оно не всегда сказывается в прямых заимствованиях,—часто проявляется в

---

[1]) *Тихонравов,* Сочинения, т. II, М. 1898, стр. 93.
[2]) *Павлинов,* История русской архитектуры.

виде общей новой художественной тенденции. Так, в церкви Благовещения в Каргополе обращают на себя внимание декоративная разработка стен, изысканность пропорций и тонкий художественный вкус [1]). Теми же чертами отличается архитектура ярославских и ростовских церквей и теремного дворца в Москве [2]). Но, раз начавшись, западное влияние не остановилось на этом: из него были взяты и современные европейские архитектурные приемы и задачи; усвоен был причудливый и капризный стиль позднего ренессанса — барокко и рококо [3]), так подходящий к крепостному дворянскому обществу и государству, воспитывающим каприз, произвол, прихотливость и самодурство. Барокко на русской почве осложнилось еще примесями русского стиля, откуда получился шатер в виде нескольких сужающихся восьмигранников: получилось русское барокко—особая разновидность этого архитектурного стиля [4]).

Теми же основными чертами—завершением древнерусского оригинального творчества и западным, „фряжским", как тогда выражались, влиянием — отличалось и развитие живописи во второй половине XVII века. Школа Симона Ушакова и Иосифа Владимирова объединила все местные направления и пошибы, органически их связала [5]) и пропитала эстетическим индивидуализмом в духе Возрождения. Поэтому стали возможны и осуществились в действительности своего рода живописные шедевры. Яркий тому пример, кроме московских икон ушаковской школы, ярославские фрески конца XVII века в церквах Ильи пророка и Иоанна Предтечи в Толчкове: здесь наблюдаются грандиозные декоративные замыслы и блестящее их осуществление. Такие же декоративные стремления видны и в иконах того времени [6]). Но опять-таки и в живописи встречается прямое заимствование запад-

---

[1]) *Грабарь,* История русского искусства, т. I, стр. 14.

[2]) Там же, стр. 15, 16.

[3]) Там же, стр. 14; *Виолле ле-Дюк,* Архитектура в России с X по XVIII в.

[4]) *Грабарь,* История рус. искусства, I, ст. 17—18.

[5]) *Ровинский,* История русских школ иконописания—в „Записках Археологич. Общества", т. VIII, стр. 40—42.

[6]) *Грабарь,* История рус. иск., VI, стр. 48.

ных образцов, и проводниками его являются главным образом специально приглашенные правительством в Москву иностранные мастера, как Деттерсон, Лопутцкий и Вухтерс [1]).

Наконец, вторая половина XVII века была временем образования русского гравировального искусства, в частности в это время впервые появились гравюры на меди [2]).

Наслоение западного влияния на оригинальные культурные достижения нашло себе выражение в целом ряде новых личностей и характеров, предвещавших, отчасти и осуществлявших, новый душевный склад и особую идеологию и часто составлявших программу реформ и предлагавших способы их проведения, которые свойственны были Петру Великому.

Среди этих новых людей второй половины XVII века первое место не в одном только хронологическом порядке принадлежит знаменитому канцлеру царя Алексея— Афанасию Лаврентьевичу Ордину - Нащокину. Человек незнатного происхождения, простой рядовой провинциальный дворянин, он выдвинулся на первый план и стал „государственные большие печати оберегателем" и главным судьеи, т.-е. начальником Посольского приказа, министром иностранных дел исключительно благодаря блестящим личным дарованиям. Этим дано ему было высокоразвитое чувство собственного достоинства, приводившее его часто в разные столкновения с представителями того боярства, которое, „грамоте не ученое и нестудерованное" (необразованное), сидело в Думе, „брады своя уставя" [3]). Резко выраженный индивидуализм выражал собою таким образом основную черту душевного склада Ордина-Нащокина. Это свойство, оригинальность ума, высокие дарования, большое чутье действительности дали ему возможность выработать и такую идеологию, которая несомненно предвещала Петра и его реформы. В предшествующем изложении отмечены по частям все его мысли и действия в этом направлении и здесь остается только свести сказанное раньше воедино, при-

---

[1]) *Ровинский,* История рус. школ икон.—в „Зап. Арх. Общ.", т. VIII, стр. 41.

[2]) *Ровинский,* Русские народные картинки, т. V, стр. 5.

[3]) *Котошихин,* II, 5.

вести его в систему. Ордин-Нащокин был если не первым, то во всяком случае наиболее глубоким из первых русских меркантилистов. Первым меркантилистом надо считать Ртищева, который изобрел план выпуска медных денег, но то была ранняя заря русского меркантилизма, его младенчество, больно столкнувшее его с жизнью и разбившееся о житейские обстоятельства. Ордин-Нащокин и его планы и действия отражали в себе быстрое развитие русского меркантилизма, его переход к возмужалости: его псковская попытка, Новоторговый устав, жажда приобретения порта на Балтийском море—громко говорят за это.

Но Ордин-Нащокин был предшественником Петра не только в экономической политике, а также и в вопросах политики внешней. Мы видели, что ему, именно в связи с экономическими задачами времени, принадлежал план построения новой внешней политики, покоящейся на союзе с Польшей для войны с Швецией, следовательно, на серьезных уступках Польше.

Наконен, ему же принадлежал и план перехода к рекрутским наборам, замены „даточными людьми", рекрутами феодального дворянского ополчения, создания новой постоянной армии.

Ордин-Нащокин еще в одном отношении предварял петровскую реформу: он высоко ценил образование. Поэтому его сын Воин Афанасьевич был не только „грамоте учен", но и „студерован" по-европейски. Но сын был, как сейчас увидим, много мельче отца, несмотря на свою образованность. Пленительные рассказы его учителей поляков о Западе сделали его на минуту лишним человеком на родине, и он бежал заграницу. Лишние люди стали, как известно, одной из характерных черт русской дворянской культуры позднее, в период ее разложения. В этом отношении Воин Ордин-Нащокин был отдаленным предшественником некоторых людей конца XVIII и особенно XIX веков. Но и судьбы эмигранта, отщепенца от родины он не выдержал и вернулся домой: и здесь у него не хватило характера и решимости. Он провел заграницей около пяти лет, прислал покаянную челобитную, был прощен и только год выдержан под „началом" в Кириллове-Белозерском монастыре, а потом,

после пребывания в отцовских деревнях, кончил жизнь воеводой небольшого провинциального города[1]). Повидимому, при всей своей образованности, Воин Ордин-Нащокин не унаследовал талантов, твердости характера и чутья действительности, свойственных его отцу.

К числу западников в царствование Алексея принадлежал еще Артамон Сергеевич Матвеев, любимец царя в последние годы его царствования. Он не был человеком того высокого полета, каким был Афанасий Ордин-Нащокин, не имел его широких идей и блестящих дарований. Но он был человек умный и культурный, на практике боролся со старым затворничеством женщин, ввел при дворе музыку и театр, любил европейскую обстановку, нравы и обычаи и, следовательно, во всех этих отношениях также должен быть причислен к предшественникам петровской реформы. При всем том он был весьма умеренным западником—не больше самого Алексея и дружил с приверженцами старины.

По смерти Алексея престол занял старший из его сыновей Федор Алексеевич. Он был женат первым браком на Агафье Грушецкой, польке по отцу, и этим в значительной степени, да еще тем, что сам царь был ученик Симеона Полоцкого, объясняются западнические веяния при дворе в это время. Они не были особенно сильны, но сказались все же на развитии школьного дела и образования, о чем у нас шла речь выше, и на некоторых переменах в придворной обстановке и одежде: отменены были старорусские охабни и заменены польскими кунтушами; придворные стали стричь волосы и брить бороды[2]). Польская литература имела в это царствование особенное влияние на литературу русскую. Ближайшие любимцы царя ловкий придворный Языков и умный и образованный Лихачев[3]) были почти такими же умеренными западниками, как Матвеев, и знаменательно, что такой крайний западник, как боярин Б. М. Хитрово, не нашел возможностей по условиям времени сам встать

---

[1]) *Соловьев,* История России, т. XI; *Плеханов,* История русской общественной мысли, т. I, стр. 274 и сл.

[2]) „Старина и Новизна“, т. IV, Спб. 1901, стр. 397.

[3]) *Соловьев,* История России, т. XIII, стр. 233.

у руля правления, а поддерживал Языкова и Лихачева [1]). Матвеев еще до приближения к престолу Языкова и Лихачева был удален сначала воеводой в Верхотурье, потом в ссылку в Пустозерск, но приближение Языкова и Лихачева, близких по направлению к Матвееву, показало, что безоговорочная реакция уже невозможна, как невозможна была пока и власть крайних западников.

Но при дворе царя Федора, около даровитой его сестры Софьи, уже сложилась более крайняя западническая партия, вождями которой были сама Софья и ее фаворит Василий Васильевич Голицын. Идеологом крайних западников, группировавшихся около царевны Софьи, был известный уже нам Сильвестр Медведев, фигура весьма колоритная и по умственным и культурным своим интересам, и по талантам, и по честолюбию,—индивидуалист - интеллигент того времени. К западнической группе примыкал человек совсем особого типа, для которого личное честолюбие было все и который, за свою энергию и неугомонность прозванный „Таратуем“ [2]), не разбирал средств для осуществления своих властолюбивых намерений: то был князь Иван Андреевич Хованский.

Опасность, грозившая от этой группы, и внутреннее духовное родство с Матвеевым заставило Языкова, Лихачева и родственников царя Федора по второму его браку Апраксиных пойти на примирение с Матвеевым и более правой, чем он, группой—Нарышкиных, родственников второй жены царя Алексея, примыкавших к реакционной партии патриарха Иоакима. Примирительная тенденция выразилась в том, что Матвеев был переведен сначала в Мезень, а потом в Лух [3]).

В это время, 27 апреля 1682 года, умер царь Федор Алексеевич, не оставивший потомства. После него остались два брата царевичи Иван—от первого брака царя Алексея с Милославской, и Петр—от второго его брака—с Нарышкиной. Смерть Федора вскрыла внутренние противоречия между партиями, с трудом сдерживавшиеся

---

[1]) Там же.
[2]) Там же, XIII, стр. 312.
[3]) Там же, XIII, стр. 309—311.

при его жизни. Патриарх Иоаким, глава крайней реакции, провел на престол младшего царевича Петра [1]). Друг Иоакима [2]) Матвеев был возвращен в Москву и стал вождем нарышкинской партии соглашения с приверженцами старины, с реакционерами чистой воды.

Крайние западники не могли допустить торжество противной партии и, осоюзившись с Хованским, имевшим связи среди стрельцов и главным образом среди стрелецкой оппозиции, примыкавшей к расколу, решили совершить переворот. 15 и 16 мая 1682 года стрельцы убили князя Долгорукого, Матвеева, Салтыкова, троих Нарышкиных, князя Ромодановского, Языкова и думного дьяка Лариона Иванова. Кирилл Полуектович Нарышкин, отец царицы Натальи, матери Петра, был пострижен в монахи. Остальные Нарышкины, сын Матвеева, Лихачев сосланы. Хованский стал начальником стрелецкого войска, 23 мая провозглашено было двоецарствие Ивана V и Петра I, а 29 мая Софья объявлена правительницей государства [3]).

Первым делом новой власти было — избавиться от временного союзника в лице князя Хованского. Хованский, Гедиминович по своему происхождению, сам хотел сесть на престоле [4]) и опирался на оппозиционно-раскольничье течение среди стрельцов и посадских [5]). Софья и здесь проявила большое мужество и решимость: она решительно отвергла все домогательства раскольников и, опираясь на дворянскую гвардию из столичных чинов, арестовала и казнила Хованского; смирила стрельцов и назначила их начальником Федора Шакловитого [6]). У власти теперь встали крайние западники.

Нам и следует теперь характеризировать их главных вождей—самое царевну Софью и князя В. В. Голицына, несомненных предшественников Петра, который в то

---

[1]) *Шмурло,* Критические заметки по истории Петра Великого „Жур. Мин. Нар. Пр.", за 1901 г., № 6, стр. 240—242.

[2]) Там же, стр. 251.

[3]) *Соловьев,* История России, т. XIII, стр. 324—330.

[4]) Там же, т. XIII, стр. 348.

[5]) Там же, т. XIII, стр. 336—337.

[6]) Там же, т. XIII, стр. 350—357.

время был еще бессознательным орудием противной партии и активной роли не играл, даже, повидимому, не понимал и не сознавал как следует того, что происходит.

Царевна Софья Алексеевна была, по свидетельствам современников, умна, образована и талантлива [1]). Она принимала деятельное участие в управлении государством: бояре без нее не созывали Думы [2]). Расправная палата, вследствие властолюбия ее и Голицына, была отодвинута на второй план [3]). Властная и честолюбивая, писавшаяся самодержицей [4]), мечтавшая может быть о престоле, Софья была настоящей индивидуалисткой и в личной жизни: она нарушила затворничество, появлялась всюду публично [5]), она жадно пила из кубка наслаждений, сделав своим любовником не только Голицына, но и Шакловитого [6]). В отношениях к Голицыну—образованному умному, но много уступавшему Софье по силе характера, на-ряду с искренней привязанностью, интимностью, мы видим, что Софья занимает первое место, не подчиняется ему, а скорее руководит им.

Князь Василий Васильевич Голицын был по своему времени человек высоко образованный. Он знал несколько иностранных языков, имел библиотеку, в которой была, между прочим, известная уже нам книга Модржевского, посвященная вопросу о государственном строительстве в новом тогда духе, устроил себе великолепную домашнюю обстановку, напоминавшую дворцы современных ему итальянских князей—с расписным плафоном, картинами, гравюрами, люстрами, зеркалами [7]). Но главное, что важно в личности Голицына,—это его преобразовательные планы.

Прежде всего у Голицына, повидимому, был план экономических реформ. Развитие промышленности, вну-

---

[1]) „Старина и Новизна", т. IV, стр. 406.

[2]) Там же.

[3]) *Богоявленский,* Расправная Палата—в „Сборнике, посв. Ключевскому", стр. 412, 413.

[4]) Полное Собрание Законов, № 1231.

[5]) „Старина и Новизна", т. IV, стр. 398.

[6]) „Архив князя Ф. А. Куракина", стр. 55.

[7]) *Соловьев,* История России, т. XIV.

тренней и внешней торговли, проведение дорог, улучшение почты—вот основы этого экономического плана [1]), носившего, очевидно, на себе печать торгового капитализма и меркантилизма, как и соответствующая политика Петра. В социальных отношениях важнейшая реформа, предполагавшаяся Голицыным, заключалась в передаче дворцовых земель крестьянам, с освобождением их от дворцовой барщины, т.-е. обработки „десятинной пашни“ на царя и заменой этой натуральной повинности особой денежной податью в царскую казну [2]). Из государственных преобразований, проектировавшихся Голицыным, особенно замечательны финансовые и военные. Он предполагал ввести подушную подать [3]). В военном деле он думал об европейских реформах—об обучении дворянства европейскому военному искусству и о регулярной армии. Обыкновенно исследователи -ие так толкуют дошедшее до нас известие о плане военных преобразований Голицына: думают, что он хотел составить армию только из дворян [4]), т.-е. вернуть ее к феодальному прошлому. „Превратить в хороших солдат легионы крестьян, земли которых остаются невозделанными“ [5])—значит, конечно, составить армию из крестьянства, а не из дворянства и, очевидно, путем рекрутских наборов, правильно устроенных, а не того набора необученных „даточных людей“, который производился в то время. Наконец, в культурном отношении Голицын высокую важность придавал путешествиям дворян заграницу [6]).

Одного только не хватало Голицыну: характера, воли, чтобы привести эти планы в действие, осуществить их в действительности. Как практический государственный деятель, он известен только двумя важными актами—председательствованием в дворянской комиссии, отменившей еще при царе Федоре в 1682 году местничество,

---

[1]) *De la Neuville*, Relation curieuse et nouvelle de Moskovie, La Haye 1699, стр. 215, 221—223.

[2]) Так правильно толкует здесь известие Невилля Плеханов в „Ист. рус. общ. мысли“, II, стр. 6.

[3]) *De la Neuville*, Relation, стр. 215.

[4]) *Ключевский*, Курс, т. III; *Плеханов*, Ист. рус. общ. мысли, II, стр. 7.

[5]) *De la Neuville*, стр. 215.

[6]) Там же.

и крымскими походами, причем эти походы, как известно, были неудачны.

При всем том, однако, правление Софьи и Голицына, по отзыву современника, вовсе не бывшего их сторонником, „началось со всякою прилежностью и правосудием всем и ко удовольству народному, так что никогда такого мудрого правления в Российском государстве не было; и все государство пришло во время ее правления через семь лет в цвет великого богатства, также умножилась коммерция и всякие ремесла и науки почали быть восставлять латинского и греческого языку..., и торжествовала тогда довольность народная“ [1]).

Очевидно, правительство царевны Софьи и Голицына было способно вести политику мирных, постепенных, медленных улучшений, но оно не сумело или не успело привести в движение силы, которые довершили бы победу дворянства. Это его и погубило: эпоха была критическая, и полумеры не помогали, нужен был перелом, переворот.

Не следует, однако, думать, что те, кто сменил это правительство, оказались способными произвести этот переворот. Ничуть не бывало. Петр еще не выпрямился тогда во весь рост, да и долго после того, как увидим, не имел никакого реформационного плана. Только с 1688 года он стал заниматься сколько-нибудь серьезно потешными и сближаться с немцами [2]). Но отсюда было еще далеко до сознательных и глубоких реформ. Притом же не Петр был главным колесом в государственной машине и после падения Софьи: царица Наталья, Нарышкины и близкие к ней люди старого склада, особенно из духовенства, как патриарх Иоаким, ростовский митрополит Иона, ее поддерживавшие [3]), держали в руках руководящие нити политики. Это лучше всего видно из истории смены патриаршества: когда умер патриарх Иоаким, Петр хотел провести на патриарший престол более передового человека, но ему это не удалось: в патриархи возведен был безличный и потому подат-

---

[1]) „Архив князя Ф. А. Куракина“, I, стр. 51.

[2]) *Шмурло,* Падение царевны Софьи: „Жур. Мин. Нар. Пр.“ за 1896 г., янв., стр. 75.

[3]) „Архив кн. Куракина“, I, стр. 53.

ливый в сторону реакционеров Адриан [1]). В общем и целом после падения Софьи водворилась реакция. Остается только прибавить, что и самый переворот 1689 года произведен был не чистыми путями: никакого убийства Петра, ни заговора ни Софья, ни ее сторонники не замышляли, все следственное дело о Шакловитом в высшей степени недостоверно и пристрастно; донос на Софью, сделанный пятисотным Елизарьевым с товарищами, был ложным и явился результатом подкупа их сторонниками Нарышкиных [2]).

Чтобы закончить рассмотрение вопроса о культурной подготовке петровской реформы, поскольку эта подготовка совершалась в кругах готовившегося одержать окончательную победу дворянства, остается отметить некоторые важнейшие мысли одного иностранца, хорвата Юрия Крижанича или Юрия Сербенина, как его звали на Руси в XVII веке. Биография и личность Юрия Крижанича представляют значительный интерес, если их рассматривать в общественном или даже европейском масштабе [3]). Но для русской истории, в частности для вопроса о подготовке реформы Петра, имеют значение лишь некоторые его идеи, главным образом те, которые изложены в его основном сочинении „Политичные думы".

Мы видели уже, что меркантилизм не только жил в понятиях передовых представителей русского дворянства XVII века, но в значительной мере уже и претворялся в действительность и притом в то самое царствование Алексея, в которое жил и писал свои сочинения Юрий Крижанич. Поэтому сам по себе меркантилизм Крижанича не был новостью на русской почве. Под пером Крижанича эта доктрина получила у нас только свое законченное выражение.

Прежде всего Крижаничу принадлежит полное и точное определение понятия о богатстве страны с меркан-

---

[1]) *Соловьев,* Ист. России, т. XIV, стр. 141.

[2]) *Аристов,* Московские смуты в правление царевны Софьи Алексеевны.

[3]) *Рогановичь,* Крижанич и его философия национализма; *Белокуров,* Юрий Крижанич и его пребывание в Москве („Чт. Общ. Ист." за 1893, №№ 2 и 3, за 1907, № 3 и за 1909, № 2; *Вальденберг,* Госуд. идеи Крижанича; *Георгиевский,* Ю. Крижанич и соврем. действительность; *Пичета,* Ю. Крижанич; *Iabic,* Zivot i rad Jurja Krizanica.

тилисткой точки зрения: богата та страна, которая имеет рудники—золотые, серебряные и иные, изобилует материалами для одежды и продовольствия, имеет развитую индустрию и ведет морскую торговлю. Это—полная программа экономических реформ по вопросу о том, какие отрасли хозяйства следует развивать. Эту программу впоследствии проводил Петр.

Затем Крижанич дополнял эту основную реформу крайним протекционизмом, который он называл ксенеласией или гостогонством: надо стремиться к перевесу вывоза над ввозом и потому не следует открывать двери для иностранных товаров, необходимо „запертие рубежов“ [1]). Это—опять характерная черта меркантилистской политики, впоследствии усвоенная и проводившаяся в жизнь Петром Великим.

Само собою разумеется, что это не исключало, а, напротив, предполагало приглашение иностранных ремесленников, художников и ученых для обучения русских технике производства и торговли, тем более необходимого, что, по признанию самого Крижанича, в России его времени господствовало полное невежество,—купцы не учились даже арифметике.

Вся эта система и мотивировалась чисто мерткантилистически: надо развивать производство и вообще народное хозяйство, обогащать народ, чтобы было что с него взять государству. Основная цель—государственная: обогащение государственной казны. Как все меркантилисты, Крижанич был государственник до мозга костей.

В устройстве общества Крижанич предлагал строгосословную организацию с привилегиями для дворянства и духовенства, с бесправием и податным состоянием крестьянства и с организацией городского сословия в гильдии и цехи.

В государстве он—абсолютист, сторонник неограниченной, самодержавной власти, опять-таки подобно всем меркантилистам, и, как и они, является противником личного самовластия—„людодерства“ или „крутого вла-

---

[1]) Так надо толковать это (*Плеханов*, I. стр. 291, пр. 1), а не так, как Плеханов толкует на стр. 290.

дения", т.-е. стоит за классовую дворянскую природу монархического самодержавия.

Наконец, для духовно-культурных воззрений Крижанича характерно его требование широкого европейского образования и его непоколебимая вера в непререкаемую и всемогущую силу указа—„повеления царского".

Нельзя предполагать, чтобы идеи Крижанича прямо повлияли на Петра и его помощников. Не этим они важны. Его воззрения, как и вся вообще культурная подготовка петровских преобразований, важны не этим, а тем, что показывают, как дух и основные тенденции и задачи преобразований носились тогда в воздухе, и нужны были только благоприятные обстоятельства, необходим был толчек, чтобы началось осуществление этих преобразований.

Но прежде, чем перейти к этому толчку и его последствиям, надо еще заглянуть в общественные сферы более низкие, чем дворянство, присмотреться к тем культурным течениям, которые там происходили.

Выше, при обзоре московских волнений в правление царевны Софьи, было уже указано, что посадские люди и частью примыкавшие к ним стрельцы были оппозиционно настроены в религии—шли навстречу расколу; причина заключалась в том, что меркантилизм вел к подчинению их крупному капиталу и дворянской государственности. Вот почему пропагандистами раскола часто являлись посадские люди; так, в Новгородском крае эту роль играли великолуцкий купец Иван Дементьев и новгородский купец Лаврентий, в Олонце—Александр Густоев [1]). Посадско-стрелецкий бунт нашел себе выражение в поддержке стрельцами замыслов Хованского и повел к суровому преследованию старообрядчества: в 1685 году был издан указ, по которому за хулу на господствующую церковь, за мятеж, подговор к самосожжению и за возвращение в раскол тех, кто покаялся и присоединился к православию, назначалось сожжение в срубе, за переход в старообрядчество—смертная казнь, кнут и ссылка ждала укрывателей раскольников [2]).

---

[1]) *Никольский*, в „Рус. истории" Покровского, т. II, стр. 282.
[2]) Там же, стр. 286.

Преследования вызвали удаление подальше от преследователей: на севере, на Выгу появилась Выгорецкая обитель, основанная Андреем и Семеном Денисовыми (князьями Мышецкими) в 1694 году[1]). Еще раньше в Стародубском крае, за польской границей, утвердились, а потом обосновались на о. Ветке старообрядцы-посадские, управлявшиеся своими выборными старостами[2]).

Еще более крайними были старообрядческие течения среди крестьянства. Окончательное закрепощение создало среди свободолюбивых элементов крестьянства, привязанных к старине, настроение отчаяния, убеждение в торжестве зла, антихриста в мире и в близости светопреставления, которое ожидалось сначала в 1669 году, а потом перенесено было, согласно Аввакуму, на 1702 год[3]). Убеждение в наступлении царства антихриста повело к самосожженню, с одной стороны, а с другой—к отрицанию государства и церкви, к мистическому сектантству, и поискам благодати при помощи экстаза, непосредственного общения с Божеством. Так учил в Воронежском уезде в 80-х годах пророк Василий Желтовский, отрицавший церковь и таинства; то же проповедывали вологодские пророки—Василий Емельянов и Василий Зайцев[4]). Самосожжение было не только отчаянным средством избегнуть рук слуг антихриста, но и способом очищения от грехов и скверны этого мира зла.

И старообрядческое, или вернее сектантское, крестьянство уходило от антихристова царства в пустыню—на р. Керженец в Нижегородском крае, в Приуралье и Сибирь и на Дон. Во всех этих местах можно было еще восстановить порядки, с которыми связывалось у крестьянства понятие о золотом веке, когда-то бывшем: можно было заниматься охотой и рыболовством, вольно пользоваться землей, выбирать себе властей на сходке[5]).

На Дону, среди казачества, появились и попытки бунта, необходимого для того, чтобы истребить слуг

---

[1]) *Смирнов,* Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII в. Спб. 1909, стр. 7.

[2]) *Никольский,*—в „Рус. истории“ Покровского, т. III, стр. 287.

[3]) Там же, стр. 288, 290, 295.

[4]) Там же, стр. 297.

[5]) Там же, стр. 303, 304.

антихриста и тем явиться достойными того царства справедливости, которое наступит после кончины этого мира, погрязшего во зле. Такой бунт проповедывал там сначала Кузьма Косой, а потом 80-е и 90-е годы дали ряд таких движений и на Дону и на севере [1]).

Таким образом в массах населения—посадских, крестьянских, казацких—подготовлялась уже не реформа Петра, а оппозиция против этой реформы в разных ее формах, которые потом узнала и сама петровская эпоха. В этом смысле эта эпоха также подготовлялась действительностью второй половины XVII века.

---

[1]) Там же, стр. 304, 305.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

Первый период реформы Петра Великого— до 1710 года.

I.

Перемены в житейской внешности.

Изучение хода и сущности реформы Петра Великого представляет собою не мало затруднений. Казалось бы на первый взгляд естественным и нормальным излагать эту реформу в том порядке, какой дан изучением причин и процесса ее происхождения, подготовки предшествующим временем. Несомненно, в этой подготовке хозяйственные явления играли основную, главную, определяющую роль; они затем перестраивали общество и государство и, наконец, результатом всего этого была духовная культура и психология общества. Но такое изложение имело бы одну слабую сторону; оттеняя причины реформы, оно заслонило бы, сделало бы неясным и ее поводы. Дело в том, что хотя в конечном счете указанная сейчас причинная зависимость действует всегда, но она выступает с полной ясностью и законченностью в эпохи бурные, вроде петровской, только тогда, когда после беспорядочной, стихийной, главным образом разрушительной и лишь в меньшей степени случайной, непланомерной созидательной работы, совершающейся эмпирически, от случая к случаю, выступает на первый план уже планомерное, сознательное строительство нового. Конечно, и ход и особенно результаты разрушительного и непланомерного созидательного процесса в конце-концов зависят от хозяйственных возможностей и ими определяются, но порядок осуществления отдельных актов

этого процесса более прихотлив особенно тогда, когда исторические деятели и общественные группы, ими представляемые не относятся с полной сознательностью к тому, что совершается.

Именно по этой причине Ключевский, изучая петровскую реформу, ввел иной порядок изложения: он исходил из военных и финансовых реформ, как основных поводов к прочим видам преобразовательной деятельности Петра.

Это конечно, было важным шагом вперед в деле правильного, верного действительности изображения хода петровской реформы. Но отсюда проистекали также важные неудобства: основные причины преобразований как-то отходили на второй план, и, с другой стороны, как будто исчезала, почти целиком отрицалась, планомерность действий. А между тем в петровской реформе наступил момент, когда эта планомерность выступила на первый план.

По всем этим причинам надо различать в реформе Петра Великого два основных момента, два периода— первый до 1710 и второй—с 1710—11 до 1725 г.

Первый из этих периодов мы начинаем с перемен в житейской внешности, которые последовали тотчас по возвращении Петра из-заграничного путешествия и представляли собою переход на старину крайнего западничества не только в теории, но и на практике, в действии.

Эти перемены в житейской внешности подготовлялись издавна в жизни самого Петра, не говоря уже о предшествующих царствованиях. Достаточно сопоставить дошедшее до нас изображение Немецкой слободы конца XVII века с рисунками Олеария, изображающими московские улицы, чтобы понять, как должна была действовать европейская внешность по сравнению с отсталой московской действительностью. И Петр, начавший в 15 лет от роду знакомство с Европой путем изучения европейской науки (Тиммерман), а потом мореплавания (Брант), скоро вкусил от сладости европейской обстановки, веселого, открытого, часто разгульного, свободного образа жизна (Лефорт), от общения, наконец, с новой, свободной европейской женщиной (Анна Монс),—

интересной особенно по сравнению с проникнутой старыми теремными преданиями царицей Евдокией Лопухиной.

Научные, военные, морские и дипломатические интересы и задачи вызвали путешествие Петра инкогнито в посольстве заграницу в 1697—98 годах. Оттуда он приехал с твердой решимостью ввести в России европейские обычаи и порядки, убедившийся на собственном опыте в огромной отсталости России. Отсюда и вышло уничтожение бород и введение новой европейской одежды: русское дворянство должно было и по житейской внешности стать европейским. 20 декабря 1699 г. введено было и исчисление времени от Рождества Христова и велено было начинать новый год 1 января.

II.

Военное и морское дело.

Более или менее серьезное отношение Петра к военному и морскому делу началось с 1688 года [1]). Тогда именно стали серьезно ставиться потешные полки—будущие Преображенский и Семеновский,—затем Петр от бота своего деда—боярина Никиты Ивановича Романова—перешел к постройке кораблей на Переяславском озере и, наконец, в 1693 и 1694 годах совершил две поездки в Архангельск, причем во время первой заложен был первый корабль и заказан другой—в Голландии, а во время второй поездки у Петра было уже три корабля. Тогда же Петр устроил первые регулярные военные маневры в России, известные под названием Кожуховского похода.

Неудача первого азовского похода 1695 года вызвала постройку флота в Воронеже и Преображенском [2]). Необходимость охраны Азова, морской его защиты повела к введению морской повинности—по постройке флота—главным образом—на землевладельцев,—духовных и светских и отчасти на посадских людей. Единицей обложения было выбрано для землевладельцев „кумпанство“, в состав которого входило 8.000 крестьянских дворов духовных землевладельцев и 10.000 крестьянских дворов землевладельцев светских. Всего вышло 17 духовных кумпанств и 18 светских. Каждое кумпанство должно было выставить по одному оснащенному и вооруженному кораблю. Сверх того, 12 бомбардирских судов должны были

---

1) *Шмурло,* Падение царевны Софьи: „Ж. М. Нар. Пр.“ за 1896 г., янв., стр. 75.

2) *Шмурло,* Заметки по вопросу о начале русского флота при Петре Великом: „Ж. Мин. Нар. Пр.“ за 1896 г., июнь, стр. 327—338.

выставить посадские люди. Для постройки кораблей устроены были верфи в Воронеже, мастера вызваны из Венеции, Дании, Швеции и Голландии, основана гавань на Азовском море—Таганрог [1]). В 1697 году „для науки воинских дел“, главным образом морского дела, было послано заграницу несколько десятков комнатных стольников [2]). Сам Петр во время своего путешествия заграницу обучался морскому делу и кораблестроению в Нидерландах (Саардаме и Амстердаме) и в Англии. В 1699 году русский флот уже плавал по Азовскому морю, и посол Украинцев приехал в Константинополь на русском корабле [3]). А в 1703 году, после основания Петербурга, устроена новая верфь в Лодейном Поле, где стали строиться морские военные суда [4]).

Разрушение старой армии шло само собой, даже помимо воли Петра, вопреки этой воле. В этом отношении особенно поучительна судьба стрелецкого войска. Стрельцы были, как нам известно, лишь наполовину военнослужилыми людьми, на другую половину они занимались мелкой торговлей и ремеслами. И вот теперь, при Петре, их торгово-промышленные занятия должны были отойти на второй план, даже совсем сойти на нет: азовские походы два года держали их на службе, и после них пришлось нести гарнизонную службу в Азове и строить там укрепления; потом по случаю смерти польского короля Яна Собеского, в предупреждение французской кандидатуры принца Конти и в защиту кандидатуры на польский престол саксонского курфюрста Августа, из Азова к литовской границе двинуты были четыре стрелецких полка, а на смену им 6 полков должны были идти из Москвы в Азов. Отсюда и вышел бунт стрельцов, усмиренный Шеиным, заставивший Петра вернуться из-заграницы и сопровождавшийся страшным кровавым стрелецким розыском и казнями [5]). Стрелецкое войско мало-по-малу затем стало сокращаться, пока не исчезло совсем.

---

1) *Соловьев,* История России, т. XIV, стр. 216.
2) „Русский Архив“ за 1888 г., № 2.
3) *Соловьев,* История России, т. XIV стр. 300.
4) *Соловьев,* История России, т. XV, изд. 3-е, М. 1881, стр. э.
5) *Соловьев,* История России, т. XIV, стр. 239—257, 264.

Огромное значение в деле военных преобразований имело поражение под Нарвой: из 40.000 войска уцелело только 23.000, причем не только старое русское войско оказалось негодным, но и иностранные солдатские и рейтарские полки показали свою ненадежность [1]). Только преображенцы и семеновцы спасли остатки армии от полного уничтожения. Надо было построить армию по их образцу, создать новую армию не из дворянской конницы и не из наемных иностранных офицеров и солдат. Это и было спешно сделано: князь Б. А. Голицын набрал 10 драгунских полков по 1.000 человек каждый, Виниус менее, чем в год, приготовил 300 артиллерийских орудий и набрал 250 человек [2]); в 1703 — 1704 годах 52-тысячная регулярная армия уже действовала в Прибалтийском крае. В 1708 г. армия имела состав не менее 180 тысяч [3]). К концу царствования Петра во флоте было 48 линейных кораблей и 800 мелких судов.

---

[1]) Там же, стр. 320.
[2]) Там же, т. XIV, стр. 320—321.
[3]) *Милюков*, Госуд. хозяйство, стр. 128, 132—133.

III.

Внешняя политика и война.

Во внешней политике Петру досталась в наследство от предшествовавшего царствования война с Турцией, которая велась в союзе с Польшей. Петр поставил здесь своей целью завоевание Азова, доступа к Аральскому и даже к Черному морю путем приобретения Керчи. После двух походов 1695 и 1696 годов Азов был взят. Потом основан был Таганрог, но Керчи добиться не удалось. В 1700 году Украинцев заключил мир с турками на 30 лет, причем за Россией остались Азов и построенные Петром Таганрог, Павловск и Миюс, хан крымский перестал получать „поминки“ из Москвы, за то Россия обязалась срыть Кызыкермень и другие днепровские городки, занятые ее войсками [1]).

Мир с Турцией развязал Петру руки для другого, более важного предприятия во внешней политике, подготовленного ближайшим образом еще во время путешествия заграницу и ускоренного интересами классов, господствовавших в Прибалтийском крае. Еще возвращаясь из заграничного путешествия, Петр имел в Галиции, в Раве, свидание с новым польским королем Августом II, которому предлагал союз [2]). Тогда это не осуществилось, но союз стал фактом в 1699 году, причем инициатива войны с Швецией принадлежала именно Августу II [3]).

Нам уже известно, что прибалтийское купечество давно тяготело к России. Местное дворянство, недовольное редукцией, т.-е. отобранием от него казенных земель

---

[1]) *Соловьев,* История России, т. XIV, стр. 303.

[2]) Там же, т. XIV, стр. 295.

[3]) *Богословский,* Петр Великий в Вене в 1698 г.: „Дела и Дни“ за 1921 г., кн. 2, стр. 57.

при шведском короле Карле XI, также тяготело к дворянской Польше. Выразителем его интересов был Паткуль. Он предложил Августу II союз с Россией и Данией, причем Польша должна была получить Эстляндию и Лифляндию, а России предполагалось отдать Ингерманландию и Карелию. Август прислал в Москву генерала Карловича с Паткулем, и 11 ноября 1699 г. после их переговоров с Головиным и датским посланником был заключен наступательный договор против Швеции, причем, однако, Петр оговорился, что не начнет войны раньше заключения мира с Турцией [1]). Союзники Петра начали войну, не дождавшись этого: саксонские войска—Польша формально войну не объявила—вторглись в начале 1700 г. в Ливонию и взяли Динамюнде, но потерпели неудачу под Ригой, где горожане помогли шведскому гарнизону, не желая подчинения Польше, в то же время датчане захватили Голштинию. Получив 8 августа сообщение о мире с Турцией, Петр на следующий же день опубликовал манифест о войне с Швецией и двинул свои войска к Нарве [2]). Началась великая северная война, кончившаяся в 1721 г. ништадтским миром.

Ход и исход этой войны общеизвестен. Карл XII, быстро расправившийся с Данией, разбил русскую армию под Нарвой, но, не довершив победы над Россией, по выражению Петра, надолго „увяз в Польше“ [3]), а тем временем Петр, как мы видели, реорганизовал армию и на свидании в Биржах в 1701 г. с Августом II убеждал и польское правительство поддержать короля, ведшего войну в качестве курфюрста саксонского, но не успел в этом. Сам Карл нападением на Польшу заставил ее осоюзиться с Россией, и ему пришлось гоняться по Польше за Августом, пока он его не прогнал в Саксонию. Карл заставил выбрать в короли Станислава Лещинского. Но в это время большая часть Прибалтийского края была завоевана русскими: Шереметев после сражений при Эрестфере в 1701 г. и Гуммельсгофе в 1702 г. занял Вольмар, Мариенбург и 6 малых городов, Петр взял Ноте-

---

[1]) *Соловьев,* т. XIV, стр. 308.
[2]) Там же, т. XIV, стр. 309.
[3]) Слова Петра: *Голиков,* Деяния Петра Великого, т. X, стр. 64.

бург, переименовав его в Шлиссельбург, затем в 1703 г. взят был у устья Невы Ниеншанц, и основан Петербург [1]), Шереметев взял Копорье, Ямбург, Везенберг, Вейссенштейн, Феллин и другие города Эстляндии. В 1704 г. завоеваны Дерпт, Нарва, Ивангород. В 1705 г., после поражения Шереметева Левенгауптом при Гемауертгофе, Петр поправил дело в Курляндии, взяв Митаву и Бауск [2]).

Несмотря на эти успехи русских, Карл XII, заставив русских удалиться из Гродно, отправился походом на Саксонию, чтобы, окончательно уничтожив Августа, обрушиться потом на Россию. Воспользовавшись этим, Петр взял в 1706 г. Выборг, а Меншиков разбил шведского генерала Мардефельда у Калиша. Но Карл победил, наконец, Августа в Саксонии и заключил с ним мир, заставив отказаться от польского престола в пользу Лещинского [3]).

Наступил решительный момент. Петр, боясь за будущее, предложил Карлу мир на условии сохранения Россией только Петербурга. Но Карл думал поступить с Петром так же, как с Августом II [4]).

Опасность нападения Карла грозила по всему западному фронту—в Смоленске, Киеве и южнее Киева. Петр принял меры обороны в Смоленске и Киеве, предоставив юг защите малороссийского гетмана Мазепы. Карл, после диверсий на Гродно и Могилев, повернул в Украину, где Мазепа перешел на его сторону. Но Петр при Лесном в 1708 г. разбил Левенгаупта и тем лишил Карла поддержки войсками, боевыми припасами и провиантом, Меншиков взял и сжег Батурин, причем Мазепа потерял верных ему людей, казну и хлебные магазины. Карл и Мазепа осадили в мае Полтаву, но 27 июня 1709 г. Петр с превосходными силами дал под Полтавой сражение, кончившееся полным поражением и пленением всей шведской армии. В Турцию, в Бендеры, успели спастись только Карл и Мазепа, скоро затем умерший [5]).

---

[1]) *Соловьев,* История России, т. XIV, стр. 338—341.
[2]) Там же, т. XV, стр. 6, 7, 150.
[3]) Там же, т. XV, стр. 162 и сл., 172, 173.
[4]) Там же, т. XV, стр. 199, 202.
[5]) Там же, т. XV, стр. 236—330.

Полтавская победа — окончательный, поворотный момент великой северной войны. Она повела к возвращению Августа II в Польшу и к возобновлению союза между Россией, Польшей и Данией против Швеции. В 1710 г. взяты были русскими Рига, Динамюнде, Пернов, Ревель, Кексгольм, — завоевание Прибалтийского края было закончено [1]).

Развивавшиеся успехи русских были в 1711 году прерваны на время неудачным прутским походом Петра против Турции, которая уже давно тревожила Россию своими враждебными приготовлениями и была поднята теперь Карлом XII. Пришлось уступить Азов, Таганрог, Павловск, Миюс [2]).

Но то была лишь временная остановка. В 1713 г. завоевана была русскими вся Финляндия, в 1714 г. разбит шведский флот при Гангуде, и заняты Аландские острова. Число союзников России против Швеции увеличилось Ганновером и Пруссией. Но могущество России вызывало подозрительность союзников. Петр после неудачной попытки заключить союз с Францией начал в 1717 г. переговоры с вернувшимся в Швецию Карлом XII, министр которого Герц был сторонником примирения с Россией. Переговоры начались на одном из Аландских островов, причем предположено было, что Россия, по мирному договору, получит Лифляндию, Эстляндию, Ингерманландию и часть Карелии, за что поможет Швеции возвратить Померанию и завоевать Норвегию; в Польше королем должен был сделаться, вместо Августа, Станислав Лещинский. Но во время переговоров Карл XII был убит при осаде одной норвежской крепости, и дело рушилось. Война возобновилась и продолжалась еще четыре года, причем в 1719 и 1720 годах русские войска проникали в самую Швецию, доходили почти до Стокгольма и произвели страшные опустошения. По ништадтскому миру 1721 года Россия приобрела Лифляндию, Эстляндию, Ингерманландию, часть Карелии и часть Финляндии с Выборгом [3]). Основная задача внешней политики Петра была решена удачно.

---

[1]) Там же, т. XVI.
[2]) Там же, т. XVI.
[3]) Там же, т. XVII.

IV.

Перемены в финансах и администрации.

Мы наблюдали до сих пор в первый период петровских преобразований перемены в житейской внешности, военные и морские нововведения и сложные и бурные перипетии войны и внешней политики. Все эти сферы общественной жизни и государственной деятельности, как показывает предшествующее изложение, определились в своих существенных чертах, в основных достижениях именно в первый период реформы—до 1710 года. К этому времени более или менее сложились новые житейские привычки, образовались регулярные армия и флот, определился после Полтавской битвы исход войны. Война, преобразование армии и постройка флота повели в свою очередь к переменам в финансах и администрации.

„Деньги суть артериею войны“, говорил Петр, и первые же моменты войны заставили его принять новые финансовые меры. Договариваясь в Биржах с Августом II о союзе, Петр обещал ему субсидию в 100.000 руб. Начались и увенчались успехом поиски денег по приказам. 14 марта 1701 года был издан указ, по которому все приказы должны были доставлять ежемесячно и ежегодно денежные отчеты в Ближнюю Канцелярию—новый государственный контроль, преемник прежде существовавшего Счетного приказа. Эта канцелярия состояла из нескольких подьячих под начальством думного дьяка Зотова. С тех пор Ближняя Канцелярия стала составлять годичные отчеты о состоянии приказного хозяйства [1]). Эти средства государства не были увеличены, но упорядочены и приведены в известность, что было по тому времени уже важным финансовым успехом.

---

[1]) *Милюков*, Госуд. хозяйство, стр. 85.

Этой мере предшествовала другая: необходимо было уничтожить недоимки и недоборы с посадского, городского населения. С этою целью учреждена была Бурмистерская палата или Ратуша в Москве и земские избы в городах. Основная цель этого учреждения, имевшего известное значение и в истории городского сословия, заключалась в том, чтобы обязать городское население круговой порукой собирать все подати, на нем лежавшие, без недоимок, как средство для достижения этой цели введена была и особая подсудность [1]). Бурмистерская палата и земские избы были учреждены двумя указами 30 января 1699 года. В ноябре 1699 года Бурмистерская палата получила название Ратуши. Она была, во-первых, центральным учреждением, ведавшим в судебных делах и в сборе налогов подчиненные ей земские избы, обязанные ей отчетом, во-вторых, земской избой города Москвы. Судебные и финансовые дела в отдельных городах ведались земскими избами [2]). Число бурмистров определялось, по более поздним указам, числом сотен и слобод, от каждой из которых выбирался один бурмистр. В Москве выборы были двухстепенные: выборные от гостей, гостиной сотни и черных сотен и слобод выделяли из своей среды 12 человек, которые были членами Ратуши, причем один из них был президентом [3]). Земским бурмистрам подчинены были таможенные и кабацкие бурмистры [4]). Сама Ратуша подчинена была приказу Большой казны. Ратуша и земские избы ведали сборы таможенные, кабацкие, оброчные и стрелецкие. В 1700 г. общий доход новых учреждений составлял более 1 милл. 100 тыс. руб., а в 1701 году свыше 1 милл. 300 тыс. руб. [5]).

Учреждение Ратуши и земских изб, с одной стороны, военно-морские реформы, нам уже известные, с другой, оказали весьма значительное влияние на финансовое хозяйство и повели за собой ряд изменений в центральных

---

[1]) Там же, стр. 85.

[2]) *Дитятин,* Устройство и управление городов России, т. I. стр. 146—149.

[3]) Там же, стр. 170.

[4]) Там же, стр. 156.

[5]) *Милюков,* Госуд. хозяйство, стр. 91—92.

учреждениях. На обоих этих рядах последствий введени, новых учреждений необходимо теперь остановиться.

Ратуша и земские избы вместе с Ближней Канцелярией имели то важное для государственного хозяйства последствие, что стало возможным представить себе в цельной картине бюджет 1701 года.

Доходный бюджет тогда составлял несколько менее 3 миллионов руб.—по крайней мере вдвое более, чем в 1680 году. При этом относительно и абсолютно очень сильно выросли косвенные налоги, если причислить сюда и регалии и пошлины, как то сделано нами в свое время по отношению к бюджету 1680 года: они составляли уже более трех четвертей всех доходов—75,6%. Главное увеличение приходилось на монетные операции казны, таможенные и кабацкие сборы [1]).

Что касается расходов, то, не считая уплат хлебом и солью, они составляли в 1701 году свыше $2^1/_2$ милл. руб. Огромный рост—абсолютный и относительный—расходов на армию и флот виден из того, что на них тратилось 78,3% этого увеличившегося сравнительно с 1680 годом более, чем вдвое расходного бюджета. Увеличился также расход на администрацию и дипломатию—почти до 4-х процентов (относительно вдвое больше, чем в 1680 году), а также на культурные нужды (средства сообщения, почта, постройки, медицина, просвещение, благотворительность)—до 7,5%. За то сильно уменьшились расходы по финансовым операциям—до 3,5% и особенно по дворцовому хозяйству, на которое в 1701 году тратилось только 4,4%, тогда как в 1680 году этот расход составлял целых 23,7% всего расходного бюджета [2]).

В общем таким образом видно, что старые вотчинные порядки в государственном хозяйстве отживали, и бюджет принимал характер, типичный для самодержавно-полицейского дворянского государства.

Главные перемены в центральных государственных учреждениях сводились к тому, что, во-первых, произошло падение областных финансовых приказов XVII века, во-вторых, появились новые военные приказы с финан-

---

[1]) Там же, стр. 115—118.
[2]) Там же, стр. 118—120.

совым значением. Что касается первого из этих административных последствий учреждения Ратуши и земских изб, то оно характеризуется такими, напр., фактами, как потеря Устюжской, Костромской, Владимирской и Галицкой четями всей их финансовой компетенции и, следовательно, фактически полное их слияние с теми учреждениями, которым они были подчинены в 1680 году, а также уничтожением Стрелецкого приказа, слившегося с Земским приказом [1]). Из новых военных приказов, получивших финансовое значение главным образом в расходной смете, обращают на себя внимание в особенности Военный приказ, образовавшийся путем слияния Иноземского и Рейтарского, и Адмиралтейский приказ [2]).

Военные события и рост армии и флота в последовавшие за 1701 годы вызвали увеличение расходов на войско и флот по крайней мере в $1^1/_2$ раза к 1710 году [3]). На эти расходы не хватало средств. Что было делать?

Правительство придумало ряд вспомогательных источников дохода, какими явились, во-первых, перечеканка серебряной монеты, ее порча, во-вторых, переоброчка казенных статей и, в третьих, промышленные предприятия казны.

Перечеканка серебряной монеты, начатая с первых лет XVIII века, свелась к переделке ее в новую той же нарицательной ценности, но с меньшим весом металла. Это повело в 1701 и 1702 годах к сильному повышению дохода от монетной операции, но повышение это оказалось временным, непрочным: в последующие годы доход этот стал быстро падать, сократился вдвое и более, в 1709 году оказался более, чем вчетверо меньшим, чем в 1702 г. [4]). Причина такого сокращения ясна: у правительства постепенно сокращался материал для переделки, — ефимки и старые полновесные русские серебряные деньги [5]). Но дело было не только в этом: монетная операция свела в сущности весь доход от нее к нулю, даже причинила огромные убытки казне, потому

---

[1]) Там же, стр. 92—93.
[2]) Там же, стр. 101, 104, 110.
[3]) Там же, стр. 119.
[4]) Там же, стр. 150.
[5]) Там же, стр. 151.

что курс новой, испорченной, неполноценной монеты уменьшился вдвое, товары подорожали, подати и другие государственные сборы потеряли половину своей реальной ценности, дороже приходилось покупать и заграничные товары, необходимые для армии и флота [1]).

Тогда обратились к переоброчке казенных статей. Установлен был оброк с частных бань—3 руб. с думных чинов и гостей, по 1 руб. с остальных дворян и посадских, по 15 коп. с крестьян в год, оброк с постоялых дворов определен в четверть дохода с них; эти два вида оброка были учреждены целиком вновь, — прежде их не было. Кроме того, повышены оброки с рыбных ловель, мельниц и т. д. Эти сборы с 1704 года подчинены были особому учреждению, называвшемуся сначала Семеновской, потом Ижорской и, наконец, Ингерманландской канцелярией [2]).

Переоброчка казенных статей сильно увеличила доход с оброка. Но это увеличение не заменило исчезнувшего дохода от монетной операции и, несмотря на возрастание оброчного дохода, не покрывало расходов на военные нужды. Поэтому с 1705 года правительство стало развивать государственные монополии на товары, имевшие наиболее выгодный сбыт на внутреннем и внешнем рынках. В 1705 году объявлена монополия продажи соли, дававшая до 1710 года по 300—400 тыс. в год (чистого дохода только 150 тыс. в год). Затем в том же 1705 году казенной монополией стала продажа табака, дававшая 10—20 тыс. в год. В 1707 году монополизирована была продажа дегтя, колесной мази, мела, рыбьего жира, ворвани, в 1709 году—щетины. Наконец, правительство получило от 150 до 300 тыс. в год от иностранной торговли с азиатским востоком и европейским западом [3]).

Все эти новые источники обложения докончили разрушение старой приказной системы, а война и военные расходы перестроили бюджет и создали первый финансовый дефицит. По смете 1710 года доход предусматривался в 3 милл. 330 тыс. руб., расход в 3.830.000 р.,— ожидался дефицит в полмиллиона.

---

[1]) Там же, стр. 153—154.
[2]) Там же, стр. 154—156.
[3]) Там же, стр. 161—165.

Как было покрыть этот дефицит и те, которые за ним должны были неизбежно последовать?

Можно было прибегнуть к кредиту, и Петр пытался это сделать, но кредита не оказалось. Оставалось одно: произвести новую перепись населения в надежде, что оно увеличилось, и что соответственно его увеличению можно увеличить и доходы государства.

V.

Происхождение губерний.

Параллельно описанным финансовым опытам и создававшемуся ими разрушению старых центральных учреждений и появлению новых военных приказов совершался еще другой процесс — образования губерний из старых военных округов XVII века — провинциальных разрядов. Этот процесс докончил разрушение прежней центральной администрации.

Провинциальным разрядам, военным по своему значению, не хватало для превращения в губернии двух черт,—во-первых, финансовой компетенции и, во-вторых, независимости от центральных учреждений — приказов: первые петровские губернии, унаследовавшие от разрядов их военных функций, отличались от них именно тем, что обладали этими двумя дополнительными свойствами.

В этом направлении, т.-е. в направлении приобретения двух новых свойств, и шел процесс превращения провинциальных разрядов в губернии. И шел он не сообразно какому-нибудь заранее составленному плану, а под влиянием военных событий и обстоятельств, порождался самой жизнью. Поэтому процесс происхождения губерний растянулся на целое десятилетие, если не больше.

Когда завоеван был Азов, и в Воронеже предпринята была постройка флота для его защиты, — там учрежден был особый Адмиралтейский приказ, и во главе его был поставлен Ф. М. Апраксин с званием „адмиралтейца". Ему подчинены были города Тамбовского разряда в военном, а потом и в финансовом отношениях. Апраксину же был подчинен и азовский воевода, которому подведомственны были, между прочим, и низовые города Симбир-

ской черты. При этом воронежский „адмиралтеец“ подчинялся одному только царю, минуя московские приказы [1]). Все это—территория будущей Азовской губернии, образовавшейся, следовательно, еще в 1700 году и в ближайшее за тем время.

Вторая губерния—будущая Ингерманландская—стала слагаться тогда, когда основан был Петербург, т.-е. в 1703 году. Меншиков назначен был тогда губернатором Петербурга с подчинением ему сначала Ингерманландии, потом Ингрии, Карелии, Эстляндии, далее Олонца и приписанных к олонецкой верфи городов Пошехонья, Белоозера и Каргополя. Опять-таки и Меншиков имел и военные и финансовые функции и подчинен был непосредственно Петру [2]).

Когда стало грозить вторжение Карла XII, пришлось озаботиться защитой западной границы. Тогда возникли два новых губернских центра с их областями—Смоленск и Киев. Будущая Смоленская губерния слагалась так: Кирилл Нарышкин в 1706 году был послан в Псков укреплять этот город и организовать местные войска; он же распоряжался всеми местными доходами; смоленский воевода и в военных и в финансовых делах помогал Нарышкину. В том же 1706 году образована губерния Киевская из городов бывшего Белгородского разряда, в которых издавна белгородские воеводы имели и военную и финансовую власть; при этом центр управления просто был перенесен из Белгорода в Киев [3]).

Таким образом военные события и вызванные ими военные и финансовые задачи и потребности повели в течение 1700—1706 годов к постепенному образованию четырех будущих петровских губерний—Азовской, Ингерманландской, Смоленской и Киевской. Пятая губерния—Казанская — вызвана была к жизни внутренними волнениями, — астраханским бунтом, возникшим в 1705 году.

Руководителями этого бунта были посадские люди гостиной сотни—ярославцы, москвичи, симбиряне, нижегородцы, астраханцы, пятидесятники стрелецких полков

---

[1]) Там же, стр. 256—257.
[2]) Там же, стр. 258—259.
[3]) Там же, стр. 259—261.

и сержанты солдатского полка. Убили астраханского воеводу и выбрали старшинами ярославца Носкова и астраханского бурмистра Ганчикова. Основной мотив бунта вытекал из посадских интересов: восстали под лозунгом отмены тяжких поборов и повинностей [1]). Но эти же поборы и повинности тяжко ложились и на широкие трудящиеся массы и роднили их с восставшими. Восставшие уже для достижения успеха должны были действовать демагогически. И потому в Астрахани введено было казацкое управление [2]). Этот бунт силой оружия был прекращен Шереметевым. Тогда, в 1706 году, П. М. Апраксин был назначен в Астрахань воеводой с военно-финансовой властью над местным округом. В то же время сборы с низовых городов, подведомственных Казанскому дворцу, стал ведать, совершенно независимо от последнего, Кудрявцев [3]). Наконец, территория, подведомственная Сибирскому приказу, образовалась в 1706 году присоединением к ней Соли-Камской, Чердыни, Яренска и Кайгородка [4]).

В 1707 году — по крайней мере в Ингерманландской губернии — делаются попытки и более упорядоченной губернской внутренней административной организации: тогда назначается ландрихтер в помощь губернатору. Ландрихтер должен был ведать суд и финансы как помощник губернатора, а губернатор или обер-комендант — военное дело. В уездах коменданты ведали и военные и финансовые дела вместе, подчиняясь в соответствующей отрасли обер-коменданту или губернатору и ландрихтеру [5]).

Понятна основная движущая причина всего этого процесса образования губерний: главная нужда — удовлетворение военных потребностей, успешное ведение войны; для этого нужны деньги и быстрая реализация сборов, без приказной волокиты; отсюда и вышли местные военно-финансовые округа, независимые от центра, — губернии.

---

[1]) *Соловьев,* История России, т. XV, стр. 125—128.
[2]) Там же, XV, стр. 132.
[3]) *Милюков,* Госуд. хоз., стр. 262.
[4]) Там же, стр. 263.
[5]) Там же, стр. 264—265.

Но дело оставалось незавершенным. Значительная часть государственной территории России—архангельский север и московский центр — не были еще организованы в губернские единицы. Не везде точно определилась и окончательная территория государства. Как же и когда окончательно осуществлено было то и другое?

На вопрос о времени формального учреждения губерний не все исследователи отвечают одинаково. Одни относят это учреждение к 18 декабря 1708 года [1]), другие переносят на год раньше — к 18 декабря 1707 года [2]), третьи думают, что губернии были окончательно формально учреждены лишь 9 января 1710 года [3]).

Повидимому, правильно именно это последнее мнение: указ со спорной датой 18 декабря не то 1707, не то 1708 года [4]) не может считаться указом, учреждающим губернии, потому что в нем нет ни слова о губерниях Ингерманландской и Сибирской. Здесь, очевидно, имелось в виду не завершение того, что было выработано жизнью раньше, а построение нового плана областного деления, сущность которого сводилась к механическому распределению территории государства между шестью областными центрами—Москвой, Казанью, Киевом, Смоленском, Азовом и Архангельском. Территория предположенных областных единиц должна была определяться исключительно близостью к данному местному центру: напр., к Москве должны были быть приписаны города, находившиеся от нее на расстоянии менее 100 верст. Тем не менее указ этот имеет важное значение в истории образования первых русских губерний: в нем впервые выдвинуты в качестве губернских центров Москва и Архангельск, ранее такими центрами не бывшие.

Это предположение о шести областных делениях так и осталось невыполненным. Из него уцелела только мысль

---

[1]) *Романович-Славатинский,* Исторический очерк губернского управления от первых преобразований Петра В. до учреждения губерний 1775 г., Киев, 1859. *Мрочек-Дроздовский,* Областное управление России XVIII в., часть 1, М. 1876

[2]) *Милюков,* Госуд. хоз., стр. 273.

[3]) *Коркунов,* Время первого учреждения губерний: „Ж. М. Н. Пр.“ за 1893 г., февраль, стр. 293—294.

[4]) Полное Собрание Законов, № 2218.

об образовании двух губернских центров—в Москве и в Архангельске—в прибавок к шести, созданным жизнью ранее. Но и эта мысль в своем осуществлении подчинилась тому, что раньше создано было жизнью, под влиянием того поворота, который произошел в ходе войны после Полтавской битвы.

Победа под Полтавой внушила надежды на близкий мир. Надо было подумать о содержании постоянной армии в мирное время. В решении этого вопроса важную роль сыграла и имевшаяся уже налицо русская действительность — фактическое содержание действующей армии, по крайней мере, отчасти насчет доходов тех территориальных единиц, которые сложились под влиянием военных потребностей, обнаружившихся в ходе войны. Но повлиял здесь уже и пример Швеции, модный тогда во всей Европе и особенно в России: в Швеции в мирное время армия была расписана по провинциям и губерниям и содержалась в каждой из них на местные средства [1]). Именно вследствие этих влияний и учреждены были в 1710 году восемь губерний.

Распределение территории страны между отдельными губерниями почти лишь санкционировало уже существовавшую тогда действительность с небольшими, сравнительно, изменениями и дополнениями. Ингерманландская губерния, губернским центром которой был Петербург, охватывала весь завоеванный край, территорию, приписанную к олонецкой верфи, города Новгородского разряда и Псков. Смоленскую губернию составили города, приписанные к Смоленску во время войны, и некоторые заоцкие. Киевская составилась из городов Малороссийского приказа, Севского и Белгородского разрядов. В Азовскую губернию вошли Тамбовский разряд, часть Белгородского и некоторые города, ведавшиеся прежде Большим дворцом и Казанским дворцом. Казанская губерния сложилась из большей части городов Казанского дворца, трех городов Новгородской чети (Нижнего-Новгорода, Арзамаса и Гороховца),—трех Костромской чети (Мурома, Елатьмы и Кадома), одного города Галицкой чети (Юрьевца-Поволжского), одного Большого дворца

---

[1]) *Милюков,* Госуд. хоз., стр. 297.

(Балахны) [1]). Север вошел в территорию Архангелогородской губернии, центр—в территорию губернии Московской. Сибирь вся целиком и отчасти Приуралье (Соль-Камская, Чердынь, Яренск и Кайгородок) составили Сибирскую губернию.

В предшествующем изложении подчеркивалось, что губернии и губернаторы 1710 года имели, главным образом, военное и финансовое значение. Это, однако, не значит, что они никакого другого значения не имели. Необходимо в кратких чертах обрисовать эту иную деятельность губернаторов и лиц, им подчиненных.

Губернаторское ведомство, кроме военных и финансовых дел, слагалось также из дел судебных и полицейских. В судебных делах им принадлежал разбор дел по апелляции на приговоры низших судебных властей, из полицейских их функций, которые были вообще слабы, можно упомянуть борьбу с эпидемиями, надзор за постройками, преследование беглых, воров и разбойников [2]).

Самостоятельное положение губернаторов, независимость от старых центральных учреждений, повидимому, питало губернаторское властолюбие. Поэтому было издано несколько указов, ограничивавших властные замашки губернаторов—особенно тогда, когда начала чувствоваться и сознаваться необходимость их подчинения центральному управлению: так, губернаторам было разъяснено, что они не могут налагать новые налоги и безконтрольно, по собственному усмотрению, распоряжаться производством расходов [3]). Судебные приговоры губернаторов скоро стали подлежать обжалованию в центр [4]).

Ближайшими помощниками губернаторов были вице-губернаторы. Они заменяли губернаторов в их отсутствие по всем делам управления губернией и иногда, по поручению губернатора, ведали специально отдельные отрасли управления, даже если губернатор присутствовал в губернии: напр., дела о рекрутских наборах, наборах рабочих по постройке Петербурга, казенные леса [5]).

---

[1]) Там же, стр. 273—276.

[2]) *Соловьев,* История России, т. XVI; *Мрочек-Дроздовский.* Областное управление России XVIII века, ч. 1; *Милюков,* Госуд. хоз.

[3]) *Милюков,* Госуд. хоз., стр. 380.

[4]) *Мрочек-Дроздовский,* Областное управление России XVIII в.

[5]) Там же.

В заведывании военным делом губернатору помогал обер-комендант, а в судебных делах—ландрихтер [1]). Впрочем, ландрихтер ведал на деле не один суд, но помогал губернатору вообще в делах гражданского управления—финансовых и административных [2]). Что касается обер-комендантов, то они также заведывали новым областным делением—провинцией, промежуточным между губернией и уездом и возникшим не во всех губерниях и не в равном в них числе [3]).

В уездах и уездных городах вся власть—и военная, и гражданская в разных разветвлениях последней, т.-е. и в суде, и в администрации, и в финансах, и в полиции, принадлежала коменданту [4]); в коменданты переименованы были прежние воеводы.

Так как полки в финансовом отношении были непосредственно связаны с губерниями или их предполагалось, по крайней мере, так связать, то при каждом полку, по указу 19 февраля 1711 года, учреждены были комиссары от губерний. Комиссар от губернии при полку ведал военные припасы, аммуницию и раздачу жалованья [5]).

---

[1]) *Милюков*, Гос. хоз.; *Соловьев*, История России, т. XVI; *Мрочек-Дроздовский*, Област. упр. Рос. XVIII века.

[2]) *Милюков*, Госуд. хоз.

[3]) *Богословский*, Областная реформа Петра Велик., стр. 47—48.

[4]) *Милюков*, Госуд. хоз.

[5]) Там же.

VI.

Административные, финансовые и экономические последствия первого периода реформы Петра.

Мы закончили в главных, основных чертах изучение первого периода петровских преобразований. Теперь ясно, что получилось в их итоге. Получилась новая житейская внешность, обрисовались военные успехи и завоевание берегов Балтийского моря, сложились регулярная армия и флот, усилились финансовые средства казны, хотя, наряду с этим, появился и первый дефицит, наконец, долгим, но неуклонно развивавшимся процессом шло происхождение губерний.

Все эти перемены, особенно финансовые и административные, имели многоразличные и очень важные, первостепенные по своему значению, последствия.

Мы уже видели, что чисто финансовые нужды разрушили в значительной степени приказную систему центральных учреждений Московского государства. Это разрушение приказов было закончено образованием губерний: когда 8 губерний в 1710 году окончательно сложились и получили независимость от приказов, этим последним стало нечем управлять, они просто остались не у дел, бесполезными, ненужными и безвластными пережитками прошлого. Мало того: и Ратуша и земские избы потеряли, по крайней мере, в значительной части свое главное, финансовое значение [1]).

Но это были все разрушительные последствия. Они были очень важны, потому что сносили целиком, уничтожали устаревшие обломки администрации, в которых тлели еще остатки удельных, феодальных традиций. Этим

[1]) Там же, стр. 266 и след.

расчищено было поле для новых, уже чисто-дворянских, торгово-капиталистических построений и достижений. Однако, и эти построения и достижения не были осуществлены сразу. Этого мало: даже переход к ним потребовал ряда предварительных, промежуточных попыток, опять-таки не столько планомерных, сколько идущих от случая к случаю, продиктованных обстоятельствами переживавщегося момента, явившимися опять-таки следствием произведенного разрушения и появления губерний.

Характерны в этом смысле те перемены—финансовые и административные, — которые произошли в 1710 и 1711 годах.

Педполагалось—и было осуществлено,—что центральные учреждения будут заменены ежегодными съездами губернаторов в столицу специально для составления государственного бюджета в целом. Эти съезды и должны были заменить уничтоженные центральные учреждения [1]. Но таких съездов было недостаточно для этой цели.

Мало помогла делу и „консилия"—собрание начальников приказов, заменившее собой Боярскую Думу [2]. Надо было превратить теперь эту консилию в учреждение, которое могло бы действовать без царя и находилось бы, кроме того, в определенных отношениях к губернаторам, заменяя исчезнувшие органы центрального управления [3]. Наконец, было и еще одно, специально-финансовое обстоятельство: губернаторам были переданы не все финансовые дела, вне их финансового ведомства остались чеканка монеты и доходы от нее, соляная монополия и казенная торговля—внутренняя и иностранная, особенно, с Китаем и Персией [4]. Эти финансовые дела должны были быть поручены новому, особому учреждению. К тому же и государственный контроль находился в руках Ближней Канцелярии, слабо связанной с губерниями.

Из совокупности всех этих обстоятельств и, может быть, также не без влияния шведского образца [5], вышло

---

[1]) Там же.

[2]) *Ключевский,* Боярская Дума.

[3]) *Милюков,* Госуд. хоз.

[4]) Там же.

[5]) *Петровский,* О сенате в царствование Петра Великого, М. 1875, стр. 36.

учреждение сената 22 февраля 1711 года. Указ гласил: „определили быть для отлучек наших правительствующий сенат для управления“; в состав сената назначены девять лиц и, сверх того, обер-секретарь; уничтожен Разрядный приказ и введен в канцелярию сената под названием разрядного стола; от каждой губернии при сенате „для спроса и принимания указов“ должны быть по два комиссара [1]).

2 марта 1711 года последовал новый указ—о ведомстве вновь учрежденного сената. Ведомство это слагалось из суда и надзора за правосудием, из сбора офицеров для армии из дворян и боярских людей, главное же—из финансовых дел особого рода: уничтожения ненужных расходов, сбора денег „понеже деньги суть артериею войны“, заведывание казенной торговлей, особенно китайской, персидской и армянской, руководства соляной монополией; наконец, прибавлено: „учинить фискалов во всяких делах“ [2]).

Сенат, действительно, осуществлял те задания, которые были ему даны: он заменял носителя верховной власти во время его постоянных отлучек, ведал в высшей инстанции суд, так что дела, начинаясь у комендантов, переходили к ландрихтерам и восходили в сенат, как в высшую инстанцию, руководил теми доходами, которые выходили из пределов ведения губернаторов,—чеканкой монеты, соляной монополией, казенной торговлей [3]),—руководил государственным контролем, и так как это же дело находилось также в ведении Ближней Канцелярии, и от такого двоевластия происходила путаница и безвластие, то в конце-концов Ближняя Канцелярия была подчинена сенату, стала частью его канцелярии [4]); как уже сказано было выше, наконец, губернаторам было разъяснено, что они не могут вводить новые налоги и не имеют права, по собственному усмотрению, без разрешения сената, распоряжаться производством расходов [5]). Все это контролирующее ведомство сената закреплялось учреждением—

---

[1]) Полиое Собрание Законов, № 2321.
[2]) Там же, № 2330.
[3]) *Милюков,* Госуд. хоз.
[4]) Там же.
[5]) Там же.

по образцу Швеции — фискалов во главе с находившимся при сенате обер-фискалом. При губернаторах были провинциал-фискалы, а им подчинены были фискалы в городах. Обязанностью фискалов было наблюдение за соблюдением интересов казны, для чего они имели явный и тайный надзор за администрацией и могли в соответствующих случаях привлекать к ответственности виновных через обер-фискала и сенат. Фискалы преследовали также взятки и наблюдали за исполнением приказов [1]).

Все это показывало, что необходимо восстановить центральное управление; сенат уже был отчасти его восстановителем, но ему трудно было справиться со сложными и многоразличными делами, выпадавшими на его долю. Переход ко второму периоду реформы Петра намечал, таким образом, одну из проблем, стоящих перед этим периодом: организацию центральной администрации.

Но намечалась также и необходимость реорганизации областной, местной администрации, губернаторской власти, которая первоначально была слишком широка и многообъемлюща, чтобы не сказать всеобъемлюща, и, как мы видели, скоро стала подвергаться ограничениям сверху, в пользу сената. В дополнение к этому скоро пришло и ограничение снизу, на местах, также указывавшее на необходимость областной реформы. Сущность этого ограничения заключалась в учреждении ландратов в 1713 г. и в перемене в их положении, совершившейся в начале 1715 г. Ландраты, по первоначальному своему назначению, являлись советниками губернаторов, составляя при них коллегию [2]). Такая коллегия подготовлена была прошлым, — попыткой Петра устроить присутствие выборных дворян при воеводе в приказной избе [3]). Но и здесь дело не обошлось без влияния шведского образца: ландраты составили совет при губернаторе в Лифляндии и Эстляндии [4]) Эти швед-

---

[1]) *Петровский,* О сенате; *Романович-Словатинский,* Историч. очерк губ. управления.

[2]) *Андреевский,* О наместниках воеводах и губернаторах; *Соловьев,* История России, т. XVI; *Мрочек-Дроздовский,* Областное управление России XVIII в.

[3]) *Градовский,* Высшая администрация XVIII в. и генерал-прокуроры, стр. 74—75.

[4]) *Милюков,* Госуд. хоз., стр. 381.

ские образцы в соединении со стремлением правительства к финансовым „приборам“ повели к дальнейшему изменению в судьбе ландратов: 28 января 1715 г. был издан указ, по которому ландраты стали правителями „долей“, в каждой из которых числилось по разверстке, специально произведенной, 5.536 дворов [1]); для сборов и земских дел при каждом ландрате было по четыре подьячих и по 12 рассыльщиков; при губернаторе постоянно должны были состоять по два ландрата, по очереди всех ландратов губернии, а в конце года устраивался в каждой губернии общий съезд ландратов [2]). И в этой перемене опять - таки сказалось шведское влияние: ландраты 1715 года—это шведские герадсфохты или кронфохты, доля — герад [3]). В своих „долях“ ландраты ведали не только финансы, но и судебные и полицейские дела [4]).

Таким образом один ряд последствий первого периода реформ Петра Великого состоял в разрушении старой центральной и областной администрации Московского государства путем замены ее учреждениями, наспех созданными военно-финансовыми нуждами времени, и в обнаружившейся затем несостоятельности этого почти совершенно стихийного административного творчества; логически и фактически неизбежным выводом отсюда была задача нового, систематического, планомерного построения центральных и местных учреждений.

Второй ряд последствий шел глубже, касался финансов и экономики, государственного и народного хозяйства. Мы видели выше, что появление первого дефицита в государственном бюджете повело к переписи 1710 года. Эта перепись дала неожиданные результаты: ожидались данные, указывающие на прирост населения сравнительно с дворовой переписью 1678 года, а на деле оказалось, что население уменьшилось—и очень значительно. Финансовый кризис осложнился кризисом экономическим. Чтобы понять всю важность этого явления и

---

[1]) *Соловьев,* История России, т. XVI.

[2]) *Романович-Славатинский,* Историч. очерк губернского управления; *Милюков,* Гос. хоз., стр. 381.

[3]) *Милюков,* Госуд. хоз.

[4]) *Клочков,* Население России при Петре Великом, I, стр. 336 и след.

определить его причины, необходимо войти в некоторые конкретные подробности.

По всем восьми губерниям население в 1710 г. убыло сравнительно с 1678 г. почти на одну пятую—на 19,5%, причем убыль—иногда огромная, до 40%,—наблюдается во всех губерниях, кроме двух—Казанской и Сибирской [1]). Одна только армия поглотила 200 тысяч человек, из которых половина погибла. Работы на верфях в Петербурге и других местах требовали около 17 тысяч ежегодно в течение 10 лет [2]). Связь убыли населения с военно-финансовыми условиями времени видна в особенности из того, что в отдельных губерниях падение их населенности относится к тому времени, когда усилились наборы в армию и на работы, возросли оброчные и ратушские сборы [3]). И позднее уменьшение населения продолжалось [4]).

Так возник и развился не только финансовый, но и экономический кризис. Отсюда вытекала необходимость при переходе ко второму периоду реформы обратить внимание на экономическую политику, развить ее последовательнее и планомернее, чем это делалось раньше, а также подумать о более существенных финансовых преобразованиях.

Но и административная, и экономическая, и финансовая реформы не могли не затронуть и старого общественного уклада, унаследованных от прошлого социальных отношений. Отсюда вытекали перемены в устройстве общества.

Наконец, все дело завершалось начавшимися и в первый период реформы Петра, но особенно развившимися во второй культурными новшествами, изменениями в духовной культуре.

—

[1]) *Милюков,* Госуд. хоз., стр. 201—202; впрочем, по новейшим исследованиям, убыль была меньше: 14,6%, может быть даже только 6,6%: *Клочков,* Население России при Петре Великом, т. I, Спб. 1911, стр. 79.

[2]) *Милюков,* Гос. хоз., стр. 203.

[3]) Там же, стр. 186, 187, 189, 191, 192.

[4]) *Клочков,* Население России при Петре Великом, стр. 79 и след.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Второй период реформы Петра—до 1725 г.

I.

Проекты реформ при Петре Великом.

Мы видели в свое время, что реформы Петра в целом и во многих частностях были подготовлены действительностью, реальной жизнью, материальными условиями предшествующего времени, главным образом второй половины XVII века, и что в том же направлении уже тогда начало работать и общественное сознание, проявившееся в настроениях и мыслях отдельных выдающихся людей.

Но этого мало: тогда, когда совершались первые шаги в деле преобразований, когда ломалось старое и стихийно строилось под влиянием бурных событий и исключительных обстоятельств новое, бессильное пока сложиться в стройную систему, и особенно тогда, когда этот первый момент реформы пришел к концу, и почувствовалась потребность планомерного строительства нового,—Петр и его ближайшие помощники далеко не остались одинокими в своей работе. Появилась целая литература проектов, до нас дошедшая. Эта литература далеко еще не исчерпана трудами исследователей: многое остается не только неизданным, но и неизвестным. Но, ожидая заполнения этого пробела от будущих исследователей, мы все-таки, опираясь на опубликованный и изученный материал, можем представить общую картину преобразовательных предложений, исходивших от разных лиц и доходивших до Петра и его сотрудников, потому часто влиявших и на действия правительства, на проведение тех планомерных преобразований, которые

составляют отличительную черту второго периода реформы Петра Великого. Знакомство с проектами реформ особенно важно именно потому, что ставит вне сомнения жизненную необходимость преобразований, глубокие их корни, показывает, что известные идеи, настроения и общественные формы носились в воздухе, сознавались и продумывались многими и сильно помогали правительству в его сложной и трудной работе.

Удобнее всего здесь, в этом отделе, иметь дело не с отдельными составителями проектов, не излагать предположения и предложения каждого из них целиком, — с этой точки зрения на литературу проектов в меру необходимости будет брошен взгляд в обзоре духовной культуры первой четверти XVIII века. Целесообразнее пока разгруппировать содержание проектов по отдельным темам, в них затронутым и имеющим отношение к действительно проведенным реформам. Тогда будет ясно, насколько те или другие действительные меры были связаны с проектами, подготовлены ими.

Посмотрим прежде всего, что давали проекты в отношении экономической политики.

Во всех проектах, касающихся необходимых хозяйственных преобразований, выступают на первый план система меркантилизма и связанные с нею отдельные экономические реформы. На этом сходятся составители проектов разных оттенков и типов.

Возьмем, напр., тех, кого, пользуясь позднейшим термином Погодина, удобнее всего назвать „консерваторами с прогрессом“. Крупнейший из них—Посошков, поднесший Петру книгу свою „О скудости и богатстве“. В этой книге он, вне всяких влияний западно-европейской жизни и литературы, которых он не знал [1]), является убежденным меркантилистом: он сознательно отстаивает увеличение вывоза и сокращение ввоза—благоприятный торговый баланс, требует сокращения потребления привозных товаров, особенно предметов роскоши,—запрещения роскоши в одежде и потребления иностранных вин. Отсюда же, из меркантилистской системы, вытекают и требования Посошковым поощрения обрабатывающей про-

---

[1]) *Брикнер,* Иван Посошков, Спб. 1876, стр. 152

мышленности, которой он придавал большее значение, чем сельскому хозяйству, и разведения табака и „союзства“ русских купцов, их строгой и стройной организации, и выучки ремесленников, и цеховой их организации. Меры поощрения промышленности, предлагавшиеся Посошковым, также были насквозь проникнуты духом меркантилизма. Они заключались в издании закона о патентах для поощрения изобретателей, в денежных ссудах фабрикантам из казны и в приглашении иностранцев-мастеров для обучения ими русских [1]).

На той же почве, хотя и без надлежащей общей системы, стоит и неизвестный автор проекта так-называемых „Двенадцати статей“: и он указывает на необходимость „ремесла заводить и множить“, завести цехи, чтобы уничтожить недобросовестность и необученность русских ремесленников, требует развития в России шелководства и посевов хлопка, настаивает на поощрении овцеводства и сукноделия [2]). За развитие овцеводства стоял и Лодыгин [3]). Заводчик Даниил Воронов предлагал регулировать русский вывоз, стараясь повысить цены на русские товары, и „составил проект устройства в обширных размерах особым правительственным управлением фабрик для производства шелковых, хлопчатобумажных и суконных тканей и изделий из льна и пеньки“ [4]).

Весьма последовательным меркантилистом является в своих „Пропозициях“ и „Изъявлениях“—проектах, им присланных из Англии,—крайний западник того времени Федор Салтыков. Внешняя торговля и фабричная промышленность—вот два основные средства, которые, по Салтыкову, способны поднять на высшую ступень народное хозяйство России. Мотивирует это положение Салтыков чисто-меркантилистически: от развития русских фабрик уменьшится ввоз в Россию иностранных товаров, и потому „великое число денег будет соблюдаться в Российском государстве“: надо сделать так,

---

[1]) Там же, стр. 248 — 250. Ср. *Царевский,* Посошков и его сочинения.

[2]) *Павлов-Сильвинский,* Проекты реформ в записках современников Петра Великого, Спб. 1897, стр. 89—91.

[3]) Там же, стр. 101.

[4]) Там же, стр. 135—136.

„чтоб прибыли нашего государства были бы в наших властных купеческих руках, а иностранные купцы не богатились излишне“. Поэтому он находит, что устроение в Москве суконных фабрик „изрядно и прибыточное дело государству“ и советует распространить устройство таких фабрик на Украину и Астрахань, так как в этих местах существует овцеводство, и можно получить много шерсти: выгодно заводить фабрики поблизости от производства сырья, материалов для фабричной работы. Салтыков находит также выгодным соединение однородных или близких по материалу предприятий: по его мнению, при суконных фабриках „следует заводить рукавичные, перчаточные и шляпочные заводы“. Он рекомендует далее устройство мануфактур для выделки шелковых тканей, парчи, атласа, бархата, лент, писчей бумаги, стекла, белого железа, иголок, булавок, разведение тутовых деревьев и шелковичных червей, прививку и распространение иностранных виноградных лоз, развитие табачных плантаций, увеличение посевов льна и конопли, размножение рыбных и звериных промыслов, изыскание „всяких материалов и красок и всяких аптскарских специалов“. Меркантилизмом, наконец, внушены Салтыкову и свойственные ему представления о способах проведения в жизнь рекомендуемой им экономической политики. Главное значение он здесь придает правительственным распоряжениям, принуждению сверху. Так, заграничную вывозную торговлю надо создать принудительно, повелением власти. Заводы открывать надо тоже путем правительственных распоряжений. Купеческие компании также составляются принудительно, повелением правительства, причем рекомендуется только, чтобы государство участвовало в акционерном капитале, брало себе „четвертую часть складки компаний“ для поощрения их. Для развития внешней торговли Салтыков, опять-таки в согласии с меркантилистской теорией и практикой Запада, находит необходимым учреждение консульств заграницей [1]). Для изучения бухгалтерии и других коммерческих наук Салтыков советует посылать заграницу купеческих детей [2]).

---

[1]) Там же, стр. 27—29.

[2]) *Милюков,* Госуд. хоз., стр. 403.

 9*

Таковы были русские меркантилисты, мыслившие и писавшие и под влиянием Запада и даже часто вне этого влияния: до такой степени Россия созрела для меркантилизма. Но были меркантилисты и из иностранцев, также составлявшие проекты экономических реформ для Петра Великого. Таков был лифляндский барон Люберас. Он— меркантилист чистой воды, горячий сторонник теории благоприятного торгового баланса. Такой баланс, по его мнению, невозможен, если страна производит лишь сырье, потребляет чужие товары в большем количестве, чем вывозит свои, и если существуют монополии. Средствами для избежания этих зол являются развитие мореплавания и промышленности, а также прочный иностранный кредит, способный дать достаточную материальную поддержку и мореплаванию и промышленности. Для того, чтобы создать такой кредит, развить мореплавание и промышленность и правильно их поставить, Люберас проектирует учреждение должности генерал-директора с подчиненными ему директорами в провинциях для наблюдения за земледелием, скотоводством и мануфактурами: „они должны заботиться о качестве товаров, о их доставке к гаваням и сбыте, наблюдать за ввозом и составлять общий баланс всей государственной экономии“. Сверх того, следует учредить еще обер-директора в Гамбурге и комиссаров или консулов в Данциге, Копенгагене, Любеке, Берлине, Амстердаме, Лондоне, Бордо, Кадиксе, Бильбао, Лиссабоне, Ливорно и Венеции [1]).

Заканчивая обзор проектов хозяйственных нововведений, надо отметить, что в ряде проектов, не посвященных специально разрешению экономических проблем, встречаются там и сям предложения аналогичные изложенным [2]).

В связи с проектами хозяйственных преобразований находятся ближайшим образом проекты финансовых реформ, преобразований в области государственного хозяйства. Их было не меньше, если не больше чем предложений экономического характера: это вполне понятно в виду той остроты финансового кризиса, какая нами

---

[1]) Там же, стр. 393—395.

[2]) *Павлов-Сильванский,* Проекты реформ, стр. 122, 124 и др.

наблюдалась, и в виду того особо пристального внимания, какое у самого Петра и у его правительства вызывали вопросы государственного хозяйства.

Составители проектов шли сначала по линии наименьшего сопротивления,—пытались увеличить доходы государства старыми, испытанными способами—усиленной эксплоатацией монетной регалии, увеличением дохода от казенной торговли и повышением косвенных налогов.

В 1711 году русский тайный агент в Константинополе Рагузинский представил: „Статьи ко умножению государственной казны для нужды настоящие войны". Он предлагал тайно обесценить монету на $^1/_{10}$ ее стоимости, соответственно уменьшив в ней содержание серебра, увеличить доход государства от казенной продажи соли на 200 тысяч руб. в год, уменьшив плату за нее солеварам так, чтобы исчезла вся прибыль от солеварения, отдать производство свеч и мыла в частную монополию за определенную плату в казну [1]).

Подобные же планы проводились в „Мемориске, каковым образом облегчать подданных крестьянских"—неизвестного автора: здесь предлагалось увеличить выпуск медных денег, продажу поташа и смольчуги из казны, понизить торговые пошлины, тем оживить торговлю и таким образом получить больший доход от них, наконец, также развить частные монополии,—отдать добывание меди в монополию Демидову [2]).

Известный уже нам Федор Салтыков, учившийся морскому делу в Англии, бывший корабельным мастером и преждевременно умерший, предлагал также ряд косвенных налогов, но сверх того еще „поголовную дань" по полтине со всех посадских и подоходный налог с землевладения, причем дворяне должны были платить 1% дохода, а вотчины духовенства должны быть обложены „против дворянских вполтора", монастыри же предполагалось обложить повинностью содержания целого ряда учебных заведений и инвалидных домов [3]).

Уже у Салтыкова в 1713 году встречаем таким образом первый, слабый пока, зародыш идеи о подушной

---

[1]) *Милюков,* Госуд. хоз., стр. 385—388.
[2]) Там же, стр. 391—392.
[3]) *Павлов-Сильванский,* Проекты реформ, стр. 32.

подати, которой притом Салтыков и не придавал того большого, основного значения решительной перемены в финансовой системе, какое она впоследствии приобрела.

„Обер-фискал Нестеров первый определенно выразил, развил и мотивировал новую идею“ подушной подати в 1714 году. Он указал, что подушная подать в отличие от дворовой будет более уравнительной, так как при дворовом обложении двор облагался одинаково, независимо от его населенности. Ею прекратится и укрывательство от податей посредством сведения нескольких дворов в один. Чтобы осуществить новый способ обложения, Нестеров предлагает сосчитать наличных людей всех губерний, вычислить общую сумму собиравшихся до того прямых податей и разделить вторую сумму на первую,—получится податной оклад на душу населения [1]).

За этим последовал ряд предложений в том же духе. Так, между 1715 и 1717 годами кем-то представлен был „Новый проект расположения собрания казны денежной ради умножения приходов государственных“. Здесь предлагается введение по французскому образцу „персональной талии“ или поголовщины, для чего оказывается необходимой и подушная перепись. Подушный сбор должен производиться, по проекту, выборными лицами, как то делается и во Франции: этим сокращены будут издержки взимания. Подушной податью должно быть обложено только трудящееся население, а прочие сословия должны платить подоходный налог—„ла капитацион“ или десятину—опять по французскому образцу [2]).

Иван Филиппов в своем „Донесении“ также близко подходит к подушному обложению, когда предлагает считать двор фиктивной единицей, приравняв его определенному, везде одинаковому количеству душ—мужских и женских—и таким образом совершенно не считаясь с реально существующими дворами [3]).

Наконец, „Предложение, через которое можно надеяться государственному прибытку“ выдвигает также необходимость поголовной переписи всего населения,

---

[1]) Там же, стр. 106—107.
[2]) *Милюков*, Госуд. хоз., стр. 450—452.
[3]) Там же, стр. 453—454.

причем эта новая поголовная подать должна была заменить все прежние прямые налоги и равняться 75 копейкам с души [1]).

Переходя к изложению проектов преобразований в устройстве общества, мы, как и раньше и позднее, будем останавливать внимание главным образом на тех чертах литературы проектов, которые отразились так или иначе в законодательной практике. Поэтому нет нужды говорить о подробностях аристократического строя, проектируемых по английскому образцу Федором Салтыковым. Сословность, отстаиваемая им, не была, как известно, новостью и до Петра в России. Новостью—и не без последствий—является только проектирование гербов и западно-европейских титулов и, что еще важнее, закон о майорате [2]). Важна и мотивировка этого закона у Салтыкова: во-первых, „когда разделов в вотчинах по равности сынам не будет, тогда время от времени богатеть будут домы (и в платежах государевых будет меньше недоимок)", во-вторых, меньшие сыновья, „не имея отеческих недвижимых стяжательств, простираться будут прилежнее к службе и к наукам" [3]). Надо также прибавить, что, как ни аристократично было, по проекту Салтыкова, устройство дворянского сословия, он все же предполагал доступ в дворянство путем пожалования от государя [4]).

Нестеров, Курбатов, Ершов, посадский человек Маркелов указывают на необходимость преобразовать городское самоуправление, на неудовлетворительность Ратуши и земских изб [5]).

Филиппов, Посошков и неизвестный русский, приславший в 1715 г. свой проект из Голландии, настаивали на необходимости запретить торговлю всем, кроме посадских людей, особенно дворянам и их людям и крестьянам [6]).

Положением крестьянства занимались немногие составители проектов. Обращает на себя внимание только мнение Посошкова по этому вопросу: он стоит за стро-

---

[1]) Трм же, стр. 456.
[2]) *Павлов-Сильванский,* Проекты реформ, стр. 26—27.
[3]) Там же.
[4]) Там же, стр. 25.
[5]) Там же, стр. 125—126, 130 и след.
[6]) Там же, стр. 129.

гую регламентацию крестьянского крепостного труда, но не допускает притеснения крестьян помещиками, требует точного определения крестьянских оброков и повинностей, т.-е. ограничения крепостного права государственной властью. В его „Книге о скудости и богатстве“ мы находим даже весьма характерное замечание о крепостном праве: „крестьянам помещики не вековые владельцы, того ради они не весьма их и берегут, а прямой их владетель—всероссийский самодержавец, а они владеют временно“ [1]).

Весьма большое место занимают в преобразовательных проектах предложения, имеющие в виду перестройку государственного аппарата, устройство управления в его различных разветвлениях.

Из административных предположений Федора Салтыкова обращает на себя некоторое внимание только одно: он предлагал учредить две высших должности государственного регента и государственного референдаря. Регент должен ведать контроль финансов и общего управления и с этою целью „иметь сиденье в сенате“ и смотреть, какие указы во всем государстве сделаны и какие не исполнены и почему. Государственный референдарь должен иметь обязанности министра торговли и промышленности и государственного прибыльщика. Оба—члены сенатского присутствия [2]).

Курбатов, генерал-инспектор Ратуши, управлявший с ее падением Архангелогородской губернией, предложил образование высшего государственного учреждения, „главнейшего правления“, „кабинет-коллегиума“ или „архиканцелярии империи“. Это—высшее законодательное, судебное и административное учреждение. Главная его задача—надзор за всей администрацией—центральной и областной,—для чего кабинет-коллегиум получает от всех центральных учреждений копии с состоявшихся в них указов, следит за скорым р шением дел и действует через подчиненных ему фискалов и особых „верно-надежных людей для тайно-нужных посылок“. Эти „верно-надежные люди“ ездят во все города для ревизии дей.

---

[1]) *Посошков,* Книга о скудости и богатстве.

[2]) *Павлов-Сильванский,* Проекты реформ, стр. 30.

ствий административных учреждений. Только иностранная политика, дипломатия не входит в ведение кабинет-коллегиума [1]). На него же налагается обязанность принимать прошения на высочайшее имя, а также составить новое уложение [2]).

Проект устройства такого высшего учреждения исходил не от одного Курбатова,—об этом думали также и делали соответствующие предложения лифляндский барон Люберас и немец Фик. Люберас предлагал учредить „высшую дирекционную коллегию или референдат", которая наблюдала бы за правильным и скорым течением дел в центральных учреждениях, решала бы дела по жалобам на них. Рядом с дирекционной коллегией Люберас предполагал еще другое высшее учреждение—„тайный совет" [3]).

Фик предлагал разделить сенат на два отделения—1) юстиции и полиции, 2) финансов. На-ряду с этим он предполагал учреждение особого тайного совета иностранных дел [4]).

Один из виднейших морских специалистов петровского времени Конон Зотов составил проект, также близко касавшийся высших государственных установлений,—именно проект учреждения должности генерал-ревизора, вернее—преобразования такой должности, уже учрежденной Петром в 1715 году. Согласно предложению Зотова, генерал-ревизор или государственный стряпчий должен иметь огромную власть: он может не только следить за законностью постановлений сената, но и входить в существо этих постановлений, подтверждать и исправлять их и „всякие дела, которые худо вершатся, переделать и по своему рассуждению вершить"; ему предоставлялось право „не только укорять и уличать сенат и доносить государю о сенатских неисправах, но и штрафовать сенаторов" [5]).

Упомянутый выше Генрих Фик также составил в 1718 г. проект, близкий по своему значению к проекту Конона

---

[1]) Там же, стр. 63—65.
[2]) Там же, стр. 65.
[3]) Там же, стр. 65—66.
[4]) Там же, стр. 66.
[5]) Там же, стр. 73 и сл.

Зотова—именно проект учреждения должности генерал-прокурора, который должен был наблюдать за постановлениями сената, сам был сенатором и начальствовал над сенатской канцелярией [1]).

Фику и Люберасу принадлежат важные проекты образования новых центральных учреждений—коллегий. Проект Фика был принят официальнс, и Фик, проводивший в нем заимствование шведских учреждений, был отправлен в Швецию для собирания там дополнительного материала для реформы. Люберасу так же официально поручено было составление проекта коллежского устройства, и хотя он запоздал со своей работой, так что Петр не успел с нею познакомиться, но она была известна некоторым ближайшим помощникам Петра по проведению этой реформы,—Шафирову, Ягужинскому и Фику [2]). Фику же принадлежал и проект переустройства областных, губернских учреждений по шведскому образцу [3]).

Имел значение и составленный по шведскому образцу проект устройства центральных и областных—в частности судебных—учреждений, принадлежавший графу Матвееву [4]).

Две отрасли государственной деятельности остановили на себе особое внимание некоторых составителей проектов—суд, с одной стороны, и полиция безопасности—предотвращение разбоев, грабежей и побегов крестьян и бродяжничества—с другой.

В судебном деле отмечалась „древняя неправда"—неправый суд, взяточничество и продажность судей. Один из составителей проектов Иван Филиппов настаивает на суровых наказаниях неправедных судей и взяточников и полагает, что и несправедливость и взяточничество уменьшатся, если судьями будут назначаться не дворяне, а люди низкого происхождения и если судьи будут выборные [5]). Так смотрел на дело и Посошков, сделавший здесь попутно любопытное замечание о крепостнически-

---

[1]) Там же, стр. 78.

[2]) *Милюков,* Гос. хоз., стр. 464—471.

[3]) *Милюков,* Гос. хоз.

[4]) *Богословский,* Обл. реформа Петра В., стр. 171 и след.

[5]) *Павлов-Сильванский,* Проекты реформ, стр. 119.

дворянском самодурстве: „высокородные судьи на уложенные уставы мало смотрят, но как кто восхощет, так и делать будет по своей природной пыхе". И он проектирует жестокие наказания взяточникам, вплоть до разорения их домов [1]). Вместе с тем, однако, Посошков доходит до идеи мирового суда [2]). Строгие наказания неправедных судей составляли основной мотив предложений и других авторов проектов [3]).

Что касается полиции, то здесь важны предложения ввести паспортную систему, — „отпуски", как называл паспорт и полковник Юрлов, „письма", „отпускные письма", как именовали их Филиппов, Посошков и некоторые другие [4]).

Остается, наконец, осветить проекты тех культурных и просветительных мер, которые выдвигались на первый план разными лицами и предлагались вниманию правительства.

Ничто здесь не вызывало такого большого усердия составителей проектов, как заботы о народном образовании: очевидно нужда здесь была кричащая, вопиющая. Федор Салтыков предлагал устроить академии—гимназии, обещая, что таким путем мы „сравняемся в краткое время во всех свободных науках со всеми лучшими европейскими государствами", и заявляя, что „без свободных наук и без добрых рукоделий не может государство стяжать себе умного имения". В этих академиях, по Салтыкову, надо обучать древним и новым языкам, философии, богословию, истории, грамматике и риторике, поэтике, арифметике, геометрии, тригонометрии, навигации, фортификации, артиллерии, музыке, живописи, скульптуре, „на лошадях ездить, на шпагах биться, танцевать". Для женского образования Салтыков предлагает учредить по две женских школы на губернию и обучать там чтению, письму, арифметике, французскому и немецкому языкам, живописи, мўзыке и танцам. При академиях должны быть основаны библиотеки, как в Кембриджском и Оксфордском университетах, и, сверх того, в каждой

---

[1]) Там же, стр. 120.
[2]) *Плеханов,* История рус. обществ. мысли, II, стр. 187
[3]) *Павлов-Сильва ский,* Проекты реформ, стр. 121—123.
[4]) Там же, стр. 114—116.

из губерний должны быть особые библиотеки. При обучении грамоте надо заменить часослов и псалтырь „гисториями универсальными и партикулярными",—учебниками всеобщей и русской истории. Салтыков предлагал также составить под наблюдением сената „гисторию властную царского величества" [1]).

Посошков не брал такой высокой ноты в рассуждениях о народном образовании, как Салтыков, но зато его проект отличается здесь большой демократичностью: он отстаивает идею всеобщего народного образования [2]).

Середину между обоими представляет собою Курбатов: он стоит за учреждение в Москве и Петербурге „академий свободных разных наук на разных диалектах как церковных, гражданских, так и военных"; в больших городах, по его мнению, должны быть устроены школы для обучения всяких чинов людей грамоте, арифметике, геометрии и навигацким наукам. От просвещения он ждет „многого доброго переполирования всероссийского народа", „правды, страха Божия, жаления отечества, истребления злых нравов, насаждения истины" [3]).

Таков в главных чертах был материал проектов, подготовлявших реформу. Проекты, однако, не были единственным и даже хотя бы главным источником петровских преобразований. Кроме них, Петр в изобилии пользовался иностранным законодательным материалом и наличными европейскими учреждениями и порядками, непосредственно там наблюдаемыми.

Уже это обстоятельство вводит значение проектов в некоторые границы. Но это еще не все: остается рассмотреть вопрос о той переработке, которой подвергали Петра его ближайшие сотрудники, государственные дельцы, те проекты, которые выбирались за основу преобразований. Некоторые исследователи думают, что эта переработка была весьма невелика: „в уменье клиссифицировать всю эту массу проектов на нужные и ненужные, практичные и непрактичные, применимые и неприменимые, полезные и вредные должна была состоять

---

[1]) Там же, стр. 23—24.

[2]) *Плеханов,* История рус. общ. мысли, II, стр. 189.

[3]) *Павлов-Сильванский,* Проекты реформ, стр. 60—62.

единственная, хотя и важнейшая, активная роль царя и правительства" [1]). Правда, при этом признается, что „в общем здравый смысл царя и рутина опытных дельцов разрешали умело эту задачу [2]), но все же при таком ответе на вопрос получается, как показывают отдельные примеры, некоторое преуменьшение действительного значения творческой преобразовательной работы.

Если часто дело и сводилось к тому, что только что сказано, то иногда бывало и иначе. В специальной литературе вопроса это наглядно и ясно показано и доказано. Например, сохранилось любопытное письмо Головкина, свидетельствующее о важном значении инициативы самого Петра в деле реформ и предостерегающее от излишнего увлечения значением проектов. В апреле 1711 г. Головкин писал секретарям подчиненного ему Посольского приказа следующее: „желает его царское величество ведать подлинно из правил французских, аглинских и венецийских, какое у них определение, как в недвижимых маетностях и домах, так и в пожитках детям, по отцах оставшимся мужеска и женска пола, в наследствии и разделе оных, как знатнейших графских, шляхетских, так и купецких фамилий; и вы поищите таких правил в книгах, которые вывез к Москве Петр Постников, и ежели того нет, то спрашивайте и ищите оных правил на Москве у иноземцев и, ежели где что сыщется, то велите немедленно перевести". Так обыкновенно поступал Петр в деле реформ. Усвоив ту или другую мысль закона из бесед с иностанцами, у которых он постоянно учился в России или заграницей, гораздо реже из проектов, Петр приступал к обстоятельному изучению иностранных законов, повсюду собирая материалы" [3]). Так случилось с законом о майорате, предложенным Салтыковым. Петр взял у Салтыкова только аргументацию в защиту майората, а в главном содержании закона разошелся с ним: Салтыков предлагал майорат, а Петр ввел единонаследие; Салтыков предлагал ввести этот закон лишь для дворян, а Петр сделал его

---

[1]) *Милюков,* Гос. хоз. стр. 482.
[2]) Там же.
[3]) *Павлов-Сильванский,* Проекты реформ.

действительным для всех подданных без различия чина и достоинства [1]). Подобное же самостоятельное отношение Петра к проектам подмечено при изучении истории указа о должности генерал-прокурора, истории введения подушной подати, указов о должности сената и учреждении коллегий [2]).

---

[1]) Там же.

[2]) Там же; *Веретенников,* Очерки истории генерал-прокуратуры г России до-екатерининского времени, Харьков. 1915, стр. 26, 50.

II.

Экономическая политика Петра Великого.

До сих пор, как это ни странно, не все признают Петра Великого последовательным меркантилистом. Есть исследователи, которые утверждают, что „его законодательная деятельность в торгово-промышленной области лишь отчасти и нередко случайно совпадала с теоретическими положениями меркантилизма“ [1]). Но есть и другие, которые ставят вне сомнения меркантилизм Петра Великого [2]). Разногласия этим не ограничиваются. Недавно в русской исторической литературе высказан взгляд, что экономическая, в частности промышленная политика Петра была по существу своему буржуазной, не дворянской [3]).

Все эти разногласия в общей оценке и характеристике русской экономической политики в первой четверти XVIII века требуют разрешения, а разрешение может быть обосновано лишь тогда, когда будет взвешен достаточный фактический материал, сюда относящийся.

Ужс в предшествующей главе приводились отчасти факты, свидетельствующие, что меркантилистская экономическая политика начата была Петром Великим еще в первый период его реформы: сюда относились порча монеты, казенные монополии, вроде соляной и табачной, иностранная торговля казны и т. д.; все это явления, достаточно характерные для системы меркантилизма.

---

[1]) *Павлов-Сильванский,* Проекты реформ, стр. 39.

[2]) *Stieda,* Peter der Grosse als Merkantilist: „Russische Revue“, т. IV, стр. 197; *Покровский,* Русская история.

[3]) *Покровский,* Русская история.

Обращаясь к более глубокому изучению вопроса, следует прежде всего отметить быстрое и широкое развитие внешней торговли России в первой четверти XVIII века. Вот важнейшие цифры, сюда относящиеся: в 1701 году, по словам де-Бруина, в Архангельск прибыло всего 103 иностранных корабля,—из них 50 голландских, 33 английских и 20 гамбургских, датских и бременских вместе [1]); этим тогда и ограничивалась вся морская торговля России с европейским западом; в 1722—23 годах в Петербург пришло 116 иностранных кораблей, в Ригу 231, в Нарву 115, в Ревель 62, в Выборг 28 [2]), всего, следовательно, 552 корабля—в $5^1/_2$ раз больше, чем двадцать с небольшим лет тому назад; в 1725 году в Петербург пришло 242 иностранных судна, в Нарву 170, в Ригу 386, в Ревель 44, в Выборг 72 и в Архангельск 12 [3]),—в общем итоге 926 судов, более, чем вдевятеро больше, чем в 1701 г., и даже по сравнению с 1722—23 годами получается увеличение почти на 68%.

Таков был рост европейской морской торговли. Отметим кстати, что едва ли можно согласиться с теми исследователями, которые объясняют рост морской торговли Петербурга тем, что правительством принимались особые меры покровительства этому порту [4]). Падение Архангельска объясняется принимаемым теми же исследователями [5]) положением о большей выгодности балтийской торговли сравнительно с беломорской. Что же касается довольно успешной конкуренции Петербурга с другими балтийскими портами, то она объясняется далеко не одними мерами особого покровительстна по отношению к новой столице, но и тем, что и доставка вывозных русских и ввозных иностранных товаров была ближе и дешевле для ряда областей России—для севера, востока, центра, Поволжья—через Петербург, чем через Ригу или Ревель. Иностранцы указывают недаром на слабость ревельской и нарвской торговли и на „дере-

---

[1]) Путешествие через Московию, стр. 29.
[2]) *Соловьев,* История России, т. XVIII, стр. 168.
[3]) *Покровский,* Рус. история, III, стр. 130.
[4]) Там же.
[5]) Там же, стр. 102.

венский“ характер торговли Выборга, куда из Карелии шли деревянный товар, деготь и масло [1]).

Но дело было не только во внешней торговле с Европой. Уже в 1699 г. русские выгодно торговали в Пекине [2]). Самоеды в Архангельске торговали с русскими мехами, кожами и лесом для постройки судов, а у русских покупали рожь [3]). Кочевые народы на восточной стороне Волги променивали русским скот, а от них покупали рожь, муку, железо, медь, котлы, ножи, платье и белье [4]). Продавая в Китай меха, русские покупали китайских товаров—золота, шелка и бумажных тканей—при Петре Великом на 300—400 тысяч рублей (3—3$^1/_2$ милл. на наши золотые деньги) в год, не считая еще торговли с китайцами в Урге, производившейся русскими купцами, при этом доставка китайских товаров стоила не более 5% их цены [5]). Калмыкам русские купцы привозили железный, медный и мелочной товар, а покупали у них съестные припасы и награбленные калмыками в Китае золото, серебро и драгоценности [6]). Из Персии привозились шелк и шелковые ткани [7]). В Крым украинские купцы возили пшеницу и съестные припасы, а вывозили оттуда виноград и фрукты [8]). В Колу иностранные купцы привозили соль для засола рыбы, а вывозили оттуда рыбу [9]). В 1717 году Волынский, будучи русским посланником в Персии, выговорил для русских купцов право свободно торговать во всей Персии и покупать шелк-сырец где угодно и сколько угодно [10]). Насколько значительна была русская торговля в местностях, находившихся в вассальной зависимости от шаха, видно из того факта, что когда лезгинские и казыкумыцкие владельцы восстали против персидского владычества, то в Шемахе в русских лавках разграблено было русских товаров на

---

[1]) *Фоккеродт,* Россия при Петре Великом, стр. 70.
[2]) *Соловьев,* История России, т. XIV, стр. 289.
[3]) *Перри,* Состояние России при нынешнем царе, стр. 42.
[4]) Там же, стр. 55—56.
[5]) *Фоккеродт,* Россия при Петре Великом, стр. 61—62.
[6]) Там же, стр. 64.
[7]) Там же, стр. 65.
[8]) Там же, стр. 66.
[9]) Там же, стр. 70.
[10]) *Соловьев,* История России, т. XVIII, стр. 34.

500 тысяч рублей, причем один только купец Евреинов потерял товара на 170 тыс. руб. [1]).

Что касается предметов внешней торговли, то из-за границы ввозились в Россию золото, шелковые и суконные материалы, саржа, золотые и серебряные изделия' кружева, канитель и разные краски, между прочим, индиго [2]). Из России вывозились поташ, кожи, в особенности юфть, полотно, лен, пенька, тюленьи кожи, ворвань (тюленье сало), канифоль, смола, деготь, сало, мед, воск, икра, рыбий клей, лес (дуб и сосна), меха [3]), деревянные ложки, каленые орехи [4]).

О росте внутренней торговли свидетельствуют, напр., результаты первой ревизии в 1724 году: тогда считалось в России 112.385 человек купцов [5]). Не только в столицах, но и в провинции были очень богатые купцы: вятский купец Шеин имел капитал в 100 тысяч рублей (около 1 миллиона на наши золотые деньги) [6]). Любопытное изображение русской внутренней торговли в ряде местностей России дает в своем „Путешествии через Московию" голландец, живописец де Бруин, сведения которого относятся ко времени между 1701 и 1708 годами. Изображение это, конечно, далеко не полно, наблюдения де Бруина случайные, беглые, сделанные, так сказать, с птичьего полета, и тем не менее, они достаточно характерны и показательны. По его словам, напр., в Верховажье, через которое он проезжал, „один раз в неделю бывает большой торг" [7]), в Волгоде „много лавок и торжище, где для каждого товара существует особый ряд" [8]), Данилов—„прекрасное и большое местечко, где ведется большая торговля" [9]), Строганов торговал лесом [10]), в имении графа Головина шла оживленная тор-

---

[1]) Там же, т. XVIII, стр. 41, 42.
[2]) Путешествие через Московию Корнилия де Бруина, стр. 30.
[3]) *Перри*, Состояние России при нынешнем царе, стр. 158.
[4]) *Соловьев*, История России, т. XVIII, стр. 168.
[5]) Там же, т. XVIII, стр. 165.
[6]) Там же, т. XVIII, стр. 191.
[7]) Путешествие через Московию, стр. 33.
[8]) Там же, стр. 34.
[9]) Там же, стр. 35.
[10]) Там же, стр. 160—161

говля хлебом [1]), в Инсаре были очень дешевы съестные припасы [2]). Проезжая между селом Вашки и Ростовом, де Бруин отмечает: „жители этой местности живут по большей части возделыванием чесноку и луку“ [3])—очевидно на продажу. В Ярославле „живет множество значительных купцов“ [4]), в Устюге Великом „множество русских купцов, и отсюда развозится большое количество зернового хлеба“ [5]). Что обслуживание рынка, работа на рынок имела уже большое, главное значение в хозяйстве, как и покупка чужих товаров,—на это указывают приходо-расходные книги такого, напр., северного монастыря, как Николаевский Карельский. Было бы большой ошибкой представлять себе его хозяйство в первой четверти XVIII века, как натуральное или близкое к натуральному. Монастырь покупал в Мезени точила, приобретал покупкой скипидар, часы, холст, вино, сальные свечи, железо, сахар, медную посуду, писчую бумагу, шелковые материи, пеньковые веревки, рожь, пироги, куличи, перец, угли, рейнское и французское вино, стаканы, икру, замки, слюду, нитки, чеснок, огурцы, лук, квас, меха, уксус, имбирь, мускатный орех, атлас, семгу, треску, сермяжное сукно (сотнями аршин), железо, воск, кожи, деревянное масло. Этот длинный перечень товаров, покупавшихся монастырем, сделанный здесь в том порядке, или, вернее, беспорядке, в каком они занесены в приходо-расходную книгу монастыря, дополняется столь же большим перечнем товаров, продававшихся монастырем: продавалась всякая одежда—верхняя и нижняя, рыба—сельди, семга, палтосина, треска, лен, пенька, порох, крашенина, сукно, холст, пиво, тресковый жир, соль. При этом рыба [6]) продавалась десятками пудов, а соль даже тысячами пудов.

Описанные сейчас явления в области торговых сношений—внешних и внутренних—достаточно характерны

---

[1]) Там же, стр. 166.
[2]) Там же, стр. 237.
[3]) Там же, стр. 261.
[4]) Там же, стр. 263.
[5]) Там же, стр. 273.
[6]) Неизданные приходо-расходные книги Николаевского Карельского монастыря—в моем собрании рукописей.

для меркантилизма. Еще характернее усиленные поиски ископаемых богатств, всякого рода руды, металлов и минералов.

Еще в 1700 году каждому желающему дозволено было искать руду всюду, где угодно, не стесняясь правами землевладельцев [1]). Медь добывалась на Урале [2]), в земле калмыков [3]), в кавказских владениях России, приобретенных Петром от Персии [4]), в Казанском крае [5]), железо—также на Урале. Между Симбирском и Самарой в Поволжье добывалась сера [6]), в области Устюга негашеная известь [7]), на севере и на Урале соль, в 150 верстах от Архангельска белый камень, из которого, как из алебастра, выделывались разные вещи [8]). Вообще, по выражению петровских „Ведомостей“ за 1719 год, „в государстве обретающиися металлы и минералы весьма изрядно выходили“ [9]).

Но, конечно, всего важнее с точки зрения меркантилизма поощрение и развитие обрабатывающей промышленности, индустрии, мануфактур всякого рода. Это, как известно, составляет типический признак меркантилизма высшей ступени, кольбертизма: только таким путем можно обеспечить уменьшение ввоза из-заграницы, из более передовых стран и, следовательно, установить благоприятный торговый баланс. Известно, что экономическая политика Петра Великого была последовательно-кольбертистской.

Она основами своими уходила в торговый капитализм Московской Руси, опиралась на торговые капиталы, тогда сложившиеся, но не только купеческие, а и дворянские: ведь и дворянство—класс, связанный с рынком, ведший оптовую торговлю и скопивший в своих руках значительные торговые капиталы.

---

[1]) *Соловьев*, История России, т. XIV.
[2]) Там же, т. XVIII, стр. 170.
[3]) *Фоккеродт*, стр. 64.
[4]) *Соловьев*, История России, т. XVIII, стр. 55.
[5]) „Ведомости“ времени Петра Великого, изд. 1902 г., т. I.
[6]) *Де Бруин*, стр. 173.
[7]) Там же, стр. 271.
[8]) Там же, стр. 277.
[9]) „Ведомости“ времени Петра В., т. II.

И способы привлечения капиталов, поощрения и развития мануфактур, и их результаты—характерны для меркантилистской, в частности, кольбертистской политики в области народного хозяйства. Остановимся сначала на способах покровительства и поощрения, чтобы потом нарисовать общую картину полученных результатов.

Элементарнейший, простейший способ содействия развитию русской обрабатывающей промышленности был унаследован Петром Великим от своих предшественников XVII века и даже более раннего отчасти времени и заключался в приглашении из-заграницы мастеров той или иной промышленной специальности для непосредственной работы в ней и для обучения русских. Широкое применение этого способа ведет свое начало от первого путешествия Петра заграницу в 1698 году. Тогда, по требованию одного из ближайших своих сотрудников по индустриальной части, Виниуса, Петр посылал к нему из Голландии иностранных железных мастеров [1]). Тогда же в Англии подряжены были для поездки в Россию 60 золотых дел мастеров, а в Голландии 100 [2]). В 1698 г. был приглашен обучать артиллерии, а потом горному делу нассау-зигенский уроженец де Геннин [3]), с деятельностью которого нам еще придется встретиться. В 1702 году Петр издал манифест о вызове иностранцев в Россию для развития торговли и промышленности [4]). В 1709 году приехавшему в Россию англичанину Лейду было поручено расширить существовавшие в Москве стеклянные заводы, увеличить их производство и выучить русских мастеров усовершенствованным способам выделки стекла [5]). В „Ведомостях“ 1719 года находим ряд известий о работе приглашенных из-заграницы иностранных мастеров: о том, что „чужестранных рудокопных мастеров призывать указано“, что „от французских мастеров изрядные шпалеры делаются, и многие русские люди тому делу обучаются“, что, наконец, из Стокгольма „мастеровые люди“ привезены в Петербург, и „повелено

---

[1]) *Соловьев,* История России, т. XIV, стр. 235.
[2]) Там же, т. XIV, стр. 237.
[3]) *Попов,* В. Н. Татищев и его время, стр. 37.
[4]) *Соловьев,* История России, т. XV, стр. 87.
[5]) *Павлов-Сильванский,* Проекты реформ, стр. 39.

каждому свое производить ремесло для размножения манифактур в государстве“ [1]). Некоторым более известным и искусным, выдающимся представителям иностранной индустриальной техники, приглашавшимся в Россию, платились большие деньги. Так, знаменитый механик и архитектор Леблон, строитель Петергофского дворца и устроитель сада и фонтанов в Петергофе, получал 45 тыс. рублей в год жалованья на наши золотые деньги [2]).

Другой способ поощрения индустрии заключался в посылке русских заграницу для обучения разным мастерствам. Правда, чаще русские учились дома, у приехавших в Россию иностранных мастеров, но иногда Петр прибегал и к посылке в заграничное обучение. Он сам, Меншиков и другие близкие к нему люди учились заграницей во время первого путешествия туда с большим посольством. Нами уже приводился выше также пример посылки заграницу для обучения в 1697 году комнатных стольников, между ними П. А. Толстого. Заграницей учились Неплюев, Кайсаров и их товарищи [3]), князь М. Голицын [4]), Иван Михайлович Головин — последний мало удачно [5]), Короткин для изучения писчебумажного дела [6]) и многие другие.

Нередко Петр практиковал третий способ содействия развитию фабричной промышленности: он состоял в учреждении на казенный счет и под казенным заведыванием фабрик и заводов и в передаче их потом в частные руки. Это в особенности было обычным по отношению к тем отраслям индустрии, которые необходимы были для государственных, главным образом военных, потребностей. Обо всех таких важных для казенных надобностей предприятиях Петр стал заботиться очень рано, с первых лет XVIII века. Сюда относились оружейные и горные заводы, суконные, полотняные и парусные фабрики. Ближайшая цель их учреждения ясна с первого взгляда: надо было снабдить армию и флот оружием,

---

[1]) „Ведомости“ времен Петра В., т. II.
[2]) *Ключевский*, Курс русской истории, ч. IV.
[3]) Записки И. И. Неплюева.
[4]) *Сивков,* Путешествие русских людей заграницу, стр. 60—61.
[5]) *Нартов,* Рассказы о Петре Великом.
[6]) *Павлов-Сильванский* Проекты реформ, стр. 40.

аммуницией, суконной одеждой, бельем, парусами. Производительность некоторых из этих фабрик и заводов была по тем временам иногда очень значительна. Так, Виниус в 1700 году в один год приготовил до 300 пушек [1]. По сообщению петровских „Ведомостей", в 1701 г. было вылито до 400 гаубиц и мортир [2], в 1719 г. в Петербурге „на Литейном дворе вылито пушек медных по новому маниру" 20 [3], а „на тульских оружейных заводах русские мастеры делают ружья, фузеи солдатские и драгунские, пистолеты, мушкатоны, стуцеры и сверлят и обтирают их водою весьма изрядно"; строились тогда и пороховые и селитряные заводы [4]. Де Геннин построил в 1712 г. петербургский Литейный двор, а в 1713 году управлял петровскими, повенецкими, кончезерскими заводами, „строил там суда, лил пушки, ядра, заготовлял оружие, якоря и балласт для балтийского флота" [5], устроил сестрорецкие заводы [6]. На Урале еще в 1701 г. был построен Каменский завод, в 1702 г. Унтусский, а до них, в 1699 году, древнейший из уральских заводов Невьянский, переданный в 1702 г. в руки Демидова [7]. Татищев в 1723 году основал Екатеринбург [8], в котором де Геннин устроил фабрики, превратив этот город в центр уральской промышленности [9]. Тот же де Геннин построил ряд новых заводов на Урале—Верхнеунтусский, Ягошихинский, Сысертский, Синячихинский, Лялинский; по его поручению, Татищев построил Пыскорский завод [10]. На Унтусском заводе в 1724 г. выплавлено было до 1.500 пудов меди, а на Алапаевских заводах в 1720 г. 10.094 пуда железа и 1.730 пудов литья военных припасов и котлов. Никита Демидов в том же году сковал свыше 140.500 пудов железа на своих заводах [11].

---

[1]) *Соловьев,* История России, т. XIV, стр. 320.
[2]) „Ведомости" времен Петра В., т. I.
[3]) Там же, т. II.
[4]) Там же, т. II.
[5]) *Попов,* Татищев и его время, стр. 170.
[6]) Там же, стр. 37.
[7]) Там же, стр. 35.
[8]) *Соловьев,* История России, т. XVIII, стр. 170.
[9]) *Попов,* Татищев, стр. 44.
[10]) Там же, стр. 43.
[11]) *Соловьев,* История России, т. XIV, стр. 170; *В. Рожков,* Деятельность В. Н. Татищева на уральских заводах, Спб. 1884, стр. 32—44

В связи с этим третьим способом развития фабричной промышленности при Петре находился четвертый: казна ссужала частных лиц капиталами без процентов или за ничтожные проценты с обязательством устроить на эти ссудные и собственные капиталы новые фабрики и заводы [1]). На этих условиях отданы были, напр., Лейду существовавшие в Москве стеклянные заводы для расширения на них производства и усовершенствования техники выделки стекла [2]). С этою целью Петр даже выписывал новые материалы и орудия производства из-заграницы на казенный счет: так, в 1712 году выписаны были „припасы к стеклянному делу“ [3]). Так же устроены были в 1710 и 1712 годах бумажные фабрики, и в 1714 и 1718—шелковые [4]).

Четвертый способ, каким пользовался Петр для покровительства индустрии, состоял в различного рода привилегиях фабрикантам и заводчикам: в свободе от государственной службы и податей, в покупке товаров казной с целью обеспечения их сбыта, в запрещении ввоза иностранных товаров, которые могли бы конкурировать с русскими, в покровительственной тарифной политике, наконец, даже в установлении монополии по производству тех или иных товаров. Так, напр., был запрещен ввоз в Россию каразей (шерстяной материи особого сорта). В 1724 году издан был таможенный тариф с весьма высокими ставками ввозных пошлин на иностранные товары: ставки эти равнялись для одних товаров 25% их цены, для других 50%, для третьих даже 75%. Компания Шафирова и Толстого, к которым потом присоединился Апраксин, получила монополию на производство изделий: шелковых, бархатных и парчевых [5]). Последний из этих фактов важен в двух отношениях: с одной стороны, он указывает на то, что монополии давались только на такие товары, которые являлись предметами роскоши, а не первой необходимости; с другой—мы находим здесь яркое свидетельство о том, что фа-

---

[1]) *Туган-Барановский*, Русская фабрика, т. I.
[2]) *Павлов-Сильванский*, Проекты реформ, стр. 39.
[3]) Там же, стр. 40.
[4]) Там же, стр. 40.
[5]) *Туган-Барановский*, Русская фабрика, т. I.

брики устраивались не только купечеством, но и дворянством: нельзя торговый капитализм отожествлять с одним купечеством.

Наконец, Петр применял еще пятое средство поощрения фабричной индустрии, совершенно необходимое и неизбежное по условиям того времени: в 1721 году он издал закон, установивший право фабрикантов и заводчиков не дворян, т.-е. не имевших права владеть крестьянами,—приобретать крестьян к фабрикам и заводам, которыми они владели [1]). Это приобретение крестьян к фабрикам и заводам, приписка их к индустриальным предприятиям создавала особые условия, существенно отличавшие их положение от положения крепостного крестьянства, принадлежавшего дворянам. Положение крестьян, приписанных к фабрикам и заводам, отличалось тем, что, во-первых, они считались крепкими не владельцу, были прикреплены не к его личности, а к фабрике, т.-е. могли отчуждаться (продаваться, закладываться) и передаваться по наследству только вместе с фабрикой, а не отдельно от нее; с другой стороны, владелец таких крестьян, приписанных к фабрике, не имел права употреблять их на другие работы кроме фабричной, так что они были крепостными специального назначения. По всем этим причинам крестьяне, приписанные к фабрикам и заводам, получили особое название—поссесионых крестьян. Необходимость создания таких рабочих, прикрепленных к фабрикам, диктовалась господством крепостного права, исключавшим возможность получить достаточное количество вольнонаемных рабочих. Недаром петровские „Ведомости“ 1719 года, констатируя тот факт, что в России „шелковые, штофные, лентовые и чулошные, такожде и шерстяные манифактуры в добром порядке происходят“, могли заметить, что для всех этих „манифактур“ всего только „двести человек охотных ребят для науки записалось“ [2]).

Таковы были многочисленные, разнообразные и чрезвычайно типичные для совершенно зрелого, развитого меркантилизма способы, какие применялись в России для

---

[1]) Там же.

[2]) „Ведомости“ времени Петра В., т. II

насаждения и развития фабричной промышленности при Петре Великом. При их наличности сдва ли может существовать сомнение в планомерной, а вовсе не случайной и бессистемной, меркантилистской экономической политике. Петр Великий был меркантилистом, очевидно, не в меньшей степени, чем, напр., Кольбер.

Этот вывод подкрепляется и результатами промышленной политики Петра.

В конце царствования Петра Великого в России считалось уже 233 фабрики[1]),—фабричное производство стало массовым, как при Кольбере во Франции. Некоторые из фабрик и заводов того времени были притом очень крупными; девять уральских казенных горных заводов имели в совокупности 25 тысяч человек рабочих, на Сестрорецком оружейном заводе было около 700 рабочих, в тульском—также оружейном—500, на казенной парусной фабрике в Москве более 1.000 человек, на московской суконной фабрике Щеголева более 700, столько же на суконной фабрике Микляева в Казани, 800 рабочих было на московской полотняной фабрике Тамеса и т. д.[2]).

Технически русская фабрика петровского времени была не болес, как большая мануфактура. Но не надо забывать, что так было в то время во всей Европе, не исключая и Англии. Притом мануфактура русская тогда, повидимому, если не всегда, то большею частью уже не отставала по своим изделиям от иностранной. Вот как, напр., описывает камер-юнкер герцога голштинского Берхгольц большую полотняную фабрику Тамсена: „я должен признаться, что никак не ожидал, чтобы хозяин фабрики мог устроить здесь такое заведение и привести его в столь цветущее состояние. Оно имеет сто пятьдесят ткацких станков, за которыми работают почти исключительно одни русские, и производит все, чего только можно требовать от полотняной фабрики, т.-е. все сорта полотна от грубого до самого тонкого, прекрасные материи для скатертей и салфеток, тонкий и толстый тик, простыни, как узкие, так и необыкновенно

---

[1]) *Соловьев,* История России, т. XVIII, стр. 182.
[2]) *Туган-Барановский,* Русская фабрика, т. I.

широкие, тонкие канифасы для камзолов, цветные носовые платки и множество других подобных вещей“ [1]).

Как и всякий последовательный меркантилист, Петр не ограничивал сферы своей покровительственной политики одной только торговлей и обрабатывающей фабричной промышленностью; он простирал свою хозяйственную опеку и далее—на ремесло и кустарную промышленность, а также и на сельское хозяйство в его различных разветвлениях.

Для развития ремесла он устроил цехи, о которых нам в свое время еще придется говорить в другой связи. Покровительство деревенской кустарной промышленности выразилось в том, что Петр выписал заграничных мастеров, которые выучили прядению и ткачеству подгородных жителей Архангельска [2]). Вообще в эпоху Петра кустарная промышленность, расчитанная на обширный национальный и даже отчасти мировой рынок, неуклонно развивалась: в Гжели процветало глиняное и деревянное производство, в Касимовском уезде успешно шла выделка лаптей, находивших широкий сбыт, в Елатомском уезде добывали мочало, на Ветлуге делали рогожи, вывозившиеся через Архангельск в Англию; в начале XVIII в. на важскую Благовещенскую ярмарку свозились на продажу крестьянские сукна и холст [3]).

Развитие сельского хозяйства нашло себе выражение также в ряде крупных и ярких фактов. Еще в 1700 и 1701 годах Петр предписывал азовскому губернатору Толстому и астраханскому коменданту разводить виноград, а в 1711 г. писал Григ. Фед. Долгорукову: „извольте выписать из венгерской земли несколько виноградных череньев или кореньев (что лучше) для разводу в Азову, ибо хотя там виноград и есть, да не таков“. Это было скоро затем приведено в исполнение [4]). В 1713 г. издан указ о разведении табачных плантаций в России по голландскому образцу, затем выписаны были мастера из

---

[1]) Дневник Берхгольца, ч. II, стр. 63 и след.

[2]) *Туган-Барановский,* Рус. фабрика, т. I.

[3]) *Мякотин,* Попытка общей истории рус. фабрики: „Рус. Бог.“ за 1899 г., № 1, стр. 19.

[4]) *Павлов-Сильванский,* Проекты реформ, стр. 40.

Голландии и семена английского и голландского табака [1]). В 1715 г. запрещен вывоз льняного и конопляного семени и предписано увеличивать посевы льна и конопли [2]). В 1720 г. на Ахтубе купец Духов завел шелководство [3]). В Малороссии Петр поощрял овцеводство [4]), а „Ведомости" 1719 года писали: „во многих губерниях новые заведены овчарные заводы, при которых чужестранные овчары нашей нации людей обучают, каким образом оные содержать овцы, от которых бы добрая шерсть в манифактуре обретатися могла, и не токмо на заводах оную велено производить, но и крестьяном собственных их овец велено таким же порядком содержать, чего ради для обучения людей с заводов во все государство велено разослать" [5]). Теперь, когда стало известно, как мы отметили выше, что холмогорский скот разведен был еще до Петра, в XVII веке, нельзя приписывать ему это улучшение скотоводства, но, несомненно, он прилагал усилия к тому, чтобы дело это не заглохло.

Сама цель всех экономических реформ Петра Великого характерна для системы меркантилизма: конечно, развивая хозяйство, он ближайшим образом имел в виду казенный, государственный интерес. Обогатить народ надо было только для обогащения казны. И потому податной пресс нажимался все больше и сильнее: за все время царствования Петра податное обложение утроилось, а население уменьшилось на 20% [6]). Достигнуть увеличения государственного дохода втрое при убыли населения на одну пятую часть можно было лишь тогда, когда преобразовано было хозяйство, увеличены производительные силы страны: экономическая политика таким образом повелительно диктовалась финансовыми нуждами.

---

[1]) Там же, стр. 41.
[2]) Там же, стр. 41.
[3]) *Семевский,* Очерки из истории приписных крестьян в XVIII в.: „Русск. Мысль" за 1901 г., июнь, стр. 3.
[4]) *Соловьев,* История России, т. XVIII, стр. 181.
[5]) „Ведомости" времени Петра В., т. II.
[6]) *Милюков,* Гос. хоз.

III.

Финансовая реформа.

Если для целей улучшения государственного хозяйства, для уничтожения дефицита и сведения концов с концами понадобилась энергичная экономическая политика в духе меркантилизма, то ею еще не решена была финансовая проблема. Необходимы были преобразования в самой системе государственного обложения.

Чтобы понять, как к нам пришло правительство Петра Великого, надо познакомиться с некоторыми основными чертами государственного хозяйства России после 1710 года, когда перепись дала убыль населения.

Констатировав эту убыль, правительство, однако, и не подумало об облегчении податного бремени. Война продолжалась, и надо было покрывать растущие расходы. Поэтому пришлось создать новые, фиктивные цифры дворов для получения с них повышенных налогов. Это и сделано было так: где цифры переписи 1710 года были выше цифр переписи 1678 г., там сохранены были первые; напротив, цифры 1678 г. были сохранены там, где они оказались выше цифр 1710 года. „Таким образом правительство старалось комбинировать выгодные для себя цифры обеих переписей“ [1]).

На этом дело не остановилось, однако, и не могло остановиться Надо было как-нибудь уничтожить фикцию и приблизиться к реальности. Мы видели выше, что составители проектов подали правительству мысль об утайке и обманах со стороны населения во время производства самой переписи. Отсюда вытекала необходимость повторения переписи при новой, более тщатель-

---

[1]) Там же.

ной ее организации. Обязанность произвести новую подворную перепись была возложена на ландратов, почему и самая перепись носит название ландратской.

Указ о ландратской переписи был издан 10 декабря 1715 года, причем особенно подчеркивалась необходимость самым внимательным образом следить за тем, чтобы не было утайки и поноровки. Результаты переписи предписывалось прислать в канцелярию сената. В течение 1716 и 1717 годов не поступило от ландратов ни одной переписной книги. В 1718 и 1719 годах книги поступали в сенат от ландратов так медленно, что к началу 1720 года целая половина ландратов оказалась еще не выполнившей возложенной на них обязанности. К июлю 1720 года, лишь после предписания сената губернаторам выслать неисправных ландратов в Петербург скованными и под караулом, присланы были все переписные книги губерний Московской, Архангелогородской и Смоленской. Другие губернии прислали книги с недостачей описания некоторых ландратских долей, а из Сибирской губернии не было прислано ни одной переписной книги. Этим и закончилась присылка книг ландратской переписи.

Перепись таким образом оказалось неполной. В этом был первый важный ее недостаток. В глазах правительства, для которого интересы фиска, увеличение государственных доходов было всем, ландратская перепись имела и еще другой важный дефект: и она не дала ожидаемых и желаемых результатов, обнаружила снова не прибыль, а убыль населения, а там, где, как в Московской и Петербургской губерниях оказалась даже прибыль населения, — количество дворов все же уменьшилось [1]).

Итак, воспользоваться ландратской переписью для цели увеличения подворного обложения оказалось невозможным. Но зато она дала аргумент против самого подворного обложения и в защиту обложения подушного, за которое стояли, как нам уже известно, многие соста-

---

[1]) Там же. Несколько оптимистичнее, но в общем так же, смотрит на результаты переписи и новейший исследователь: *Клочков,* Нас. России, стр. 422.

вители проектов. Преобразование податной системы, изменение окладной единицы стало таким образом совершенно неизбежным и выдвинулось на первую очередь [1]).

Решение перейти к подушному обложению было принято и оглашено еще в конце 1718 года. Подушная перепись, первая ревизия была установлена указом сената 22 января 1719 года. Надо, однако, заметить, что в этом указе не были точно определены ни круг лиц, подлежащих переписи, ни форма „сказок", т.-е. показаний о числе податного населения, ни порядок производства переписи и сбора ревизских сказок [2]). Все эти пробелы в законодательстве были заполнены позднее, во время хода переписи.

Перепись подвигалась медленно, с большими затруднениями и задержками, вызывавшимися, как трудностью самого дела, так и указанными сейчас пробелами в законодательстве, руководившем ее ходом. К половине октября 1719 года присланы было только 703 сказки всего лишь из трех уездов. Пришлось не раз посылать дополнительные сенатские указы с угрозами рассылать гвардейцев для побуждения к ускорению дела. В январе 1720 года сказки доставлены уже из 74 уездов. Но в них помещики и их управляющие вносили только крестьян, не вносили дворовых. Поэтому издан был указ 5 января 1720 г. с предписанием вносить в перепись и дворовых, и церковных причетников, кроме попов и дьяконов. Почти все сказки доставлены были только к началу 1721 г., но пополнительные сказки продолжали поступать в течение всего 1721 г., тем более, что правительство продолжало расширять круг лиц, подлежащих внесению в перепись: так, 16 февраля 1721 г. Петр указал брать сказки и на посадских и разночинцев. Сбор сказок закончен был в 1722 году. Но надо было еще произвести их проверку [3]).

Точная цифра душ мужского пола, подлежащих подушному обложению определилась только в 1724 году и

---

[1]) *Милюков,* Гос. хоз.

[2]) *Клочков,* Очерк подушной переписи при Петре В.: „Ж. Мин Нар. Пр." за 1915 г., январь, стр. 117—118.

[3]) Там же, стр. 119—140.

составила 5 миллионов 570 тысяч [1]). Результаты оказались более благоприятными, чем в предыдущие переписи, но главной причиной этого было не увеличение населения, а строгость регистрации всех платежных групп [2]).

Подушная подать имела специальное назначение: она должна была идти на содержание армии. Поэтому необходимо было вычислить расход на армию. В начале 1720 года этот расход был определен в 4 миллиона рублей в год. Так как тогда точная цифра подлежащего подушному сбору населения не была еще определена, то исходили из предположительной цифры 5 миллионов душ и, разделив 4 миллиона руб. на 5 миллионов, получили подушный оклад в 80 коп. Оклад этот был уменьшен до 74 коп., когда точная цифра душ мужского пола была определена в 1724 г. [3]).

Подушной подати подлежали, как известно, все лица мужского пола без различия возраста — от новорожденных младенцев до дряхлых стариков, — принадлежащие к числу крестьян, задворных людей, дворовых, посадских, причетников, однодворцев, разночинцев и вольных гулящих людей. С государственных крестьян и однодворцев собиралась еще оброчная подать — по 40 к. с души, а с посадских людей по 1 р. 20 к. с души, причем эта оброчная подать должна была заменить все сборы, поступавшие с дворового числа, все подворные подати [4]).

Так произведено было, наконец, при Петре Великом решительное преобразование финансовой системы податного обложения. Каковы же были результаты этого преобразования в области чисто финансовой, в государственном хозяйстве России к концу первой четверти XVIII века?

Доходный бюджет государства вследствие произведенной реформы увеличился до $8^1/_2$ миллионов рублей в год. Так как доход казны в 1680 г. простирался до $1^1/_2$ милл., в 1701 г. до 3 миллионов, а в 1724 г. до $8^1/_2$ милл. [5]), и так как рубль второй половины XVII в.

[1]) *Милюков,* Госуд. хозяйство.
[2]) Там же.
[3]) Там же.
[4]) Там же.
[5]) Там же.

равнялся нашим 17-ти золотым рублям, а рубль первой четверти XVIII в. 10 рублям, то, при переводе на наши золотые рубли, получим для 1680 г. $25^1/_2$ милл., для 1701 г. 30 милл., а для 1724 г. 85 милл. рублей. Увеличение дохода таким образом получается огромное.

Увеличившийся доходный бюджет дал возможность покрыть дефицит и даже получить избыток доходов сравнительно с расходами [1]). Финансовый кризис был разрешен, следовательно, благополучно.

Но достигнуто это было старыми, московскими, а не новыми европейскими способами: не шведским и общеевропейским принципом единства кассы, а древне-русской специализацией сборов,—назначением каждого из них на известный, определенный расход [2]).

К тому же этот благоприятный финансовый результат достигнут был дорогой ценой страшного обременения населения государственными платежами: „ценою разорения страны", точнее, главной массы трудящегося большинства населения,—„Россия была возведена в ранг великой европейской державы" [3]).

---

[1]) Там же.
[2]) Там же.
[3]) Там же.

IV.

Преобразования в устройстве общества.

Ни в какой другой отрасли преобразовательной деятельности Петра связь ее с предшествующим временем не была с первого же взгляда так ясна, как в области преобразований в устройстве общества. И прежде всего это видно из общей характеристики социальной реформы. Совершенно ясно, что эта реформа сохранила от прошлого два основные начала, проникавшие собою социальный строй Московского государства,—принцип сословности и принцип крепостничества. Крепостные сословия — вот основное, главное определяющее начало и московского общества XVI и XVII веков и России первой четверти XVIII века. Мы уже знаем, почему так случилось: России и новому ее правящему классу необходимо было сделать колоссальные усилия, огромный скачек, чтобы от отсталого, недоразвитого феодализма перейти к торговому капитализму. Только крепостной строй помог справиться с этой гигантской задачей. Дворянство оказалось достаточно зрелым для того, чтобы, закрепощая в своих интересах и в интересах строящейся дворянской государственности другие сословия, закрепостить и себя временно, в переходный период, в критическую, революционную эпоху. При Петре Великом дворянству предпредстояло сделать последнее, окончательное, особо напряженное усилие, чтобы, наконец, совершенно овладеть положением, стать действительно правящим классом. Это заставило напрячь крепостничество до последней, крайней степени и определило целый ряд подробностей того социального строя, который получился в результате реформы Петра. Эти подробности имеют таким образом огромный интерес, требуют пристального

внимания и должны быть уяснены в их важнейших проявлениях.

Начнем с дворянского сословия и прежде всего с его деления.

Дворянство Московской Руси делилось на чины—думные, столичные и городовые или провинциальные. Это деление было результатом сочетания двух начал—породы или знатности и службы, заслуги и выслуги, причем первое, хотя и отступало все более перед вторым, но не исчезло окончательно до Петра. Эти старые чины не были уничтожены каким-либо указом. Только в 1695 г. велено было не возводить в стольники, стряпчие и дворяне московские, а в 1701 и 1703 годах отменено возведение в жильцы [1]), т.-е. по закону прекращено увеличение числа лиц, носящих столичные, московские недумные чины. Но это и все, что сделано было формально для отмены старых чинов. Политика правительства по данному вопросу заключалась не в формальной, законодательной отмене старых чинов, а в фактическом прекращении пожалования их, возведения служилых людей по традиционной московской служебной лестнице. Последними примерами пожалования старых чинов были возведение П. М. Апраксина в бояре в 1709 году и пожалование окольничества Юшкову в 1711 году [2]). Не пополняясь новым составом, старые чины просто вымирали, исчезали из житейского и правительственного обихода со смертью их носителей. Последний боярин князь Трубецкой умер в 1750 году, последний окольничий князь Щербатов упоминается в 20-х годах XVIII века, думные дворяне были еще в 1718 году, последний стольник в Москве Челищев назван еще в 1740 г., но в смоленском дворянстве стольники значатся еще в 1756 году, последний стряпчий упомянут в 1739 году [3]). Правительство не дало даже себе труда ни уничтожить формально старые чины, ни переименовать их в новые: они просто отмерли сами, как ненужность, простой пережиток прошлого, потерявший свой смысл и значение.

---

[1]) *Романович-Славатинский,* Дворянство в России, стр. 9.
[2]) Там же, стр. 9.
[3]) Там же, стр. 6, 7.

Петр Великий Табелью о рангах, изданною 24 января 1722 года, установил деление дворянства на новые чины,—именно на 14 классов. I класс составлять должны в военной службе генерал-адмирал (морской чин), генералиссимус и фельдмаршал (сухопутный чин), а в гражданской канцлер; II класс соответственно адмирал, полный генерал (от артиллерии, кавалерии и инфантерии) и действительный тайный советник; III класс вице-адмирал, генерал-лейтенант и тайный советник; IV— контр-адмирал, генерал-майор, действительный статский советник; V капитан-командор, бригадир и статский советник; VI—капитан 1 ранга, полковник и коллежский советник; VII—капитан 2-го ранга, подполковник и надворный советник; VIII—флота капитан-лейтенант, артиллерии капитан 3 ранга, майор и коллежский ассесор; IX—флота лейтенант, артиллерии капитан-лейтенант, капитан или ротмистр в армии, титулярный советник; X—класс—артиллерии лейтенант, штабс-капитан или штабс-ротмистр и коллежский секретарь; XI—сенатский секретарь в гражданской службе (в военной—морской и сухопутной—нет чина XI класса); XII класс—флота мичман, поручик и губернский секретарь; XIII—артиллерии констапель, подпоручик и сенатский регистратор; наконец, XIV класс не имел представителя в морской службе, в военной сюда относились прапорщик или корнет, а в гражданской коллежский регистратор [1]).

Основа этого деления—служба: по выражению законодателя тем принадлежат чины и связанная с ними честь, кто служит, „а не нахалам и тунеядцам“, почему лица служащие не только имеют право, но и обязанность блюсти свою чиновную честь, и если бы не выполнили этой обязанности и не потребовали надлежащей им по рангу почести в церкви, в придворных церемониях, при аудиенциях послов, торжественных столах, чиновных съездах, браках и крещениях, „и сим подобных публичных торжествах и погребениях“, то подлежали бы штрафу [2]). Служба понималась притом в двух смыслах—

---

[1]) Полное Собрание Законов, № 3890.

[2]) Там же, пункт 3

в смысле выслуги лет и в смысле особых заслуг [1]): открывалась дорога таланту, личным способностям и энергии. Знатность без службы отрицается как основание для получения чина. Об этом свидетельствует следующее положение Табели о рангах: „сыновьям Российского государства князей, графов, баронов, знатнейшего дворянства, такожде служителей знатнейшего ранга хотя мы позволяем для знатной их породы или их отцов знатных чинов в публичной ассамблеи, где двор находится, свободный доступ пред другими нижнего чина и охотно желаем видеть, чтоб они от других во всяких случаях отличались, однако ж мы для того никому какого ранга не позволяем, пока они нам и отечеству никаких услуг не покажут и за оные характера не получат“ [2]).

Однако, уже здесь принимается во внимание „знатная порода“ или „знатные чины отцов“. Следовательно, принцип происхождения знатности породы не исключается из деления дворянского сословия: дворянство состоит не только из лиц, имеющих один из чинов 14-ти классов,— сюда же, к дворянству, принадлежат и неимеющие чина дворяне знатного происхождения: это—пятнадцатый разряд дворянства. Он указывает, что происхождение дворянского достоинства имеет своим источником не только личную службу, но и службу и заслуги предков. Дворянство, господствующее сословие эпохи торгового капитализма, проторяя до известной степени дорогу для личных способностей и талантов, в то же время, являясь общественной группой, промежуточной между старой феодальной аристократией и буржуазией, не могло совершенно отречься и от принципа происхождения и только нашло здоровую с точки зрения интересов дворянской государственности меру соблюдения этого принципа. Мера эта станет для нас вполне ясной, если мы примем во внимание еще два положения Табели о рангах.

Первое гласит вот что: „все служители российские или чужестранные, которые 8 первых рангов находятся или действительно были,—имеют оных законные дети и

---

[1]) Там же, пункт 14.
[2]) Там же, пункт 8.

потомки в вечные времена лучшему старшему дворянству во всяких достоинствах и авантажах равно почтены быть, хотя б они и низкой породы были и прежде от коронованных глав никогда в дворянское достоинство произведены или гербом снабдены не были"[1]).

Здесь уравниваются не только чины первых восьми классов, но и их потомство — последнее уже независимо от его службы и чинов—со всем, даже знатнейшим дворянством. Иначе устанавливается наследственность, потомственность дворянского звания не старого, а выслуженного. Это—признание принципа знатности, но с большим его ограничением.

Второе положение также признает этот принцип с ограничением по адресу знатных дворян, но вместе с тем проводит очень определенную границу между дворянами потомственными и личными; не всякую выслугу и заслугу ценит в высшей мере, а только ту, которая повела к достижению высших чинов, начиная с 8-го класса. Вот это положение: „воинским чинам, которые дослужатся до обер-офицерства не из дворян, то когда кто получит вышеписанной чин, оной суть дворянин и его дети, которые родятся в обер-офицерстве; а ежели не будет в то время детей, а есть прежде, и отец будет бить челом, тогда дворянство давать и тем, только одному сыну, о котором отец будет просить. Прочие же чины, как гражданские, так и придворные, которые в рангах не из дворян, оных дети не суть дворяне"[2]).

Итак, Табель о рангах разделила дворянство на 14 разрядов по службе, ввела 15-й разряд дворян, чинов не имеющих, и, кроме того, различила два разряда дворян— потомственных и личных.

Что касается вопроса о приобретении дворянства, то это вопрос почти полностью освещен уже приведенными текстами: приобретение было возможно, как мы видели, путем рождения от потомственного дворянина и посредством службы. К этим двум источникам дворянского состояния надо прибавить еще третий, также установленный Табелью о рангах: это — пожалование от госу-

---

[1]) Там же, пункт 11.
[2]) Там же, пункт 15.

даря независимо от службы [1]). Табель о рангах прямо указывает на право монарха „в дворянское достоинство гербом и печатью пожаловать“ [2]).

На дворянстве, оставшемся крепостным и при Петре Великом, лежала попрежнему обязанность или повинность службы—военной и гражданской,—начинавшейся с 15-летнего возраста. Уклонение от службы строго преследовалось, и для пресечения его часто устраивались смотры дворянским недорослям. Смотры производились то самим Петром, то сенатской канцелярией, то местным начальством [3]). Так, в 1704 г. сам Петр произвел в Москве смотр 8.000 недорослей, среди которых было не мало молодых князей, определенных при этом в солдаты гвардии [4]). В 1712 г. вызваны были дворянские недоросли в Москву, в сенатскую канцелярию, откуда они были отправлены на смотр в Петербург, и младшие назначены учиться мореплаванию в Ревеле, средние с той же целью отправлены в Голландию, а старшие взяты в солдаты [5]).

Дворянство тяготилось службой и всячески старалось ее избыть, избегнуть, уклониться от нее. Поэтому частым явлением было „нетство“, отсутствие на смотрах и службе. Поэтому Петр строго преследовал нетство. В 1714 году всякому, кто донесет на нетчика, хотя бы то был его собственный крепостной, обещано было пожалование всего имения виновного. По указу 11 января 1722 г. не явившийся на смотр подвергался „шельмованию“, т.-е. политической и гражданской смерти: он был вне закона, всякий мог его обидеть и даже убить безнаказанно; имя его, напечатанное, торжественно прибивалось к виселице палачом; за поимку и привод такого нетчика обещана была половина его движимого и недвижимого имущества [6]).

Но к военной службе, хотя и не столь тяжелой и непрерывной, как при Петре Великом, дворянство все же

---

[1]) *Романович-Славатинский,* Дворянство в России, стр. 28.
[2]) Полное Собр. Зак., № 3890, п. 16.
[3]) *Романович-Славатинский,* Дворянство в России, стр. 121.
[4]) *Ключевский,* Курс русской истории, IV, стр. 95.
[5]) Там же, стр. 95—96.
[6]) Там же, стр. 96.

привыкло по старой традиции. Оно, однако, совсем не привыкло к новой гражданской службе, которую считало и трудной и не соответствующей дворянскому достоинству. Поэтому и здесь необходимыми оказались серьезные меры побуждения, опять подчеркивавшие крепостной характер дворянского сословия, преобладание обязанностей над правами.

Петр предписывал не ставить в укоризну дворянину прохождение им гражданской службы. Заботясь о том, чтобы военная служба дворян отправлялась исправно, правительство требовало, чтобы в гражданской службе служило не более трети всех дворян, и в то же время стремилось набрать достаточное число дворян в административные и судебные учреждения. Было указано, чтобы при каждой коллегии для обучения канцелярскому делу были по шести или семи человек дворянских детей; но в 1724 г. оказалось, что их в коллегиях мало, в некоторых ни одного; поэтому предписано было специально набрать 100 человек дворян и определить их в коллегии [1]).

Изданный в 1714 году закон о единонаследии, о котором у нас еще пойдет речь впереди, дал как будто некоторую возможность части дворянства — и притом значительной—уйти от дворянской службы: „кадеты", т.-е. младшие сыновья или вообще те из сыновей, которые не получили в наследство от отца недвижимости, могли, по достижении 40-летнего возраста, поступать в священники и в купечество или „посвящать себя какому-нибудь художеству" [2]). Но, как видно из этого указа, такая возможность наступала лишь с 40-летнего возраста. На практике это совсем не имело значения, тем более, что и закон о единонаследии продержался недолго и фактически постоянно обходился, не выполнялся дворянами.

Новая служба — гражданская и военная — требовала образования. Отсюда вышла новая повинность, тяжелая обязанность, наложенная Петром на дворянство—повинность учиться. С этою целью, как нам уже известно,

[1]) *Романович-Славатинский,* Дворянство в России, стр. 136—137.
[2]) Полное Собрание Законов, № 2789.

дворянских детей посылали заграницу. Но так как родители им нередко посылали туда много денег, и молодые дворяне больше поэтому гуляли и развлекались, чем учились, то Петр в 1710 г. запретил посылать им деньги помимо Адмиралтейского приказа. В 1714 г. в архиерейских домах и при монастырях предписано было учредить школы для дворянских детей с целью обучения их цыфири (арифметике) и некоторым начаткам геометрии; при этом дворянину, не обучившемуся в такой школе или не сдавшему соответствующего экзамена, запрещалось жениться. Дети знатных дворян, под опасением штрафа, вызывались правительством для обучения в школы в Петербург. При гвардейских полках также учреждены были школы для обучения малолетних дворян, записанных в полки [1]).

Для выполнения дворянами сложных и трудных обязанностей, на них лежавших, необходимы были и определенные сословные права. При этом характерно, что такие права, которые мало имели отношения к обязанностям дворянства, прежде всего к его службе,—были мало развиты. Сколько-нибудь развитыми оказались лишь права, обеспечивавшие отбывание службы дворянином.

Поэтому зачаточными, зародышевыми были привилегии дворянства по государственной службе: их развитие было впереди, когда дворянство освободилось от обязательной службы. При Петре же, напр., производство в чины по службе не сопряжено было ни с какими преимуществами для дворян: и дворяне и недворяне одинаково, раз они служили, производились в чины с 1719 г. баллотированием, а с 1726 г. по старшинству выслуги [2]). Некоторый слабый проблеск будущих служебных привилегий дворянства можно усмотреть разве только в указе 1724 г., которым предписано было в секретари не из дворян без крайности не определять [3]).

Весьма слабым надо признать также зародыш судебных привилегий дворянства, находимый в Воинском уставе Петра Великого: там пытка для дворян назначалась

---

[1]) *Романович-Славатинский,* Дворянство в России, стр. 170—171.
[2]) Там же, стр. 217.
[3]) Полное Собр. Зак., № 4449.

только при важнейших преступлениях,—именно при преступлениях государственных и при убийстве[1]).

Иное дело—право землевладения. Землей обеспечивалась служба, земля была очень важным основанием служебной годности. Укрепление и расширение землевладельческого права дворянства было необходимо с точки зрения отбывания дворянством его основной, служебной обязанности. Нам известно уже, что оно подготовлялось и раньше, в XVII веке: поместья сближались с вотчинами, поместное землевладение мало-по-малу усваивало черты землевладения вотчинного, т.-е. помещики приобретали право отчуждения земли. Это было к тому же необходимо и в хозяйственных интересах с развитием торгового капитализма, денежного или товарного хозяйства, расчитанного на обширный рынок. В этом отношении Петру Великому оставалось только завершить, закончить тот естественный процесс сближения поместий с вотчинами, который начался до него.

И он это сделал, но не случайно и характерно, что произведенная им попытка была чрезвычайно своеобразна и вовсе не заключалась в том, чтобы превратить поместья в вотчины. Именно крепостной характер эпохи продиктовал здесь такие законодательные нормы, которые, уничтожая устаревшее поместье, наложили новые крепостные запреты и стеснения на дворянское землевладение, на недвижимую собственность дворян.

И новые освободительные, и старые, но в новой форме крепостнические начала в сфере дворянского землевладения нашли себе полное и яркое выражение в знаменитом указе о единонаследии 23 марта 1714 года.

Цель этого указа—создать неотчуждаемость—неделимость дворянской недвижимой собственности, разумея под последней одинаково и вотчины и поместья, слитые теперь воедино. Эта замена вотчин и поместий единой дворянской недвижимостью—новое освободительное начало, завершающее процесс, начавшийся раньше. Неотчуждаемость и неделимость—начала крепостнические.

Сущность указа 23 марта 1714 г. заключается в следующем: 1) недвижимая собственность не подлежит от-

---

[1]) *Романович-Славатинский,* Дворянство в России, стр. 230.

чуждению (продаже, залогу и пр.); отчуждение разрешается только в случае крайней необходимости; 2) дворянин может завещать свою недвижимость только одному из сыновей, а если сыновей нет, одной из дочерей а движимость может завещать по своему усмотрению; кто умрет без завещания, недвижимость его передается старшему сыну или, если нет сыновей, старшей дочери, а движимость делится между всеми детьми поровну, 3) бездетный дворянин может завещать недвижимость одному из своих родственников, а если умрет без завещания,—недвижимое имение целиком переходит к одному ближайшему родственнику [1]).

В мотивировке этого закона крепостной его характер выступает не менее выпукло, чем в самом содержании установленных им правовых норм. Главное здесь—обеспечение службы и ограждение крестьян от разорения.

Надо, впрочем, заметить, что провести в жизнь этот указ удалось лишь отчасти и в той части, в какой удалось,—только временно. Так, неотчуждаемость оказалась недостижимой: товарное хозяйство не могло обойтись без отчуждения земли, и потому требуемая законом „необходимость“ всегда имелась налицо для осуществления отчуждения. Но неделимость была действительно проведена в жизнь, единонаследие соблюдалось при Петре: дворянство оставалось ведь пока еще крепостным сословием.

Имущественные права дворянства расширены были Петром не только в том отношении, что было уничтожено поместное владение: Петр дал дворянству еще право владеть фабриками и заводами. Это право естественно вытекало из хозяйственных условий времени и является одним из доказательств того, что дворянство имело очень важное торгово-капиталистическое значение и что промышленную, да и всякую другую политику Петра Великого никак нельзя считать буржуазной.

Еще более важным со служебной точки зрения правом дворянства было право владеть крепостными крестьянами. И Петр оставил это крепостное право нерушимым, в том виде, в каком оно сложилось к его времени

---

[1]) Полн. Собр. Зак., № 2789.

в жизни. Если он и делал некоторые в нем смягчения, то они имели смысл и значение, опять-таки характеризующие положение самого дворянства как крепостного сословия, подчиняющего свои интересы повелительным требованиям дворянской государственности, завоевывающей в критическую, революционную эпоху свои последние победные позиции. Так, надо было для этой дворянской государственности создать постоянную армию, достаточно притом многочисленную,—и Петр дозволил дворовым людям поступать в военную службу и без согласия их владельцев [1]). Меркантилистская экономическая политика диктовала необходимость поощрения торгов и промыслов,—и потому крестьянам, которые вели торговлю на известную значительную сумму, разрешено было приписываться к городам даже и вопреки воле помещика, причем помещик не мог брать с них больший оброк, чем с остальных крестьян [2]).

В соответствии с крепостным положением дворянства при Петре Великом не может быть речи о сколько-нибудь серьезных корпоративных правах дворянства в то время. Были в этом отношении лишь слабые зародыши, граничившие подчас опять-таки с обязанностями. Одни из этих зародышей—коллегии из дворян в начале XVIII в. и ландраты позднее—нам уже известны. О земских комиссарах, выборных от дворянства, и о связанных с этим собраниях дворян пойдет речь в будущем.

Переходим теперь к городскому сословию, „рассыпанная храмина" которого была собрана [3]) Регламентом Главного Магистрата 16 января 1721 года.

Этот Регламент дал новое деление городскому сословию или „гражданству", как он его называет. Он различил в этом сословии два больших разряда: первый—регулярные граждане, второй—нерегулярные или „подлое гражданство". Регулярные граждане делятся на две гильдии: к первой гильдии принадлежат „банкиры, знатные купцы, которые имеют отъезжие большие торги и которые разными товарами в рядах торгуют", доктора,

---

[1]) *Семевский,* Крестьянский вопрос в России в XVIII в. и первой половине XIX в., т. I, Спб. 1888, стр. 4.

[2]) Там же, стр. 4.

[3]) Полн. Собр. Зак., № 3708.

аптекари, лекари, шкиперы купеческих кораблей, золотых и серебряных дел мастера, иконники и живописцы; вторую гильдию составляют мелочные торговцы и ремесленники—резчики, токари, столяры, портные, сапожники и т. д. „Подлое гражданство“ или нерегулярные граждане—это „прочие все подлые люди, обретающиеся в наймах и черных работах“. Ремесленники, сверх того, делятся на цехи [1]).

Городское сословие в течение всего царствования Петра Великого было крепостным,—обязанности, на нем лежащие, преобладали над правами и были источником последних. Это совершенно соответствовало служебной роли купеческого капитала в меркантилистской экономической политике дворянского государства. Важнейшей обязанностью городского сословия была уплата подушной подати. Кроме того, был целый ряд других сборов и повинностей: сторублевый сбор за освобождение от натуральной рекрутской повинности, сбор за провиант и фураж, постойная повинность, пошлины торговые и ремесленные и, наконец, разные городские службы—магистратские, цеховые и гильдейские [2]).

Важнейшее новое личное право, данное Петром Великим лицам городского сословия, заключалось в праве владеть поссесионными рабочими, крепкими фабрикам и заводам, по указу 18 января 1721 года. Это право естественно вытекало из той эксплоатации купеческого капитала с промышленными целями, которая составляла одну из отличительных черт меркантилистской экономической политики Петра.

Переход к корпоративным правам городского сословия, мы не будем здесь останавливаться на Ратуше или Бурмистерской палате и земских избах, так как о ней шла уже речь в свое время. Напомним только, что эти учреждения носили даже не преимущественно, а почти исключительно государственный характер, служили финансовым интересам государства, а те слабые, зачаточные функции городского самоуправления, которые им

---

[1]) Там же, глава VII.

[2]) *Плошинский,* Городское или среднее состояние русского народа, стр. 181—182.

были свойственны, только в той мере существовали, в какой являлись производными от государственно-финансовых обязанностей. Поэтому и здесь начало обязанности, повинности господствовало всецело.

Преобладание этого принципа обязанности составляет отличительную черту и магистратских учреждений 20-х годов XVIII века: и они были в большей мере органами государственной власти, чем городского самоуправления, хотя все же последний, второй элемент был в них несколько сильнее, чем в Ратуше и земских избах [1]). Все это ясно из рассмотрения состава и ведомства магистратских учреждений.

Городские магистраты Петр повелел установить указом 11 июня 1718 года согласно мемориалу Фика. Решено было дать им регламенты по образцу ревельского и рижского, 16 января 1721 г. издан был Регламент Главного Магистрата, а в 1724 г. появились магистраты в городах [2]).

В состав Главного Магистрата входили: 1) обер-президент, 2) товарищ его или президент, 3) бургомистры и ратсгеры. Обер-президент и президент назначались царем, а бургомистры и ратсгеры, хотя и выбирались, но служба их считалась пожизненной и сами они были на положении чиновников: президент—должность VIII класса, а бургомистры и ратсгеры—IX-го и за усердную службу могли получать дворянство. В Главном Магистрате были еще канцелярские служители и особый прокурор [3]).

Ведомство Главного Магистрата состояло прежде всего в учреждении городовых магистратов. Для этого коллегии, губернаторы и воеводы должны были выслать в Главный Магистрат ведомости о городах, содержавшие чертежное положение городов, лежащих у моря и больших рек, описание торгов и промыслов города и данные о количестве привозных и отпускных товаров, сведения о количестве населения и его занятиях. Главный Магистрат при учреждении городовых магистратов

---

[1]) *Пригара,* Опыт истории состояния городских обывателей при Петре В.: „Ж. М. Н. Пр." за 1867 г., декабрь, стр. 762; *Дитятин,* Устройство и управл. городов, стр. 210—212.

[2]) *Плошинский,* Гор. или сред. состояние, стр. 172.

[3]) Там же, стр. 183.

должен был руководствоваться количеством населения или дворов в каждом городе, для чего все города делились на пять разрядов: первый составляли города, имеющие не менее двух тысяч дворов, второй — внутренние города с 1.000—1.500 дворов и некоторые приморские (Выборг, Нарва и проч.), к третьему принадлежали малые приморские (напр., Пернов) и те из внутренних, в которых числилось от 500 до 1.000 дворов, четвертый разряд — города с 250—500 дворами и пятый—все остальные пригороды и слободы [1]).

Затем Главный Магистрат ведал составление уставов для городовых магистратов, причем уставы составлялись по соглашению с разными коллегиями и поступали на утверждение сената и верховной власти [2]).

Третья отрасль ведения Главного Магистрата—суд над регулярными гражданами по всем гражданским делам и по уголовным, кроме государственных преступлений и похищения казенных денег. Суд этот вершился Главным Магистратом не в первой инстанции, а по апелляции на приговоры городовых магистратов и бургомистров; смертные приговоры, вынесенные городовыми магистратами, даже если апелляции и не было, не приводились в исполнение без утверждения Главного Магистрата [3]).

Далее Главный Магистрат должен был заботиться об учреждении „доброй полиции“ [4]).

В пятых, в его функции входила забота о развитии купечества и мануфактур: надзор за исполнением относящихся сюда законов и представления куда следует об издании новых законов, устройство ярмарок и торгов в городах и уездах по совещанию с коммерц- и мануфактур-коллегиями, учреждение в больших приморских и торговых городах бирж и повеление городовым их магистрататам выбрать из купечества маклеров, искусных в торговых и вексельних переводах [5]).

---

[1]) Полн. Собр. Зак., № 3708, глава III и V.
[2]) *Плошинский,* Гор. и сред. сост., стр. 184.
[3]) Полн. Собр. Зак., № 3708, гл. IX.
[4]) Там же, гл. X.
[5]) Там же, гл. XI, XVII, XVIII, XIX.

Наконец, в шестых, обязанностью Главного Магистрата была забота о здоровье, образовании и имущественной достаточности граждан: он обязан доносить об обременительности податей, приказывать учреждать школы, больницы и т. д. [1]).

Главный Магистрат был подчинен сенату: в сенат присылались из городовых магистратов копии указов, получавшихся городовыми магистратами из Главного Магистрата; сенат утверждал вырабатывавшиеся Главным Магистратом уставы гордовых магистратов [2]).

Исследователи не согласны между собою по вопросу о том, в каких отношениях к Главному Магистрату находились губернаторы и воеводы. По мнению одних [3]), они были независимы от Главного Магистрата. Другие [4]) полагают, что губернаторы и воеводы находились к Главному Магистрату в таких же отношениях по делам, ему подведомственным, в каких они находились ко всем другим центральным учреждениям, т.-е. должны были выполнять по этим делам распоряжения Главного Магистрата. Это положение подкрепляется такими соображениями: по Регламенту Главного Магистрата губернаторы высылают в Магистрат сведения о городах и должны исполнять указы Главного Магистрата [5]). Правда, имеется ряд указов, которыми предписывается губернаторам исполнять только сенатские указы. Но противоречие, таким образом получающееся, удовлетворительно разрешается тем, что Главный Магистрат посылал указы губернаторам и воеводам через сенат. В Регламенте Главного Магистрата недаром сказано: „из Главного Магистрата в губернии и провинции о выборе таких годных людей посылать указы к губернаторам, вице-губернаторам и воеводам, по которым указам из сената исправлять велено“ [6]). Повидимому, второе из изложенных мнений более соответствует действительности, но лишь в теории, не на практике: в действи-

---

[1]) Там же, гл. XX, XXI.
[2]) Полн. Собр. Зак., № 3708.
[3]) Плошинский.
[4]) Дитятин.
[5]) *Дитятин.* Устр. и упр. городов, стр. 231—232.
[6]) Там же, стр. 232, прим. 2.

тельности губернаторы и воеводы мало считались с магистратами [1]).

Состав городовых магистратов определялся следующими нормами: в городах первого разряда—президент и четыре бургомистра, второго—президент и три бургомистра, в городах третьего и четвертого разрядов должны быть по два бургомистра, а пятого—по одному; к каждому бургомистру должны быть приданы в больших городах по два ратмана, а в средних и меньших „о числе ратманов, смотря по состоянию места, учинить по рассмотрению“ [2]). „А ежели случится когда к пользе города какому быть совету,—и им для того призывать из первостатейных и из средних людей добрых и умных“ [3]).

Такой состав городовых магистратов мало говорит в пользу городского самоуправления при Петре Великом: и пожизненность должностей президентов, бургомистров и ратманов и призыв ими, по их усмотрению, первостатейных и средних граждан для совета тогда, когда этот совет, по их мнению, окажется необходим и в числе и порядке, опять-таки зависевших от их усмотрения, противоречат действительному городскому самоуправлению. Единственный слабый зачаток его — это выборность должностей.

Ведомство городовых магистратов слагалось из ряда дел административных, судебных, полицейских и финансовых. Городовые магистраты собирали сведения о состоянии города и сообщали их в главный магистрат. Они ведали суд по делам гражданским и уголовным, кроме государственных преступлений, возникшим между гражданами, не касавшимся лиц других сословий. Для суда в тех городах, где имеются по три и по четыре бургомистра, один из них специально назначается для суда, причем приговоры к смертной казни приводятся в исполнение только по утверждении их главным магистратом [4]). „А ежели где в малых городах бургомистры (а магистрата не будет) учинят по каким делам непра-

---

[1]) *Богословский,* Областная реформа Петра Великого.
[2]) Полн. Собр. Зак., № 3708, гл. VI.
[3]) Там же, гл. VI.
[4]) Полн. Собр. Зак., № 3708, гл. IX.

вой суд, и на таких бить челом и дела переносить в определенной тамо магистрат; а ежели и тем магистратским решением кто будет недоволен,—и такие переносить в провинциях в магистраты к президентам; а ежели и тем судом, кто будет недоволен же, и такие переносить в вышний магистратской суд" [1]). Это место Регламента главного магистрата, не вполне ясное и требующее разъяснения путем наблюдений над магистратской судебной практикой времени Петра, составляющих одну из задач дальнейшего исторического исследования, обыкновенно объясняется так: в городах, не имевших магистратов, а имевших только одного бургомистра, на его приговор можно было апеллировать в город, где был магистрат, на приговор этого магистрата—в магистрат провинциального города, где был президент, наконец, на приговор последнего—в главный магистрат [2]). Судебные дела между лицами городского сословия и других сословий решались, употребляя выражение Московской Руси, с местным судом из надворного суда и магистрата. Апелляция в таких случаях шла одновременно и в юстиц-коллегию и в главный магистрат [3]). Полицейские дела, подведомственные городовым магистратам, заключались в наблюдении за безопасностью от пожаров, чистотой и исправностью мостов, народным образованием, больницами и богадельнями, а также в выдаче паспортов уезжающим из города и в прописке всех приезжающих [4]). Имели известное значение и заботы о развитии промышленности и торговли: учреждение ярмарок, ходатайства перед правительством о привилегиях для новых мануфактур, наблюдение за записью в цехи, наконец, в больших городах — выбор маклеров на биржи [5]). Попрежнему, наконец, имело большую важность финансовое ведомство городовых магистратов: сюда относились раскладки и сбор податей и расквартирование войск в городах [6]).

---

[1]) Там же, гл. IX.
[2]) *Пригара*: „Ж. М. Н. Пр." за 1867 г., дек., стр. 766.
[3]) Там же, стр. 766—767.
[4]) Там же, стр. 768—769.
[5]) Там же, стр. 770.
[6]) Там же, стр. 773.

Городовые магистраты были подчинены по закону главному магистрату. Но на практике, в жизни, магистраты не были самостоятельны не только по отношению к центральным учреждениям—коллегиям, но даже к губернаторам и воеводам [1]). И даже в теории, в законодательстве принцип самостоятельности магистратов не был выдержан: еще в области суда, по крайней мере теоретически, магистраты были независимы от губернаторов и воевод, но по другим делам этого и по нормам закона не было: напр., губернаторы наблюдали за магистратскими выборами, а через $1^1/_2$ месяца после издания Регламента главного магистрата появился указ, предписывавший городовым магистратам пересылать свои „сказки о посадских людях“ не прямо в главный магистрат, а через посредство губернаторов и воевод; не выдержан был и принцип сношения городовых магистратов с коллегиями непременно через главный магистрат: деньги, собиравшиеся городовыми магистратами, отсылались ими прямо в подлежащие коллегии по указу каммер-коллегии, а в главный магистрат посылались лишь рапорты об этой отсылке; магистраты иногда получали прямо от коллегий указы,—напр., о продаже с аукциона посылаемых из коллегий „отписных за вины пожитков“ [2]).

Стягивая высшие слои общества окончательно в единые большие сословные группы, однородные в юридическом отношении,—в смысле их прав и обязанностей,—Петр Великий закончил эту давно начавшуюся организующую и объединяющую работу и по отношению к низам общества—к крестьянству, холопству, бобыльству и разным другим близким к ним сельским состояниям.

Мы видели, что сближение холопов и крестьян в податном отношении сделало значительные успехи уже в Московском государстве, особенно со времени составления переписных книг 1678 года. Оно, однако, окончательно завершено тогда не было: при Петре сначала встречались еще изредка остатки старины. Так, по

---

[1]) *Дитятин.* Устройство и упр. городов, стр. 233 и след.
[2]) Там же.

указу 11 июля 1713 года при сборе денег за даточных людей считались только крестьянские дворы, а не дворы задворных и деловых людей, так что здесь законом еще проводится некоторая раздельная черта между крепостным крестьянством и холопством. Но это лишь запоздалый обломок старины. Начавшийся раньше процесс слияния отдельных групп сельского населения в одно сословие — крепостное крестьянство — неудержимо шел вперед в первой четверти XVIII века. С 1704 года предписывается, по примеру переписных книг 70-х годов XVII в., постоянно вносить в переписи не только дворы крестьян и бобылей, но и дворы задворных и деловых людей. По указу 20 февраля 1705 года задворные и деловые люди, имевшие свои особые дворы, а не жившие на дворе владельца, были совершенно сравнены с крестьянами относительно рекрутских наборов; это повторено еще более определенно в указе 1 марта 1711 года. По первой ревизии, установленной указами 26 ноября 1718 г. и 22 января 1719 г. и сопровождавшейся введением подушной подати, впервые собранной в 1724 году, крестьяне, задворные, деловые и дворовые люди слиты окончательно в единое крепостное сословие, подлежащее подушной подати и подчиненное власти землевладельцев, кто бы ни был этими землевладельцами—дворяне, церковные учреждения или государство. Введением подушной подати предполагалось также уничтожение состояния вольных гулящих людей, но окончательно это было сделано лишь после Петра—указом 16 июня 1729 года, по которому вольные гулящие люди должны или поступить в военную службу, или записаться в подушный оклад, при невыполнении же одного из этих условий они подлежали ссылке в Сибирь на поселение [1]).

Как отразилось все это на правовом положении крестьянства? Ответ ясен уже на основании сказанного: во всех сферах юридических отношений—в личных, имущественных, корпоративных правах наблюдается в первой четверти XVIII века ясно выраженная тенденция к уничтожению остатков свободы, к развитию крепостной неволи.

В отношении личных прав это заметно прежде всего

---

[1]) *Беляев,* Крестьяне на Руси, стр. 279.

потому, что переход крестьян от одного землевладельца к другому сделан был совершенно невозможным вследствие строгости кары, постигавшей тех землевладельцев, которые принимали беглых крестьян: по указам 16 февраля 1706 года и 5 апреля 1707 г. за невозвращение беглых крестьян грозила полная потеря имений, из которых половина поступала лицам, чьи беглые крестьяне оказались в имении, а другая половина конфисковалась в казну. Затем установилась малу-по-малу вотчинная юстиция и полиция, оттеснившие по целому ряду дел государственную юстицию и полицию. Владельческий суд и расправу можно наблюдать как развитое, вполне сложившееся явление, напр., уже в самом начале XVIII века в имении князя Петра Михайловича Долгорукого селе Мыть с деревнями Суздальского уезда [1]). Так устанавлялось правило, впоследствии господствовавшее, что землевладелец судит своих крепостных по всем делам, кроме уголовных, подсудных государственным чиновникам.

Что касается имущественных прав крестьян, то еще в указе 22 января 1724 года признается право владельческих крестьян вступать в договоры и брать подряды у казны и частных лиц от своего имени, а не от имени владельцев [2]), так что крепостной крестьянин был еще, значит, субъектом имущественных прав. Однако, еще раньше этого развивались ограничения крестьянского права собственности: указом 29 октября 1707 года крестьяне были лишены права брать на откуп таможенные и кабацкие сборы [3]), а первая ревизия ввела ответственность землевладельцев за исправность крестьян в платеже подушной подати, что, естественно, вело к ограничению владельцами имущественных прав крестьян: отвечая своим имуществом за крестьянина, владелец контролировал и распоряжение крестьянина его достоянием, а отсюда недалеко было уже и до взгляда, что крестьянское имущество принадлежит в сущности господину, владельцу крепостных душ.

---

[1]) *Беляев,* Крестьяне на Руси, стр. 216.
[2]) Там же, стр. 265.
[3]) Там же, стр. 211.

Вопрос о корпоративных правах крестьянства сводится к освещению хозяйственного, полицейского и судебного значения крестьянской общины или мира. Юридическая природа крестьянской мирской организации, как это и естественно при господстве крепостных отношений, сводится в сущности к полной замене угасавшего уже давно принципа права началом обязанности. Крестьянский мир первой четверти XVIII века подчиняется всецело власти владельца. Типичный пример крепостной крестьянской общины Центральной России того времени — порядки, существовавшие в селе Мыть Суздальского уезда, имении князя П. М. Долгорукого: мир выбирал здесь старосту, проверял расходование им денег, поручал ему сбор податей и оброков, но староста был подчинен и владельцу, который мог его и наказать, и сменить, мог и защитить от мира, уничтожив решение последнего [1]).

Сохранились только небольшие остатки некрепостных, свободных элементов в сельском населении, и то на окраинах,—один на севере, другой на юге.

На севере России таким остатком были половники. Отличительною чертою их было именно то, что вполне, совершенно крепостными они не были. Правда, в 1725 году был издан указ, по которому половники были лишены права перехода из уезда в уезд под страхом штрафа в 50 рублей, но это было не полное прикрепление, а только прикрепление к уезду, да и то оно, надо думать, на практике обходилось, не исполнялось: недаром позднее, при Николае I в 1827 году, по решению государственного совета, половники могли уходить от землевладельцев, предупредив за год о своем желании уйти.

Второй остаток свободного сельского населения — однодворцы — представляли собою раньше, как нам уже известно, людей служилых и вместе работавших на земле, не имевших крестьян. До Петра они носили название служилых людей старых служб и однодворцами официально названы в указах 4 апреля и 13 мая 1723 года. Петр Великий в указе о первой ревизии 22 января 1719 года смешал их с крестьянами, а в указе

---

[1]) Там же, стр. 235 и след.

24 июня 1724 года причислил их к государственным крестьянам и в качестве таковых обложил подушным сбором и оброчным платежом, дав последнему специальное назначение—на содержание ландмилиции, т.-е. ополчения, формировавшегося из однодворцев. Однодворцы признавались не только лично свободными, но имели право и сами владеть крепостными крестьянами. Как и раньше, и при Петре они сплошь и рядом владели землей сообща, так как им она отводилась обычно не каждому отдельно, а целой группе разом. Каждый член этой группы имел право пашню пахать, сено косить и всеми угодьями владеть „вопче с другими, через десятину или через межу", т.-е. существовала черезполосица. Пашня была в раздельном пользовании, лес и выгон в общем, а сенокос то в общем, то в раздельном. Это—те же соседи, сябры, шабры, складники, что и крестьяне на черных землях севера [1]).

---

[1]) *Благовещенский,* Четвертное право.

V.

Реформы Петра в государственном строе.

Второй период реформаторской деятельности Петра Великого ознаменован был также систематическим преобразованием сначала центрального, потом верховного и областного управления.

Органами центрального управления, вновь учрежденными по этой реформе, стали коллегии. Обсуждение вопроса о их введении начато было Петром в 1715 году, и скоро при этом возникла мысль о заимствовании из Швеции существовавшего там коллежского устройства, почему направлен был в командировку Фик, привезший в 1717 г. сведения об устройстве шведских коллегий [1]). Шведские учреждения взяты были за образец главным образом по двум причинам: во-первых, они считались тогда образцовыми, лучшими в Европе, во-вторых, Петру природные и бытовые условия Швеции казались близкими к русским: об этом он говорил Бестужеву, отправляя его послом в Швецию [2]). На основании шведских штатов—с некоторыми, однако, изменениями—составлен был реестр персонала коллегий и утвержден 11 декабря 1717 года. Определены количество и названия коллегий и 15 декабря того же года назначены президенты и некоторые вице-президенты. Всех коллегий установлено было девять: иностранных дел, воинская, адмиралтейская, юстиц-коллегия (составившаяся из старых московских приказов—всех судных, поместного, сыскного и земского), каммер-коллегия, штатс-контор-коллегия, ревизион-коллегия, коммерц-коллегия и, наконец, берг-и мануфак-

---

[1]) *Милюков,* Госуд. хоз. России.

[2]) *Богословский,* Областная реформа Петра Великого, М. 1902, стр. 30.

тур-коллегия [1]). Уже это первоначальное определение коллегий указывает, что при всем внимании к шведским учреждениям реформа не сводилась только к механическому перенесению на русскую почву того, что было в Швеции; так, в Швеции совсем не было юстиц-коллегии,—у нас она была учреждена [2]) и, как сказано выше, составились из ряда ранее существовавших московских приказов. Историческая действительность вносила таким образом естественные и неизбежные поправки в заимствованную систему учреждений. Надо, впрочем, заметить, что Петр не только бессознательно подчинялся влиянию русских условий, но и сознательно шел по этой дороге: в одном его указе, касавшемся коллегий, прямо сказано: „которые пункты с ситуацией сего государства не сходны, оные составить по своему рассуждению“ [3]). Первоначально, указом 11 декабря 1717 года, предположено было выбирать личный состав коллегий в соединенном присутствии их всех, и это опять было несогласно с шведскими порядками [4]). Но такой порядок пополнения состава коллегий не удержался: генеральный регламент, изданный 28 февраля 1720 года, установил, что президенты коллегий назначаются верховною властью, кандидаты в вице-президенты баллотируются в сенате и утверждаются царем, советники и ассесоры выбираются баллотировкой сената; наконец, секретари, камериры, казначеи и нотарии выбираются в коллегиях и утверждаются сенатом. Прочие канцелярские и конторские служащие назначаются самими коллегиями [5]). При каждой коллегии состоял еще фискал для надзора за законностью и скоростью действий коллегии [6]).

Что касается компетенции или ведомства коллегий, то ведомство коллегий иностранной, воинской и адмиралтейской ясно из их названия: они ведали—первая дипломатические сношения, внешнюю политику, вторая—армию, третья—флот. Суд и полиция составляли компе-

---

[1]) *Милюков*, Госуд. хоз.
[2]) *Богословский*, Обл. реформа, стр. 33.
[3]) Там же, стр. 31.
[4]) Там же, стр. 34.
[5]) Полное Собр. Зак., № 3534.
[6]) Там же.

тенцию юстиц-коллегии. Штатс-контор-коллегия ведала все государственные расходы, составляла росписи окладным расходам по провинциям, сравнивала расходы с доходами каждой провинции, недостаток дополняла, а остатки посылала в центральное казначейство; наконец, штатс-контор-коллегия наблюдала за исправным поступлением платежей в казначейство или рентереи и, в случае неисправности, сносилась с каммер-коллегией [1]). Каммер-коллегия, регламент которой был составлен довольно самостоятельно сравнительно с шведским образцом [2]), ведала надзор за доходами государства [3]). Ревизион-коллегия играла роль государственного контроля; контроль и ревизия производились ею обычно, в нормальном порядке на основании „счетных выписок“, ежегодно представлявшихся в ревизион-коллегию всеми коллегиями и канцеляриями; на основании подлинных документов ревизион-коллегия производила ревизию только в сомнительных случаях, когда предполагались злоупотребления или хищения [4]). Коммерц-коллегии была подведомственна торговля, а берг- и мануфактур-коллегии горное дело и обрабатывающая промышленность—фабрики и заводы. Коммерц-коллегия и берг- и мануфактур-коллегии должны были служить главными средствами для проведения экономической политики меркантилизма: на их обязанности лежали развитие производительных сил страны и осуществление в зависимости от этого благоприятного торгового баланса [5]).

Введение коллегий имело теоретически большое принципиальное значение. Правда, и в Московском государстве приказы были учреждениями, состав которых носил признаки коллегиальности. Но работа там велась на деле не коллегиально: было два стола—судейский и дьячий, причем судейский, где присутствовали главный судья, начальник приказа и его товарищ или товарищи—другие судьи, решал дела спорные, более важные, а дьячий, состоявший из приказных дьяков, вершил более простые, не-

---

[1]) *Милюков,* Госуд. хоз.
[2]) *Богословский,* Обл. реф., стр. 33.
[3]) *Милюков,* Гос. хоз.
[4]) Там же.
[5]) Там же.

спорные дела. При этом надо заметить, что в обоих столах фактически действовали отдельные лица, а не коллегии, и главный судья был в сущности единоличным начальником приказа [1]).

В коллегиях должно было быть иначе: здесь вводился принцип коллегиальности. Давно было указано, что этот принцип внушен был Петру Лейбницем. Он был также подкреплен примером шведских коллегий. Один из ближайших помощников Петра и, пожалуй, самый видный из идеологов его реформы, архиепископ новгородский Феофан Прокопович в составленном им Духовном Регламенте, о котором у нас еще пойдет речь особо, в другой связи, развил даже целую теорию преимуществ коллегиальности над единоличным управлением. Преимущества эти он видел в следующем: 1) „известнее взыскуется истина соборным сословием, нежели единым лицем": коллегия лучше находит истину, чем одно лицо; 2) „яко известие в познании, тако и сила в определении дела большая зде есть: понеже вящше ко уверению и повиновению преклоняет приговор соборный, нежели единоличный указ": решение коллегии заставляет более повиноваться, чем решение отдельного лица; 3) коллегия—не тайная группа или партия, а учреждение, исходящее от самодержавного монарха для общего блага; 4) при единоличном управлении личные нужды, болезнь и смерть ведут к перерыву в решении дел, „пресецаются дела", „инако в правлении соборном: не присудствующу единому, аще бы и первейшему лицу, действуют другие, и дело идет непресекомым течением"; 5) „в коллегиум таковом не обретается место пристрастию, коварству, лихоимному суду"; 6) коллегия правосуднее единоличного правителя, так как последний „гнева сильных боится"; 7) „от соборного правления не опасатися отечеству мятежей и смущения"; 8) даже президент коллегии подлежит суду своих товарищей, не поступает самовластно; 9) наконец, коллегия является хорошей школой для неопытных [2]). Надо, однако, заметить, что на

---

[1]) *Ардашев,* Книги записные приговорам Поместного приказа— в „Опис. докум. и бумаг, хранящихся в Моск. Архиве Мин. Юстиции", кн. VII.

[2]) Полное Собр. Зак., № 3718.

практике, в действительности и введение коллегий и их красноречивая и убедительная защита Феофаном Прокоповичем не имели последствий: жизнь, русская действительность внесла существенные решительные поправки в теорию; президенты коллегий под ее влиянием из председателей фактически превратились в начальников, а остальные члены коллегий стали их подчиненными. Теоретические соображения Феофана Прокоповича имели свое практическое значение, но не по отношению ко всем коллегиям, а только специально к духовной коллегии — синоду, заменившему единоличную власть патриарха, конкуррировавшую с самодержавной монархической властью.

Учреждение коллегий надо было привести в согласие с существованием сената. Сначала сделана была попытка достигнуть этого путем простого изменения состава сената: сенаторами сделаны были президенты коллегий, так что сенат превратился в совет министров. Но так как коллегии оставались попрежнему самостоятельными, не подчиненными сенату, то затруднение осталось не разрешенным особенно в одной, важнейшей его части,— в отношении контролирующей роли сената: контроль и отчетность не могли быть осуществлены сенатом по отношению к коллегиям, от него совершенно независевшим и связанным с ним только личностью президентов-сенаторов [1]). Более того: такая связь только затрудняла и контроль и отчетность.

Тогда началось постепенное установление уже не личной, а органической связи между коллегиями и сенатом. Начало этому положено было указом 7 июля 1721 г., по которому все коллегии и канцелярии должны были ежемесячно и ежегодно доставлять донесения в сенат [2]). Это значило, что контроль и ревизия, бывшие в коллежской системе компетенцией ревизион-коллегии, перешли в ведение сената. Следствием этого было прекращение самостоятельного существования ревизион-коллегии, и она указом 12 января 1722 г. сделалась конторой сената, т.-е. фактически была присоединена к сенату в

---

[1]) *Милюков*, Гос. хоз.
[2]) Там же.

качестве подчиненного ему учреждения, технически-вспомогательного по отношению к сенату [1]).

После этого изменился состав сената: он уже не мог состоять из президентов коллегий. Только три президента коллегий в нем остались: фельдмаршал—президент воинской коллегии, адмирал—президент адмиралтейств-коллегии и канцлер—президент коллегии иностранных дел. Но зато эти три коллегии и сохранили самостоятельность по отношению к сенату, не были ему подчинены, что же касается прочих коллегий, то они были подчинены сенату, и их президентами были поэтому назначены не сенаторы [2]).

И ведомство сената теперь было существенно изменено. Оно подверглось точному определению в именном указе „о должности сената", изданном 27 апреля 1722 г. По этому указу новая компетенция сената слагалась из следующих дел: 1) рассмотрение тех дел, поступавших в коллегии, которые коллегии решить не могли; эти дела сенат или сам решает окончательно или, если не находит возможным решить, излагает свое мнение в особых докладах верховной власти; 2) в канцелярию сената для его сведения и губернаторы и воеводы обязаны писать о делах, не подведомственных ни одной коллегии: о начатии войны, эпидемии, народных волнениях, особых событиях („припадках"); 3) решение дел по прошениям на высочайшее имя, если они поданы ренетмейстеру в отсутствие государя, причем доклад сенату по этим делам делается ренетмейстером, как он же делал такие доклады монарху, когда он присутствовал в столице; 4) выбор баллотированием в высшие чины, начиная с советника в коллегии, и без баллотирования в чины низшие; 5) производство в чины по должностям, в которые требуется назначение дворян, из числа кандидатов, представляемых герольдмейстером, и в чины по должностям, в которые назначаются не дворяне,—из числа кандидатов, представляемых коллегиями; 6) штрафование и вообще наказание тех должностных лиц, которые без законных оснований не выполняют сенатских указов [3]).

---

[1]) Там же.
[2]) Там же.
[3]) Полн. Собр. Зак., № 3978.

Сенат таким образом стал высшим или верховным учреждением—административным, судебным, контролирующим и заменяющим монарха в его отсутствие, т.-е. и законодательным. Указом 4 марта 1722 г. установлены были ежегодные ревизии губерний сенаторами [1]).

Новое положение сената, как отчасти уже видно из сказанного, повело к созданию при сенате нескольких новых должностей.

Прием прошений с жалобами на коллегии был в 1720 г. поручен ренетмейстеру, причем жалобы могли быть двоякого рода: во-первых, на медленность и волокиту в разборе и решении дел, во-вторых, на неправый суд. При жалобе на медленность производства дела ренетмейстер сначала сам своею властью понуждал соответствующую коллегию к ускорению его вершения и только в том случае, если его требования оказывались бесплодными, докладывал о том сенату. Если жалоба поступала на неправый суд, то ренетмейстер докладывал ее императору и с его подписью вносил уже в сенат; только в отсутствие императора такая жалоба вносилась прямо в сенат [2]).

В 1722 г. для заведывания службой и служилыми людьми учреждена была должность герольдмейстера. Его функции заключались: 1) в составлении списков всех дворян—общих-поименных и особых по чинам, по назначениям к разным делам с точным указанием, какие это дела, и кто останется свободен от назначений, и, наконец, в ведении списков дворянских детей; 2) в наблюдении за получением дворянами элементарного образования, необходимого для службы; 3) в надзоре за тем, чтобы не было уклонения дворян от службы; 4) в составлении гербов для дворянства; 5) во внесении в дворянские списки лиц, выслуживших соответствующий чин, и детей их, рожденных после выслуги этого чина. Герольдмейстер состоял при сенате и был ему подчинен [3]).

Наконец, важным новым явлением были генерал-прокурор с подчиненными ему прокурорами. Но прежде,

---

[1]) *Милюков,* Гос. хоз.

[2]) *Петровский.* О сенате в царств. Петра В., стр. 185 и сл.

[3]) Там же, стр. 215 и след.

чем осветить положение и значение этих новых должностных лиц, необходимо вернуться несколько назад и познакомиться с судьбой фискалов.

Фискалы, существовавшие еще после первого учреждения сената, представляли собою три инстанции: низшие фискалы составляли первую из них, вторую представляли собою провинциал-фискалы, высшую, третью обер-фискал. Все они следили за злоупотреблениями, уже допущенными администрацией, и через их посредство дела по этим злоупотреблениям доходили до сената.

С учреждением коллегий положение фискалов усложнилось, и число их умножилось. Обер-фискал стал состоять при юстиц-коллегии, провинциал-фискалы и фискалы ведали теперь не только дела о денежных злоупотреблениях, но и надзор за судом и те судебные дела, которые не имели истцов. Результатом этого уже при Екатерине I в 1725 г. было учреждение должности генерал-фискала, которая подчинена была сенату [1]).

Но надо было следить не только за уже допущенными злоупотреблениями в финансовом и судебном отношениях, а и предупреждать их возможность. Это и выпало на долю прокуратуры.

27 апреля 1722 г., одновременно с указом о должности сената, сильно изменившим, как мы видели, первоначальный характер этого учреждения, появился указ о должности генерал-прокурора. По этому указу, генерал-прокурор присутствует в сенате и наблюдает, чтобы сенат решал дела без потери времени по регламентам и указам и чтобы сенатские указы также без замедления исполнялись соответствующими учреждениями и лицами; он приостанавливает несправедливые и неправильные решения сената и доносит о том верховной власти; он следит за отправлением должностей прокурорами, их доношения предлагает сенату и виновных в чем-либо прокуроров предает сенатскому суду; он передает сенату и доношения фискалов и о их злоупотреблениях доносит сенату; он—начальник сенатской

[1]) *Градовский*, Высшая администрация XVIII в. и генерал-прокуроры, Спб. 1866, стр. 82 и сл. *Петровский*, О сенате, стр. 100 и след.

канцелярии; наконец, генерал-прокурор должен представлять сенату о необходимости новых указов по делам, по которым окажутся пробелы в законодательстве [1]). Помощником генерал-прокурора и его заместителем в случаях отсутствия является обер-прокурор. И генерал-прокурор и обер-прокурор подлежат суду и наказанию только самого императора [2]).

Петр в своем указе о должности генерал-прокурора определил его значение очень образно: он назвал его „оком нашим и стряпчим о делах государственных“ [3]) Совершенно верно замечено, что генерал-прокурор „направлял сенат к тому решению, какое угодно было государю“. На практике генерал-прокурор при Петре также имел очень важную функцию доклада сенатских дел верховной власти [4]).

Перемены в центральном управлении естественно вызывали перестройку и в управлении областном или местном, тем более, что и в Швеции, из которой заимствованы были коллегии, органы центрального управления находились в тесной связи с органами управления на местах, областными [5]). Поэтому Фик в мемориале 9 мая 1718 года поднял вопрос о преобразовании местного управления. Фик составил план реформы, пользуясь опять шведскими образцами, с осени 1718 года началось обсуждение проекта в сенате. 26 ноября 1718 года Петр утвердил тот план, который получился в результате сенатского обсуждения, и решено было ввести новые учреждения в Петербургской губернии с половины 1719 г., а в других губерниях с 1720 года. На деле многие частности реформы осуществлены были позднее [6]), и правильно функционировать новые учреждения стали только в 1721 г. [7]).

---

[1]) Полн. Собр. Зак., № 3979.

[2]) Там же.

[3]) Там же.

[4]) *Петровский*. О сенате; *Веретеннико*, Очерки истории генерал-прокуратуры в России, стр. 63.

[5]) *Милюков*. Госуд. хоз.

[6]) Там же.

[7]) *Богословский*. Обл. реформа.

Шведское областное управление имело три основных областных деления: низшим был приход или кирхшпиль, средним округ или герад, состоявший из 800—1.000 дворов, высшим губерния или ландсгевдингство. Из этих трех делений в России предположено было образовать только два: дистрикт, соответствовавший гераду, и провинцию, соответствовавшую ландсгевдингству. Приход в России не вводился в качестве областного деления. Это было первое отступление от шведского образца. Второе состояло в том, что и дистрикт и провинция были несравненно больше по пространству, ими занимаемому, нежели соответствовавшие им шведские областные единицы [1]). Было и третье: сохранились древние уезды и станы, причем иногда уезды совпадали с дистриктами, а иногда уезд делился на несколько дистриктов, в свою очередь разделявшихся на станы [2]).

Но это еще не все отступления от шведского образца в областном делении. Еще важнее было в этом отношении четвертое от него отступление. Предположен было учредить 50 провинций, и выше их не учреждато никаких областных единиц. Это—в указе 29 мая 1719 гь и в изданной в январе того же 1719 года инструкции воеводам, по которым воевода должен был стоять во главе провинции [3]). Но на деле вышло не то: в прежних губернских центрах остались губернаторы, и они подчинили себе провинциальных воевод [4]). Таким образом система областных делений по второй губернской реформе Петра представлялась в таком виде: крупнее всего—губерния, ее подразделение—провинция, провинция делится на уезды, а уезды или делились на дистрикты или—в других губерниях—совпадали с дистриктами.

Надо, впрочем, заметить, что провинциальные воеводы не во всех делах подчинялись губернаторам, а только в военных—именно в рекрутских наборах и в высылке недорослей на смотры—и в судебных—с 1722 г., когда губернатор стал президентом надворного суда, а вое-

---

[1]) Там же, стр. 50.
[2]) Там же, стр. 146.
[3]) *Милюков*. Госуд. хоз.
[4]) Там же.

вода — председателем провинциального суда[1]). Кроме военных и судебных дел, на воеводах лежали еще полицейские и финансовые функции. Полицейская власть провинциального воеводы, в которой он совершенно не зависел от губернатора, была на деле не велика: хотя инструкция предписывала воеводам иметь попечение о населении и его благе, заботиться о дорогах, госпиталях, школах, промышленности, торговле и проч.[2]), но в действительности воевода просто исполнял приказания сената и коллегий и представлял интересы правительства, а не общества[3]). Финансовые функции воеводы, в которых он и по инструкции и на практике также был независим от губернатора, слагались по инструкции из надзора за правильным взиманием податей и из наблюдения за государственными имуществами и их эксплоатацией[4]). Но фактически воевода ведал не надзор, а действительное, непосредственное управление финансами. В особенности так действовали губернаторы[5]), хотя были и специальные финансовые чиновники, главным из которых был камерир.

К числу новых порядков, задуманных и проводимых по шведскому образцу в губернских учреждениях 1719—21 годов, принадлежала попытка разделения властей: губернаторы и воеводы должны были, по крайней мере в теории, по инструкции, ведать только администрацию и надзор за финансами и судом. Поэтому в провинции были два особых финансовых чиновника—камерир и рентмейстер или казначей. Но на деле и более важный из этих чиновников—камерир не был так самостоятелен, как значилось в изданной для него инструкции[6]). Он занимал в финансовых делах положение воеводского товарища XVII века: воевода выслушивал его советы и сам распоряжался сбором налогов, а камерир ведал только текущие, обыкновенные, испол-

---

[1]) *Богословский*. Областная реформа, стр. 82.
[2]) Полн. Собр. Зак., № 3294.
[3]) *Богословский*. Обл. реф., стр. 105, 108, 109.
[4]) Там же, стр. 129.
[5]) Там же, стр. 130.
[6]) Полн. Собр. Зак., № 3296.

нительные дела, касающиеся государственных доходов [1]). Кроме того, у камерира были и некоторые судебные функции,—те именно, которые были связаны с финансами: он судил по делам о нарушении финансовых интересов государства; ему же подсудны были по должностным преступлениям подчиненные ему лица [2]). Что касается рентмейстера, то его обязанности состояли в приеме денег, поступающих в доход казны, в хранении этих денег и в выдаче их в расход по ассигновкам воеводы и камерира [3]).

От администрации и финансов предполагалось, опять-таки по шведскому образцу, отделить суд в губернии и провинции. В устройстве судебной части оказали влияние на реформу проекты Матвеева и Фика [4]).

Высшими судебными инстанциями в центре государства были, как нам уже известно, юстиц-коллегия и еще выше ее сенат. Из областных судов высшими были надворные суды, учрежденные в 11-ти городах—Петербурге, Москве, Казани Курске, Ярославле, Воронеже, Нижнем-Новгороде, Смоленске, Тобольске, Енисейске и Риге. В состав надворного суда входили президент, вице-президент и ассесоры, которых обычно было шесть, хотя фактически в отдельных заседаниях обыкновенно присутствовало меньше. Президенты были только в надворных судах Воронежа, Смоленска, Казани, Енисейска, и Риги, в остальных названных выше городах во главе надворных судов были вице-президенты. На деле, с 1722 года, и по закону, председателями надворных судов стали губернаторы, вице-губернаторы и воеводы, так что отделение суда от администрации осуществлено не было [5]). Ведомство надворного суда составляли суд по гражданским и уголовным делам и по должностным преступлениям воевод, причем надворный суд был первой инстанцией по всем гражданским и уголовным делам того города, в котором он находился, а также по воеводским должностным преступлениям и по делам, воз-

---

[1]) *Богословский*, Обл. реф., стр. 131—132.
[2]) Там же, стр. 137—138.
[3]) Там же, стр. 140.
[4]) Там же, стр. 171—172.
[5]) Там же, стр. 186—187.

никшим по донесениям фискалов, и, кроме того, надворный суд был второй инстанцией по уголовным и гражданским делам, разбиравшимся и решавшимся нижними судами [1]). При надворных судах были канцелярия под начальством назначенного сенатом секретаря, нотариус для ведения протоколов и прокурор для надзора за скоростью, правильностью и законностью решения дел в самом надворном суде, а также для надзора посредством фискалов за низшими судами. В случае неправильностей на суде прокурор делал свои замечания, а если их не слушали, доносил генерал-прокурору [2]).

Низшую судебную инстанцию по отношению к надворным судам составляли находившиеся на равном между собою положении провинциальные суды, учрежденные сначала в Петербурге, Москве, Смоленске, Казани, Нижнем-Новгороде, Ярославле и Воронеже, и отдельные судьи в незначительных городах—так-называемые городовые или земские судьи. Из низших инстанций в высшие дела переходили или по апелляции, т.-е. по жалобе на существо решения дела, приносимой одной из сторон в высшую инстанцию, или по ревизии, т.-е. низший суд производил следствие и, не вынося приговора, отсылал все дело и материалы по нему в высшую инстанцию для окончательного решения. Председателями провинциальных судов были обер-ландрихтеры, а членами ассесоры, которых было от двух до четырех в каждом суде [3]).

Таково было первоначальное устройство судебной части в губерниях, провинциях и уездах по реформе 1719—21 годов. Но разделение властей очень плохо прививалось к русской почве: постоянно сказывались старые тенденции. С одной стороны, судьи вмешивались в административные дела, с другой—и это было гораздо чаще—администрация захватывала в свои руки судебные дела и по привычке к произволу, усмотрению и еще более по жадности, из желания поживиться на счет тя-

---

[1]) Там же, стр. 198—199

[2]) Там же, стр. 187.

[3]) Там же, стр. 203 и сл.

жущихся. Дело доходило иногда до сделок воевод с судьями: в Тамбове судья уступил весь суд воеводе, а воевода за то обязал население доставлять судье дрова, сено и проч. Иногда судьи уступали воеводам отдельные выгодные судебные дела. По словам одного указа юстиц-коллегии, судебная и административная власть „с яростью и презрением тщатся“ уничтожить одна сделанное другою. Все эти обстоятельства, влияние условий русской действительности, заставили Петра, по советам его ближайших сотрудников—Меншикова и Апраксина,—уничтожить отделение судебной власти от административной: указами 12 марта и 4 апреля 1722 г. провинциальные суды и отдельные судьи были отменены, и открыты новые провинциальные суды в каждой провинции, где не было надворного суда. Эти новые провинциальные суды имели председателями воевод, а членами двух или одного ассесора, а в дальние города воевода назначал единоличных судей—ассесоров или судебных комиссаров с правом судить дела по искам ценностью не выше 50 р. [1]). В то же время губернаторы стали президентами надворных судов.

Так устроены были в 1719—22 годах разные отрасли управления—администрация, суд и финансы—в губернии и провинции. Чтобы закончить обзор общих, не специальных административных учреждений, остается рассмотреть еще устройство дистрикта. И здесь надо различать реформу, произведенную в 1719 году, от позднейших перемен.

В 1719—23 годах в дистриктах существовали земские комиссары, назначавшиеся каммер-коллегией, причем каммер-коллегия назначала земских комиссаров на целую провинцию разом по числу ее дистриктов, а распределение назначенных по отдельным дистриктам было делом воеводы и камерира. Земские комиссары были по преимуществу финансовыми чиновниками и потому ближайшим образом подчинялись камериру, а потом уже воеводе и губернатору. При земских комиссарах были еще по одному или по два подчиненных комиссара из местных землевладельцев, назначавшихся или каммер-

---

[1]) Там же, стр. 228—236.

коллегией или местной провинциальной администрацией, и земская канцелярия из подьячих, солдат и рассыльных. Компетенция земских комиссаров, как только-что сказано, была по преимуществу финансовая, но они ведали также и полицейские и даже судебные дела. Впрочем, и в финансах и в полиции к его ведению относилась лишь исполнительная деятельность,—выполнение распоряжений высших властей. Главное, что входило в его ведомство,—это сбор податей и понуждение к отбыванию натуральных повинностей. Но, сверх того, земский комиссар производил предварительное полицейское дознание по преступлениям и отсылал его в судебные учреждения, понуждал к починке дорог, заботился о размещении войск и даже решал некоторые судебные дела, особенно дела о возвращении беглых крестьян и дворовых их владельцам [1]).

В положение земских комиссаров, в администрацию дистриктов и косвенно, посредствующим образом, во всю провинциальную администрацию внесены были весьма существенные изменения подушной податью, первой ревизией и связанным с ним расквартированием армии по губерниям, провинциям, уездам и дистриктам. Начало этим переменам положено было ревизией переписи в 1722 и последующих годах. Для производства этой ревизии назначены были генералы и офицеры—„генералитет" и „переписчики", как их тогда называли; на обязанности их лежало потом и расквартирование полков. Общий план этого расквартирования был выработан в 1722 году, а в апреле и мае 1724 года был созван съезд „генералитета" или „переписчиков" в Москве, и при их участии были выработаны правила о порядке сбора подушной подати и об отношениях между полковым начальством и местной администрацией: этим создана была основа для новых законодательных актов, изданных в 1724 году: „плаката" (постановления о постройках и порядке для размещения войск), инструкции полковникам и иструкции земским комиссарам [2]). Для конкретного определения размещения армии, постройки полковых дво-

---

[1]) Там же, стр. 140, 148, 149, 153, 154, 158.
[2]) Там же, стр. 328, 360, 362.

ров и для выбора новых земских комиссаров стали созываться съезды землевладельцев—духовных и светских—по полковым дистриктам. „Генералитет“ приобрел при этом важное значение, так как съезды созывались под его руководством и наблюдением: он стал выше воевод, подчинил их себе в значительной степени [1]). Кроме того, появилась новая разновидность земских комиссаров—комиссары выборные от земли, на дистриктных съездах землевладельцев. Далее: полковое начальство, начальство размещенных по дистриктам полков получило важное значение в областном управлении.

Выборы новых земских комиссаров впервые состоялись в конце 1723 г. Дворянство для этих выборов собиралось ежегодно в декабре на дистриктные съезды и выбирало на год земского комиссара для своего дистрикта. В 1724 г. запрещено было участвовать в этих выборах приказчикам и управляющим,—право выбора предоставлено было только одним помещикам непосредственно. Дистрикты выборных земских комиссаров 1724 и последующих годов были обширнее дистриктов земских комиссаров 1719 г., назначавшихся каммер-коллегией. Эти новые дистрикты не считались с делением на провинции и выборные земские комиссары не были подчинены воеводе и камериру, а давали отчеты каммер-коллегии и съездам дворянства. Ведомство их состояло главным образом в сборе подушной подати, затем в сборе провианта и фуража для проходивших через дистрикт войск, в наблюдении за исполнением дорожной повинности, в производстве рекрутских наборов (с 1725 г.) и в некоторых полицейских функциях, напр., в сборе штрафов за прописку душ, в участии в освидетельствовании порубок в заповедных лесах и в штрафовании за это и т. д. В случае столкновения военных с жителями дистрикта суд состоял из полковника и земского комиссара [2]).

Воевода и камерир с появлением новых земских комиссаров потеряли значительную часть своей компетенции: они утратили те полицейские и финансовые обя-

---

[1]) Там же, стр. 367—370, 388.
[2]) Там же, стр. 406, 412, 421, 425, 428, 430—433

занности, которые были связаны со сбором подушной подати [1]).

Но с появлением земского комиссара новой формации не исчезли старые земские комиссары, назначавшиеся каммер-коллегией и имевшие свои особые дистрикты, отличные от дистриктов выборных земских комиссаров. Они собирали старые недоимки по подушной подати и рекрутским наборам и ведали сборы с бань, рыбных ловель, мельниц и винокурен [2]).

Кроме земских комиссаров нового типа, были еще полковые комиссары или комиссары от полков, выбиравшиеся всеми офицерами полка. Их ведомством была раздача жалованья полку из сумм, доставленных от сбора подушной подати земскими комиссарами [3]).

Эти полковые комиссары—уже часть военной администрации. Они были низшей инстанцией особого военно-финансового ведомства, так-называемого комиссариата. Высшую начальственную инстанцию по отношению к полковым комиссарам составляли обер-комиссары, еще выше был оберстер-кригс-комиссар, а главой всего ведомства являлся генерал-пленипотенциар-кригс-комиссар [4]).

Но и полковое начальство принимало участие в управлении и в частности в действиях земских комиссаров: рапорты о подушном сборе подписывались не одним земским комиссаром, но и полковником; земский комиссар и полковник вместе наблюдали, чтобы не было побегов податного населения, чтобы помещики переводили крестьян из одной деревни в другую только с разрешения каммер-коллегии; выдача паспортов податному населению производилась опять-таки вместе и земским комиссаром и полковником; наконец, как уже сказано, суд между военными и невоенными вершили опять-таки совместно полковник и земский комиссар [5]).

Мы познакомились таким образом со сложной системой общей центральной и местной администрации, установленной второю административной реформой Петра

---

[1]) Там же, стр. 435.
[2]) Там же, стр. 437 и сл.
[3]) Там же, стр. 429.
[4]) Там же, стр. 429.
[5]) Там же, стр. 430 и сл.

Великого. Но, кроме общей администрации, был еще ряд специальных: таково было управление монастырскими и архиерейскими землями, дворцовое управление, управление лесами, политическая полиция и ведомство поземельных дел. Что касается церковных земель,—об их управлении пойдет речь особо. Об остальных специальных отраслях управления необходимо сказать сейчас несколько слов.

В 1721 г. был восстановлен дворцовый приказ; но он был подчинен каммер-коллегии. Местными его органами были управители отдельных дворцовых волостей, подчиненные воеводам [1]). На дистриктных съездах землевладельцев, выбиравших земских комиссаров и обсуждавших вопрос о расквартировании армии, присутствовали и дворцовые управители [2]).

Специальное лесное ведомство имело назначением охрану заповедных лесов, пригодных для постройки кораблей. Оно составляло департамент адмиралтейств-коллегии. Во главе его стоял вальдмейстер, которому в провинциях, имевших леса и сплавные реки, подчинялись унтер-вальдмейстеры, действовавшие через подчиненных им лесных надзирателей [3]). В случае порубок в заповедных лесах вальдмейстеры производили их освидетельствование в присутствии выборного земского комиссара и взыскивали с виновных штраф [4]).

Политическая полиция находилась в ведении Преображенского приказа и Тайной канцелярии. Эти два учреждения одновременно ведали политические дела, распределявшиеся между ними не по каким-либо нормам и по практическому удобству. В Преображенском приказе, бывшем собственно еще обычным полицейским управлением Москвы, действовал главным образом князь Ромодановский—сначала отец, потом сын,—а в Тайной канцелярии Толстой и Ушаков, иногда еще Скорняков-Писарев и реже всего Бутурлин. С самого начала своей деятельности Тайная канцелярия, возникшая в связи с розыском о царевиче Алексее, по своей компетенции была на три

---

[1]) Там же, стр. 43.
[2]) Там же, стр. 368.
[3]) Там же, стр. 43.
[4]) Там же, стр. 432.

четверти учреждением, ведающим политические дела, дела о государственных преступлениях. Но в то же время по наследству от майорских розыскных канцелярий, учреждавшихся с конца 1717 г. для разбора дел по специальному поручению Петра, Тайная канцелярия ведала и дела „интересные“, т.-е. дела, касавшиеся финансового ущерба,—напр., о хищениях всякого рода, а также дела о раскольниках и особые дела по специальному поручению; часто дела входили в Тайную канцелярию из кабинета его величества. Выше Тайной канцелярии стояли только сенат и кабинет его величества. В 1722 г. Тайная канцелярия получила определенное ведомство, причем дела „интересные“ сюда не вошли [1]).

Поземельные дела входили в компетенцию особого учреждения, сменившего собою старый поместный приказ,—так-называемой вотчинной коллегии.

При характеристике компетенции Тайной канцелярии было сейчас упомянуто высшее или верховное учреждение, о котором раньше мы еще не говорили, именно кабинет его величества. Этот кабинет был несомненным предшественником будущего верховного тайного совета. В состав его входили сам Петр, кабинет-секретарь Макаров и начальник канцелярил Черкасов. В случае надобности, туда приглашались временно, специально для данного, определенного дела, и другие лица. Ведомство кабинета было очень важным: тут Петр утверждал выработанные законы и иногда, подбирая себе специальных советников, вырабатывал новые законы, так что сенату оставалось их только публиковать. Законодательное значение кабинета было выше такого же значения сената [2]).

Такова была вся система общих и спецальных—верховных, центральных и областных—учреждений Петра Великого. Нет никакого сомнения, что по основной идее, в них вложенной, в теории органы управления, созданные второй административной реформой Петра, были учреждениями, т.-е. организациями с постоянным соста-

---

[1]) *Веретенников,* История Тайной канцелярии Петровского времени, Харьков. 1910, стр. 29 и сл., 79 и сл., 131 и сл., 160, 174.

[2]) *Павлов-Сильванский.* Проекты реформ в записках современников Петра В., стр. 66—67.

ным и определенным ведомством. Это само по себе уже показывает, что при Петре Великом русское государство стало приобретать окончательно характер союза общественного господства, имеющего в виду интересы и цель общего блага.

Это общее теоретическое положение ясно сознавалось Петром. В одном из своих указов Петр говорил о себе, что он „трудился в добрый порядок привесть земское справедливое правление“; в речи 22 октября 1721 г., произнесенной в Троицком соборе в Петербурге в ответ на поздравление сенаторов по случаю заключения Ништадтского мира Петр сказал, что задача государя — „трудиться о пользе и прибытке общем“. Еще в манифесте о вызове иностранцев, изданном в 1702 г., он упоминал „о попечении нашем об общем благе“ [1]).

Но ко всему этому, как всегда бывает, жизнь внесла свои поправки, существенно меняющие дело. Общее благо понималось Петром в действительности, как благо дворянской государственности, — то была одна поправка Другая поправка создавалась традициями прошлого. Именно от них происходило смешение компетенции разных учреждений, хищения всякого рода, пережитки системы кормлений. Мы отчасти уже выше отмечали это, указывая на вторжение администрации в область суда, на сделки между судьями и воеводами, на сохранение старого понятия о судейских функциях, как о доходной статье, на неразграниченность ведомства Преображенского приказа и Тайной канцелярии и т. д. К этому надо прибавить страх судей перед „сильными персонами“, слабость судов, доходившая до того, что для достижения явки на суд подсудимого приходилось захватывать заложников из его крепостных, корыстолюбие и пристрастие судей [2]). С 1715 года Петр установил жалованье за службу. Но жалованье выдавалось неаккуратно, потому что львиная доля доходов государства поглощалась армией и флотом. В 1723 г. велено было вычесть четверть жалованья у всех служащих, да и остальные три четверти потом выданы были не деньгами, а мехами

---

[1]) Там же, стр. 18, 20.
[2]) Там же, стр. 251—253.

и другими сибирскими товарами. Отсюда происходили взяточничество и незаконные поборы [1]). Более половины всех платежей крестьянского двора государству не доходило до казны, а шло в карман чиновников [2]).

Разные наслоения—остатки старины, с одной стороны, и новые достижения, окрашенные при этом в своеобразный цвет бурной, революционной эпохи,—наблюдаются и в праве и судебном процессе петровского времени.

Из остатков старины идея возмездия все более и более отмирала: в военном законодательстве Петра Великого—Воинском Уставе, изданном в 1716 году по иностранным образцам с существенными, однако, иногда от них отступлениями [3]), эта идея выражена, естественно, сильнее, чем в петровских указах [4]): это понятно, потому что военное законодательство всегда сохраняет гораздо больше старых традиций, чем законодательство гражданское.

Из новых начал, развивавшихся, конечно, из тех элементов, зародышей и недоразвитых форм, которые существовали и раньше, обращает на себя внимание идея общего блага. Она всего ярче в петровском законодательстве выразилась в более точном, чем прежде, определении условий вменения [5]). Конечно, и здесь надлежащая полнота далеко не была достигнута, но успехи сравнительно с прошлым все же сделаны были значительные. Так, первое в русском законодательстве определение возраста, которым устанавливается вменение преступного деяния, принадлежит указам Петра Великого; оно, правда, далеко не точно, слишком обще, мало определенно, но принципиально важно: по Воинскому Уставу, „младенцы“ не наказываются за воровство,—их наказывают в домашнем, семейном порядке родители [6]). Предполагается также уменьшение или даже полная от-

---

[1]) Там же, стр. 261, 263—264.

[2]) Там же, стр. 294.

[3]) *Бобровский.* Военное право при Петре В., ч. 2, вып. 2, стр. 190 и след.

[4]) *Филиппов.* О наказании по законодательству Петра Великого в связи с реформою, М. 1891, стр. 408.

[5]) *Владимирский-Буданов,* История русского права, изд. 7-е., Киев. 1915, стр. 363.

[6]) Там же, стр. 364.

мена кары в тех случаях, „если кто в лишении ума воровство учинит“ [1]. Точно так же случайное убийство не карается [2]). Признается состояние необходимой обороны [3]). Состояние крайней необходимости, в каком находилось лицо, совершившее преступление, смягчает вину и даже ведет к освобождению от наказания: так, тот, кто от голоду украдет что-либо съестное, или вовсе не наказывается или карается минимально [4]). Покушение часто наказывается меньше, чем совершение преступления [5]). Ограничены семейные и имущественные права идиотов [6]).

Но общее благо понимается под определенным углом зрения: это—не благо общества в целом, а польза государства, его охрана и „прибыток“. Эта основная идея проходит красной нитью через все уголовное право эпохи Петра Великого. Преступление—это то, что запрещено законом, что „вред и убыток государству приключити может“ [7]). Поэтому деяния морально безразличные, но не находящиеся в видах государства, запрещенные государством, вроде ношения бороды или старинного платья, караются как преступления. Поэтому же карается покушение на самоубийство, и даже труп самоубийцы подвергается каре [8]). Одинаковое наказание—каторга—назначено за ношение русского платья и бороды, за неявку на смотр или бегство со смотра, за челобитье на имя государя помимо установленных инстанций, за делание „староманерных судов“, за недонесение на воров, „переливание российских старых денег“ и за посечение заповедных лесов, именно по той причине, что везде тут—ослушание существующих указов [9]).

Чтобы достигнуть этой основной цели—соблюдения закона, предотвращения всего того, что причиняет „вред

---

[1]) Там же, стр. 364.
[2]) Там же, стр. 365.
[3]) Там же, стр. 365.
[4]) Там же, стр. 366.
[5]) Там же, стр. 366.
[6]) Там же, стр. 381.
[7]) Там же, стр. 363.
[8]) Там же, стр. 369.
[9]) *Филиппов*, О наказании по законод. Петра В., стр. 155—156.

и убыток государству", законодательство эпохи Петра Великого знало одно первенствующее во все революционные эпохи средство—террор, устрашение. На каждом шагу в этом законодательстве встречается угроза „жестоким штрафом", „каторжным истязанием", „жестоким страхом, гневом и разорением", „наказанием смертным, ссылкою на галеры, лишением всего имения", наказанием „без всякой пощады", „неотменным истязанием" и т. д.[1]). Поэтому в наказаниях господствует чрезвычайная жестокость. Не говоря уже о Воинском Уставе, который характеризуется как „жестоко-кровавый" закон [2]),—в указах преобладают смертная казнь, членовредительные, болезненные и позорящие телесные наказания. С целью устрашения смертная казнь совершалась публично и часто применялась в особо-квалифицированных формах: так, за измену, отравление, отцеубийство и грабеж назначалось колесование, за оскорбление величества действием четвертование [3]). Многочисленны были виды членовредительных наказаний—отсечение членов тела, рвание ноздрей, клеймение: здесь сразу достигались все цели наказания—и устрашение и обезврежение преступника, создание внешних признаков, которые давали возможность остерегаться его в будущем [4]). К этому надо прибавить, что членовредительные, болезненные и позорящие наказания сопровождали обыкновенно и очень частые ссылку и каторгу, так что, можно сказать, они вообще господствовали в уголовных карах того времени [5]). Батоги, шпицрутены, кошки и плети—применялись очень часто [6]). Петр Великий ввел в русское уголовное право и сильно развил особый вид наказания—лишение чести и прав, „шельмование" или политическую смерть. Но и здесь преследовалась та же цель устрашения. Недаром в одном из указов, сюда относящихся, сказано, что лишение чести—страшнее казни [7]).

---

[1]) Там же, стр. 141, 146—147.
[2]) Там же, стр. 445.
[3]) *Владимирский-Буданов,* Обзор. ист. р. права, стр. 372.
[4]) *Филиппов,* О наказании, стр. 330—331.
[5]) Там же.
[6]) *Владимирский-Буданов,* Обзор, стр. 373.
[7]) *Филиппов,* О наказании, стр. 365.

Но устрашение—только служебное средство. Главное—выгода и польза для государства, в особенности его „прибыток“. Поэтому возможны были и часто проводились в жизнь, если это было полезно и выгодно для государства, отмены и замены казни ссылкой, каторгой, работой на галерах. Каторга была выгодна государству, она являлась „местом необходимого для правительства труда“ [1]). Бывали даже случаи замены смертной казни отправкой на службу, на работы, взятием рекрут с виновного и т. д. [2]). Именно в интересах государства и власти строжайшим образом преследовались, как всегда в революционные эпохи, государственные, политические преступления, вплоть до осуждения действий и намерений правительства и разных финансовых и полицейских запретов [3]). Широкое распространение конфискаций имущества и денежных штрафов, также обычное во времена революций, объясняется тоже стремлением к „прибытку“ государства и потребностью в расправе с политическими противниками [4]). И эти, выгодные для государства, виды наказаний поэтому сплошь и рядом сопровождали смертную казнь, ссылку и каторгу, можно сказать другими словами, применялись при каждом сколько-нибудь большом политическом или уголовном деле [5]). Штрафы применялись очень часто и в весьма прихотливых формах [6]).

Одной из существенных особенностей петровских указов (не Воинского Устава), касавшихся уголовного права, является частая неопределенность кар. „Законы с безусловно неопределенными наказаниями были весьма распространены“, и даже безусловно определенная санкция часто „применялась неточно и постоянно изменялась“ [7]). Обыкновенно это объясняется тем, что здесь влияло стремление уяснить и определить субъективный момент преступления, дать возможность судье свободнее

---

[1]) *Фойницкий,* Учение о наказании, Спб. 1889, стр. 268.
[2]) *Филиппов,* О наказании, стр. 239—242.
[3]) *Владимирский-Буданов,* Обзор, стр. 368.
[4]) *Филиппов,* О наказ., стр. 193—196.
[5]) Там же, стр. 345.
[6]) Там же, стр. 351.
[7]) Там же, стр. 223, 225.

судить о мотивах деяния [1]). Едва ли, однако, с этим можно согласиться: и тут действовал мотив государственной пользы и выгоды, целесообразность с государственной точки зрения. Недаром Петр писал, что в таких случаях надо действовать „по состоянию дел, понеже случаи ежедневно переменяются“ [2]).

Остается рассмотреть еще судопроизводство, судебный процесс эпохи Петра Великого.

Нельзя сказать, чтобы по этому важному вопросу достигнуто было согласие между исследователями. Главные мнения здесь сводятся к следующему.

Дмитриев [3]) так изображает перемены в судебном процессе времен Петра Великого: 21 февраля 1697 года отменены были и суды и очная ставка; „вместо судов и очных ставок во всех гражданских делах введен розыск, в крепостных делах по крепостям [4]), а в некрепостных по розыску“, причем „все доказательства ограничены двумя: свидетелями и присягой“; „розыск в его новом виде был нечто среднее между судом и прежним уголовным процессом; от суда он отличался допросом, от очной ставки—отсутствием повального обыска, от уголовного процесса недопущением улик и пытки“; в Воинском Уставе 1716 г. совсем уничтожена разница между уголовным и гражданским судопроизводством; это окончательно было установлено указом 5 ноября 1723 года; по этому последнему указу форма суда была восстановлением древнего обвинительного процесса с некоторыми особенностями.

Владимирский-Буданов, сходясь с Дмитриевым в объяснении указа 21 февраля 1697 г., отмечает, что к Воинскому Уставу 1716 г. было приложено „краткое изображение процессов“, составленное по иностранным образцам. „Здесь нашло себе место полное применение понятия следственного (инквизиционного) процесса; процесс становится тайным и письменным (вместо судоговорения установлен двукратный обмен бумаг между сто-

---

1) Там же, стр. 229.
2) Там же, стр. 231.
3) История судебных инстанций, стр. 541—546.
4) Т.-е. по письменным документам.

ронами). Поверенные допускаются только при невозможности для сторон лично явиться в суд и только по некоторым делам". Судебные доказательства по „процессам": 1) собственное признание—„это лучшее свидетельство всего света", 2) свидетельские показания, причем свидетелями не могли быть люди опороченные (преступники, явные прелюбодеи, люди, не бывшие у исповеди), свидетельское показание мужчины считалось выше показаний женщины, показание знатного человека выше показания простолюдина, духовного выше, чем светского, ученого выше, чем неученого; затем не допускается свидетельство родственников, и, наконец, показание одного свидетеля не считается совершенным доказательством; 3) очистительная присяга обвиняемого при отсутствии достаточных улик против него; впрочем, все же обвиняемый при этом остается на подозрении; 4) письменные доказательства, т-е. документы в делах гражданских. Вероятно, „краткое изображение процессов" относилось только к военным судам, потому что в 1723 г. издан указ „о форме суда" для судов гражданских. Это—восстановление старого состязательного процесса с изменениями, ведущими к большей активности судьи в борьбе сторон; „тогда введена форма прошений по пунктам, стеснение сторон в сроках явки к суду". Предполагалось, что суд по форме будет и в уголовных и в гражданских делах, но „некоторые главные постановления суда по форме не применяются к делам об измене, злодействе (т.-е. преступлениях против веры, убийстве, разбое, татьбе), оскорблении величества и бунте" (ст. 5). Таким образом „краткое изображение процессов" действовало в делах уголовных („доносительных и фискальных"), и „суд по форме" в делах гражданских („партикулярных"). Фактически, однако, „суд по форме" не удержался и в гражданских делах: и здесь вместо устного судоговорения действовало письменное производство, т.-е. торжествовал инквизиционный процесс [1]).

Наконец, в последнее время высказано мнение, что в судебном процессе Петр отменил следственное производство или розыск с очными ставками, повальным

[1]) *Владимирский-Буданов,* Обзор ист. р. права, стр. 641—643.

обыском и пытками и установил для гражданских и уголовных дел устный состязательный процесс по указу о форме суда 5 ноября 1723 г. [1]).

Обращаясь теперь к критике существующих взглядов на основании источников, надо прежде всего установить, что переход к господству розыска в указе 21 февраля 1697 г. [2]) был завершением того развития розыска в ущерб суду, какое совершалось в Московском государстве. Таким образом начало процессуальной реформы Петра было генетически тесно связано с тем, что было до него. Но это было своего рода reductio ad absurdum розыскного производства и потому не могло удержаться. И прежде всего не удержалось в той области, где раньше всего запахло Европой,—в армии, в военном суде. Отсюда вышел Воинский Устав 30 марта 1716 года. Но уже при самом его издании Петр прислал в сенат именной указ, в котором прямо сказано, что „понеже оной (Воинский Устав), хотя основанием воинских людей, однако, касается и до всех правителей земских... того для, когда напечатают, то разошлите по пропорции во все корпусы войск наших, также и по губерниям и канцеляриям“ [3]). Таким образом ясно, что Воинский Устав и вторая часть его—Воинские Артикулы—должны были с самого начала иметь не только военное, но и общее значение.

И они действительно его имели [4]). Спрашивается: какое же отношение имели Воинский Устав и Воинские Артикулы к указу о форме суда? Правильно ли устанавливает это отношение Владимирский-Буданов, говоря, что указ о суде по форме действовал в делах гражданских, а Воинский Устав в делах уголовных?

Основанием для такого утверждения является пункт 5-й указа о форме суда, где сказано: „надлежит прежде суда (кроме сих дел: измены, злодейства или слов противных на императорское величество и его величества фамилию и бунт) дать список ответчику с пунктов, поданных от челобитчиков, для ведения по оправданию, таким

---

[1]) *Богословский,* Обл. реформа Петра В., стр. 246.
[2]) Полное Собрание Законов, № 1572.
[3]) *Филиппов,* О наказании, стр. 398.
[4]) Там же, стр. 399.

образом, призвав ответчика пред суд и ему самому отдать оной список"[1]). Этот текст свидетельствует только о том, что в уголовных делах не надо давать предварительно подсудимому обвинительных пунктов. Но он не означает, что уголовные дела не подлежат форме суда. И применение формы суда не исключало применения Воинских Артикулов и наоборот: оба законодательных акта взаимно дополнялись, действовали вместе.

Затем: можно ли считать, что суд по форме был совершенною новостью, устным состязательным процессом? Конечно, элементы устного и состязательного процесса в нем были, но уже в тексте самого указа виден переход к письменному судопроизводству: все показания сторон записываются в особые шнуровые тетради для каждой из них и достоверность записи удостоверяется противной стороной[2]). С другой стороны, в указе о форме суда нет ни слова о доказательствах и их формальном значении и оценке, о чем много говорится в Воинских Артикулах. Никаких противоречий между указом о форме суда и Воинскими Артикулами фактически нет, и они всегда действовали вместе, одновременно и по всем делам. Нечего, кажется, настаивать и на том, что суд по форме не имеет ничего общего с судом Московской Руси в его противоположности розыску. И суд по форме, и Воинские Артикулы— новое законодательство, единое по его приложению в жизни, если не считать специально военных частей Артикулов, и, надо прибавить, законодательство в духе новой дворянской государственности в области процесса так же, как и в области права вообще. Доказаны и его заимствования с иностранных образцов, и изменения, внесенные в заимствованное условиями русской жизни[3]). И причина заимствования ясна: и в странах европейского континента—Германии, Дании, Швеции, Франции—существовал тот же государственный порядок, который заканчивался постройкой в России при Петре Великом.

---

[1]) *Владимирский-Буданов,* Обзор, стр. 643.
[2]) Полн. Собр. Зак., № 4344.
[3]) *Бобровский,* Военное право при Петре В.

VI.

Церковь и духовенство при Петре Великом.

Церковная реформа Петра Великого, подготовленная, как мы видели, предшествующим временем, по своему смыслу и значению соответствует церковной реформации на западе Европы. Как и в западно-европейских странах,— и в России поставлен и разрешен был вопрос об отношении церкви к государству, именно при окончательном утверждении новой дворянской государственности и двинуто было в то же время вперед дело о секуляризации церковных земель. Вопрос об отношениях церкви к государству решен был, вопреки мнению некоторых исследователей[1]) и согласно с мнением других[2]), совершенно определенно в смысле подчинения церкви государству.

16 октября 1700 года умер патриарх Адриан. Вместо выбора нового патриарха Петр, два месяца спустя после этого, 16 декабря 1710 г., назначил ростовского митрополита Стефана Яворского „местоблюстителем патриаршего престола". Справедливо указывают, что этот факт свидетельствует уже о решении Петра отменить патриаршество.

При местоблюстителе, как и при патриархе конца XVII века, собиралось совещательное учреждение—Освященный собор для совещания по важнейшим делам церковного управления. Оно состояло из епископов, по очереди вызывавшихся из епархий. В свое время было уже указано, что Освященный собор был зародышем будущего синода.

---

[1]) *Кедров,* Духовный регламент в связи с преобразовательною деятельностью Петра Великого.

[2]) *Чистович,* Феофан Прокопович; *Никольский* — в рус. ист Покровского.

Если существование Освященного собора при местоблюстителе патриаршего престола не означало еще уменьшения власти местоблюстителя сравнительно с властью патриаршей, то все же надо признать, что власть митрополита Стефана в его новом положении была гораздо ниже, чем власть патриарха. Это доказывается в особенности тем, что, во-первых, при самом назначении Стефана был уничтожен Патриарший разряд, и дела, ему подведомственные, были распределены по другим приказам, во-вторых, 24 января 1701 года учрежден был Монастырский приказ, во главе которого был поставлен граф Мусин-Пушкин. Целый ряд дел перешел таким образом в ведение Мусина-Пушкина и ушел из рук местоблюстителя патриаршего престола, которому остались только дела собственно духовные. Впрочем, и здесь Стефан не был полновластен: все сколько-нибудь важные дела шли помимо него, через Мусина-Пушкина [1]).

При всем том Стефан Яворский далеко не удовлетворял требованиям Петра на своем посту. Когда в 1711 г. введены были в церковные суды фискалы, Стефан произнес резкую проповедь против этой меры, видя в ней посягательство на независимость церковного суда. Затем в 1714 г. Стефан слишком сурово осудил за склонность к кальвинизму Дмитрия Тверитинова и его единомышленников, дело было пересмотрено сенатом и решено не в пользу местоблюстителя. Наконец, Петр „косо смотрел на распущенность духовенства, на множество праздно бродящих попов и монахов, на кликуш и юродивых, встречавшихся на каждом шагу, на множество вымышленных чудес и ложно объявляемые мощи святых, на недостаток школ для духовенства и народа и приписывал все это недеятельности местоблюстителя“ [2]).

Недовольство было, неудовлетворенность существовала, старый патриарший порядок был разрушен, новый еще не создан. Положение в церкви в течение первого момента реформы было таково же, как и положение государства.

---

[1]) *Чистович*, Феофан Прокопович и его время, стр. 60—61.
[2]) Там же, стр. 69.

Второй момент петровской реформы решил дело. С введением коллегий решено было дать коллегиальное устройство и церковному управлению. Архиепископу псковскому Феофану Прокоповичу предложено было написать Регламент духовной коллегии. 11 февраля 1720 г., как значится в самом Духовном Регламенте, он был обсужден и исправлен Петром, потом 23 февраля 1720 г. архиереями, архимандритами и сенаторами в их общем собрании [1]).

Состав духовной коллегии или синода был точно определен регламентом: она состояла из президента, двух вице-президентов, четырех советников и четырех ассесоров. Президентом был назначен Стефан Яворский, вице-президентами архиепископы новгородский Феодосий Яновский и псковский Феофан Прокопович [2]).

„Дела, подлежащие обсуждению синода как высшей инстанции церковного суда и управления, разделены были между членами по родам их. Два члена ведали дела следственные, другие два—раскольнические, еще двое—дела училищ и типографий; наконец, два ассесора поочередно заседали в Тиунской конторе, заведывавшей церковными делами столицы и вновь завоеванных городов. Члены, заведывавшие отдельными частями, решали все входящие дела и только важнейшие, требовавшие общего рассуждения и новых законодательных мер, вносили в общее собрание“ [3]).

Ведомство синода Духовный регламент определил в главных чертах следующим образом: сюда входили, во-первых, общие дела: 1) свидетельствование акафистов, молебнов, житий святых, мощей, чудотворных икон, рассмотрение духовных сочинений, искоренение суеверий; 2) поучение христианству, для чего необходимо сочинить три книги—о догматах, о христианских обязанностях и образцы проповедей; во-вторых, дела, касающиеся специально духовенства: 1) поставление епископов и рассмотрение в высшей инстанции дел, подсудных еписко-

---

[1]) Полное Собрание Законов, № 3718.
[2]) *Чистович*, Феофан Прокопович, стр. 74.
[3]) Там же, стр. 99.

пам (напр., брачных), 2) дела о расколе, 3) финансовый контроль за духовенством и духовными землями [1]).

Юридически синод, как видно из всего, сейчас сказанного, являлся высшим государственным учреждением. Поэтому в 1722 г. в синод назначен обер-прокурор, обязанность которого походила на обязанности генерал-прокурора в сенате: обер-прокурор должен был следить за тем, чтобы дела в синоде шли скоро и по закону, вполне правильно, протестовать против неправильностей и в случае нужды доносить верховной власти, следить за прокурорами подведомственных синоду духовных учреждений. Обер-прокурору синода подчинены были и духовные фискалы [2]).

Но все это было лишь юридической формой. На практике, в жизни, на деле синод и церковь вообще через его посредство были подчинены государственной власти и притом не только власти монарха, но и сената. В присяге, приносившейся членами синода государю, государь признавался верховным судьей духовной коллегии, государь назначал членов синода, без ведома государя синод не мог издавать распоряжений, по важным делам синод представлял государю докладные пункты, и государь полагал на них свои резолюции; Петр руководил синодом, издавал указы, в которых обращал внимание синода на необходимость перемен в церковной жизни. Синод был подчинен государю, как и сенат, но с очень важным различием: сенат в отсутствие царя принимал самостоятельные решения, синод этого делать не мог [3]). Подчинение синода сенату выражалось прежде всего в том, что синод в своей законодательной деятельности фактически зависел от сената: его законодательные предположения доходили до верховной власти через сенат и обсуждались Петром в сенате. В отсутствие царя дела церковные должны были по закону ре

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 3718, *Востоков*, Св. Синод и отношение его к другим государственным учреждениям при императоре Петре I: „Журн. Мин. Нар. Пр.“ за 1874 г., № 7, стр. 73—74.

[2]) *Градовский*, Русское государственное право.

[3]) *Белдгостицкий*, Реформы Петра Великого по высшему церковному управлению: „Журн. Мин. Нар. Просв.“ за 1892 г., июнь, стр. 271—274.

шаться в общих конференциях членов синода с сенаторами, но фактически и здесь сенат главенствовал над синодом: так, напр., в деле об иконописании сенат не принял резолюции синода, отменив ее; толкование закона также не входило в компетенцию синода, хотя бы закон касался и жизни церкви: в таких случаях на деле закон толковался сенатом, решение которого утверждалось царем [1]).

Что касается судебной власти синода, то в Духовном регламенте нет точной формулировки ее пределов. Синод являлся в данном отношении защитником старых, феодальных традиций и порядков. Он отстаивал судебный иммунитет духовенства и потому требовал, чтобы духовенство было подсудно ему, синоду, не только по должностям, но и по уголовным преступлениям. Мало того: по старому феодальному обычаю синод считал и светских лиц, живущих на церковных землях, подсудными синоду по всем делам, кроме уголовных, решение которых предоставлялось светской власти. И сила традиции была настолько велика даже для Петра Великого, что, несмотря на протесты сената, основательно утверждавшего, что светские лица, живущие на церковных землях, подлежат суду юстиц-коллегии, 19 ноября 1721 г. был издан указ, утверждающий их подсудность синоду по всем делам, кроме криминальных. 12 апреля 1722 г. был точнее определен круг специальной судебной власти синода по отношению к светским людям вообще: по указу, тогда изданному, синод ведал дела о богохульстве, ересях и расколе и о браках. Впрочем, и в этих делах суд имела не одна церковная власть, а в известных случаях сюда вмешивалась и власть государственная: духовная власть постановляла приговор только при собственном признании подсудимого, а если такого признания не было, и приходилось прибегать к пытке, то приговор был делом светского суда [2]).

В общем таким образом надо признать, что на практике, в действительности синод был гораздо ниже сената, фактически подчинялся сенату [3]). Это и понятно:

---

[1]) Там же, стр. 275—281.
[2]) Там же, июль, стр. 1—3.
[3]) Там же, стр. 11.

общая идея и тенденция церковной реформы Петра заключалась в подчинении церкви государству, в превращении церкви в орудие государственной власти.

Характерна, между прочим, одна подробность, показывающая, как Петр старался всячески ослабить значение центрального высшего духовного учреждения: когда в ноябре 1722 г. умер Стефан Яворский, новый президент не был назначен в синод, оставалось только два вице-президента—Феодосий Яновский и Феофан Прокопович [1]). Очевидно, даже тень патриаршей власти мешала Петру. Еще до смерти патриарха Адриана Петр поставил на очередь другой важный, особенно с точки зрения дворянской государственности, вопрос об управлении хозяйственными делами церкви и о церковных земельных имуществах [2]). И этот вопрос также имел тогда с точки зрения синода феодальную постановку.

Для его разрешения в ином, не феодальном смысле 24 января 1701 года был выставлен столь ненавистный в свое время Никону и большинству русского духовенства XVII века Монастырский приказ. Выше было уже указано, что учреждение Монастырского приказа, возглавление его Мусиным-Пушкиным и фактическое вмешательство Мусина-Пушкина во все сколько-нибудь важные церковные дела ограничивали на деле и тот остаток высшей церковной власти, который находился в руках местоблюстителя патриаршего престола Стефана Яворского. Но особенно важно то, что в ведении Монастырского приказа, которым управляло светское лицо, находились имущества и вотчины патриаршего и архиерейских домов и монастырей, и что, переписывая эти вотчины, учитывая их состав и размеры, Монастырский приказ при этом поверял и денежные монастырские и архиерейские суммы и в случае их недостачи правил недостающее с виновных [3]). Это было и признаком контроля государства за хозяйством и денежными средствами церковных учреждений, и шагом по пути к секуляризации церковных земель.

---

[1]) *Чистович,* Феофан Прокопович, стр. 111—112.
[2]) *Горчаков,* Монастырский приказ, Спб. 1868, стр. 120.
[3]) *Горчаков,* Монастырский приказ, стр. 136 и след.

Для местного управления Монастырский приказ в этот период своей истории посылал приказчиков из светских людей, которые были органами финансового и хозяйственного управления и составляли первую судебную инстанцию [1]).

Ведомство Монастырского приказа в это время было чрезвычайно широко: он заведывал, как сказано, архиерейскими и монастырскими вотчинами, имуществами и даже контролировал денежные средства; на его обязанности лежало установление штатов содержания монастырей и регулирование их внутренней жизни с целью направить монастыри на стезю благотворительной и нравоочищающей деятельности; поэтому Монастырский приказ назначал настоятелей монастырей, переводил монахов из одного монастыря в другой, имел над ними судебную и дисциплинарную власть; далее, Монастырский приказ выдавал средства на содержание архиереев, причем средства эти добывались из доходов с архиерейских вотчин, а также и из тех епархиальных сборов, которые ведались архиерейскими казначеями, причем лица, подчиненные Монастырскому приказу, вмешивались здесь в деятельность казначеев, ведали дело сбора совместно с ними; Монастырский приказ заведывал также постройкой церквей, содержанием школ, типографии, содержанием на церковные средства богаделен, госпиталей, инвалидов военной службы и пр.; наконец, он был и важным финансовым учреждением по сбору податей с подведомственных ему земель [2]).

С учреждением коллегий 17 августа 1721 года Монастырский приказ был закрыт, и его финансовые дела были переданы в каммер-коллегию и штатс-контор-коллегию, а судебные—в юстиц-коллегию. Но с учреждением синода он в 1721 г. был восстановлен в качестве учреждения, подчиненного синоду, в 1725 году преобразован был в камер-контору синодального правительства, а потом в коллегию экономии [3]).

При восстановлении Монастырского приказа в 1721 г. ему было предписано ведать все синодальные вотчины

---

[1]) Там же, стр. 148.
[2]) Там же, стр. 169—203.
[3]) *Богословский,* Областная реформа Петра В.

и синодальные приказы Дворцовый и Казенный. Но уже 22 февраля 1721 г. из ведения Монастырского приказа были взяты все вотчины синодальных членов и подчинены прямо синоду. Синодальные Дворцовый и Казенный приказы тоже на деле стали независимы [1]).

В 1723 году Монастырский приказ установил новое административное деление подведомственной ему территории, согласованное с областным делением государственным: прежде территория, подведомственная Монастырскому приказу, делилась по епархиям,—теперь она стала делиться по провинциям, и в каждую из 50-ти провинций государства должен был быть назначен особый управитель—комиссар синодальной команды [2]). В конце 1722 года комиссары синодальной команды были посланы в 31 провинцию из 50-ти; из них о деятельности 19-ти комиссаров ничего не было известно еще в июле 1723 года. Поэтому в первые годы по восстановлении Монастырского приказа общая государственная администрация большею частью безраздельно и независимо от Монастырского приказа собирала подати с церковных вотчин—монастырских и архиерейских,—так как ответственность за исправный—полный и своевременный—сбор податей лежал на ней [3]). Это дополняет ту общую картину петровской церковной реформы: вся реформа и по части высшего центрального церковного управления и в отношении к церковному землевладению представляет собою преобразование, смысл и значение которого заключался в подчинении церкви государству и в тенденции к секуляризации церковных земель. К этому необходимо прибавить, что учреждение Монастырского приказа привело к еще одному важному последствию в области церковного землевладения: петровский Монастырский приказ слил все церковные вотчины в одно целое и уничтожил все привилегии, с ними связанные [4]).

---

[1]) *Горчаков,* Монаст. приказ, стр. 248—254.
[2]) *Богословский,* Обл. реф.
[3]) Там же.
[4]) *Горчаков,* Монаст. приказ, стр. 296.

VII.

Духовная культура первой четверти XVIII века.

В предшествующем изложении—в этом и особенно в IV томе нашего труда—нам не раз уже приходилось отмечать и подчеркивать основное отличие психологии нового дворянства от старой феодальной аристократии. Последняя, замкнутая в узкий круг интересов своего удельного околотка, естественно воспитывалась в духе узкого эгоизма, почти всецело отдавалась низменным побуждениям личного самосохранения и жадного приобретательства, почему и духовная культура, ею созданная, отличалась во всех своих проявлениях крайней бедностью и узостью. Новое дворянство, и раньше несшее главную работу по организации хозяйства в качестве приказчиков и управляющих бояр и князей, оказалось несравненно более боярства приспособленным к вновь создавшимся условиям товарного хозяйства с обширным национальным и даже международным рынком, сплотилось в особое сословие, поглотившее и в значительной степени ассимилировавшее себе и бояр, построило новую самодержавно-дворянскую государственность, словом, проявило такую широту размаха и высоту запросов к окружающей действительности, о каких прежде не могло быть и речи. И этим была создана новая складка в его психологии: выступил на первый план индивидуализм, определились высшие запросы человеческой личности—жажда власти ради самой власти, независимо от материальных выгод, с нею сопряженных, стремление к разнообразию и богатству впечатлений, к наслаждениям не только физическим,

но и умственным, и моральным, и эстетическим, честолюбие, чувство собственного достоинства, элементы интеллектуального чувства, желающего привести в систему все имеющиеся знания, создать науку как нечто цельное, единое, обобщающее. Но, конечно, это новое не истребило старого: и в дворянской психологии было много пережитков старины, которые мирно уживались рядом с новообразованиями, несмотря на противоречия или даже, лучше сказать, вследствие противоречий, так как психология дворянства именно и отличается внутренней противоречивостью, прихотливым, капризным сочетанием нередко противоположных свойств. И это вовсе не случайность: вся материальная сторона дворянской культуры воспитывала в психологии дворянства именно каприз, своеволие, самодурство: ведь вся дворянская жизнь насквозь была пропитана духом крепостничества.

Сочетания внутренно-противоположных психических свойств, создавшие это самодурство, были в отдельных личностях различны, своеобразны: преобладали то старые традиции, то новые приобретения, и степень преобладания тех или других была в отдельных случаях далеко не одинакова. Но и при Петре Великом встречались—особенно в среде старой боярской и княжеской аристократии—люди совершенно старозаветные по своему психическому складу. Они были обломками прошлого, но все же обломками еще заметными. Поэтому, прежде чем перейти к характеристике дворян нового духовного склада, необходимо на минуту остановиться и на этих обломках прошлого.

Бывают документы, которые говорят ярче и громче всяких характеристик. К числу таких документов, по счастью, принадлежит тот, которым лучше всего воспользоваться в данном случае,—именно письмо одного из представителей старого княжья князя М. Голицына из-заграницы, из Амстердама, куда он был послан учиться в 1711 году к его шурину, брату его жены. Письмо—откровенно, искренне до чрезвычайности и ярко рисует нам старого заматорелого барича удельной эпохи с его узкими горизонтами, боязнью нового, беспомощностью в новых условиях, элементарностью побуждений и желаний, примитивностью и грубостью средств, выбираемых для их осуществления. Вот это письмо:

„Амстердам 2 апреля 1711 г. О себе возвещаю, при помощи Божией, жив во обремененных моих печалех и тягостех. О житии моем возвещаю: житие пришло мне самое бедственное и трудное. Первое, что нищета, паче же разлучение. Наука определена самая премудрая; хотя мне все дни живота моего на той науке себя трудить, а не принять будет, дьля того: незнамо учитца языка, незнамо науки. Видим то: которыя наша братья приехали дьля обучения к той же науке, и ни единого не было, чтобы без латинского языка, да и те в три годы ни един человек половины окончать не может. А про меня вы сами можете знать, что кроме природнаво языка никакого не могу знать, да и лета мои ушли от науки, а паче всего в том моя тягость, что на море никоторыми мерами мне быть невозможно того ради, что весьма болен. Как от города поехал, были в пути 8 недель, и в тех неделях единого дня здорового не было, на что свидетельствую себя в том деле теми московскими господами, которые имели путь свой с нами от Архангельского города; а в пунтах или статьях написано господину камисару князю Львову о всей канпании, которые определены в навигатцкую науку, то есть мореходство, чтобы были на сухом пути, обучалися чертежам зимние четыре месяца, а 8 месяцев всегда бы были непрестанно на корабле; а ежели кто сего дела не обучит, и за то будет безо всякия пощады превеликое бедство, от чего Боже сохрани, и тот престрашны гнев в тех пунтах написан рукою самого монарха, и про тот гнев под великим запрещением господину камисару не велено никому сказывать, однако же мне по любви своей открыл. И я, видя ту ярость, а в себе весьма вижу, что сего положенного дела не управить, паче же натура моя не может снесть мореходства, и от того пришел в великую печаль и сомнение и не знаю, как и быть. Но прилучился мне такой благоприятной случай: дьячей сын Суворов, которой имеет присутствие свое в Преображенском, и то дьяка сын крестьник государев и жил в Пербурхе, при дворе государеве, а ныне прислан к нам в Галандию под видом тем, бутто учитца, а больше смотреть, как наша вся канпания в положенной науке обхождение имеет,—и он Суворов ко мне гораздо любовию приклонился и все открыл. И я, видя к

себе его сопряженна в любви, просил его, чтобы дал мне такову помощь, дабы мне чем свободитца от науки морехотцкия, и он мне то обещал, гаковым способом чинить. Есть при государе секретарь Алексей Макарьев, которой носит милость, и к тому секретарю он писал, чтобы он то учинил, упросил, чтобы от той науки нас морехотцкой отставить, и чтобы учитца какой-нибудь сухопутной; также и я, положа на Бога упование, писал с слезным прошением до Федора Матвеевича [1]) о том же; а то мое писмо послал он же Суворов чрез того же секретаря, и о том не могу знать, те писма дошли ль, а посланы на почте в феврале в первых числех. И я о том просил о его Суворова, чтобы еще дал дьля подтвержьдения письмо. И к тебе посылаю, также и к Федору Матфеевичу и прошу вас, моего любезного друга и государя, умилися надо мною, паче дьля кровныя своей [2]), с теми письмами съезди, где будет обитать адмирал и оны секретарь, и упроси, чтобы меня отставить ото той науки а взять к Москве и быть хотя бы последним редовым салдатом, а ежели сего невозможно, и хотя бы в тех же европских краях быть да обучатца бы какой-нибудь науке сухопутцкой, толко чтобы не мореходства. И пожалуй, изволь отдавать из вещей моих, которы есть, тому секретарю или кому другим, от кого помощь сыщешь" [3]).

Все это настолько красочно, что в комментариях не нуждается. Перед нами во весь рост стоит человек старого душевного склада, пугливо мечущийся в новых, непривычных условиях.

А вот другой, новый человек со всеми его недостатками и достоинствами, со множеством пережитков прошлого и с новыми стремлениями и запросами. Это любимец Петра, его „герценкин" (Herzenskind, дитя сердца) Александр Данилович Меншиков, предтеча, прототип тех „случайных", „припадочных" людей, которыми было так богато впоследствии XVIII столетие в России. Сын при-

---

[1]) Апраксина генерал-адмирала.
[2]) Т.-е. для жены автора письма, сестры адресата.
[3]) *Сивков*, Путешествия русских людей заграницу, стр. 60—61.

дворного конюха [1]), торговавший в юности пирогами на улице [2]), Меншиков сделал беспримерную в прошлом карьеру,—стал фельдмаршалом, президентом воинской коллегии, сенатором, получил титул князя. Его честолюбие и властолюбие были всем известны. Мазепа опасался, что Меншиков хочет стать вместо него малороссийским гетманом [3]). Впоследствии его обычно звали „прегордым Голиафом". Веселый собутыльник, остроумный, сметливый, бойкий, умный, способный—он умел угодить Петру, и понравиться ему. Меншиков в угоду ему учился кораблестроению, начальствовал кавалерией, руководил постройками [4]), сооружал корабли [5]), давал советы по хозяйственным [6]) и всяким иным делам, строил крепости [7]) и все это делал удачно, успешно, словом, был на все руки мастер и всегда почти удачливый. Любил роскошь, пышность, построил себе сгромный, великолепный дворец в Петербурге, где давал пышные балы. И вместе с тем был корыстолюбив, платил впоследствии огромный начет [8]), был сильно нечист на руку и попробовал дубинки Петра, который говорил о нем: „в беззаконии зачат, во гресех родила мать его и в плутовстве скончает живот свой" [9]).

Сам Петр соединял в своем характере черты типичные для нового дворянства с его душевными противоречиями, мирно уживавшимися в силу самодурства, с некоторыми особенностями, свойственными вождям великих переворотов.

В нем было много остатков невоспитанности, грубости, распущенности. Он ел кушанья, беря их с блюда прямо руками, любил без меры „беседовать с Ивашкой Хмельницким", т.-е. пить до полной потери сознания, которую, впрочем, испытывали только его собутыльники, даже такой опытный и крепкий, как Меншиков, но не

---

[1]) *Шмурло,* Заметки по истории Петра В.
[2]) Там же.
[3]) *Соловьев,* История России.
[4]) Письма и бумаги Петра Великого, т. II, стр. 607.
[5]) Там же, стр. 611.
[6]) Там же.
[7]) Там же.
[8]) *Соловьев,* История России, т. XVIII.
[9]) Там же.

он сам. Недаром в его время пол дворца во время пиров устилали сеном, чтобы не остались на паркете следы вольных и невольных последствий невоздержности [1]). На ассамблеях и в Летнем саду Петр поил всех беспощадно водкой,— даже дам [2]). После его пребывания в Лондоне хозяин дома, где он жил, представил счет, который показывает, что весь дом был испорчен жильцами самым варварским образом. Но еще хуже то, что Петру свойственна была моральная грубость и распущенность: в письмах его к Екатерине постоянно встречаются самые грубые, неприличные, недопустимые сальности; он без всяких стеснений делится с ней откровеннейшим образом ощущениями своими, испытывавшимися им от интимного общения с потерянными женщинами. Раздраженный патриаршеством [3]), Петр устроил пародию на высшую церковную власть в виде „всешутейшего и всепьянейшего собора“ во главе с князем-папой или всешумнейшим и всешутейшим патриархом московским, кокуйским и всея Яузы Никитой Моисеевичем Зотовым, при котором состояли 12 пьяниц и обжор в звании кардиналов, епископы, архимандриты и другие духовные чины того же рода, как сам патриарх и его кардиналы. С князем-папой Петр сыграл на праздновании Ништадтского мира очень грубую шутку: он велел опустить его в пивной котел и заставил там долгое время плавать, пока ему не стала грозить опасность захлебнуться [4]).

В личной жизни Петр был чрезвычайно расчетлив, даже скуп. Он строил себе скромные дома вместо дворцов, носил очень скромный сюртук из грубого сукна, иногда заплатанные камзол, чулки и башмаки, ездил в плохом кабриолете. Во всем этом можно, конечно, видеть и хорошую сторону: Петр не роскошествовал, не мотал на себя государственные средства. Но подчас эта бережливость переходила меру, и невольно вспоминается при этом скопидомчество таких типично-феодальных людей, как великие князья московские из дома Калиты.

---

[1]) *Милюков*, Очерки по истории русской культуры, III.
[2]) *Берхгольц*, Дневник.
[3]) *Шмурло*, Заметки по истории Петра Великого.
[4]) *Берхгольц*, Дневник, М. 1858, стр. 176.

Петра Великого часто обвиняют в жестокости, указывая на примеры его расправы со стрельцами и на то, что он рубил им головы иногда сам и заставлял то же делать Меншикова и других приближенных. Но жестокостью в собственном смысле этого слова подобные поступки трудно признать: здесь фанатизм, глубокая убежденность в своей правоте, а не личная жестокость. Нартов верно передает истинную природу психологии Петра в этом отношении, вкладывая ему в уста или передавая может быть и действительно сказанные следующие слова: „Я ведаю, почитают меня строгим государем и тираном. Ошибаются в том не знающие всех обстоятельств. Богу известно сердце и совесть моя, колико соболезнование имею я о подданных и сколько блага желаю отечеству. Невежество, упрямство, коварство ополчались на меня всегда, с того самого времени, когда полезность в государстве вводить и суровые нравы преобразовать намерение принял. Сии то суть тираны, а не я. Честных, трудолюбивых, повинующихся, разумных сынов отечества возвышаю и награждаю я, а непокорных и зловредных исправляю по необходимости. Пускай злость клевещет, но совесть моя чиста. Бог судия мой“[1]). Вообще моральные, этические побуждения были очень сильны у Петра. Говоря о государственном строе, мы приводили его воззрения на роль государя как служителя общего блага. Известны его слова перед Полтавской битвой: „а о Петре ведайте, что жизнь ему не дорога,—жила бы только Россия во славе и величии“. Верно замечено, что Петр был строг и взыскателен к себе и снисходителен к другим[2]). И никак нельзя согласиться с тем, что Петр не умел и не хотел входить в положение людей, „не отличался нравственной отзывчивостью своего отца“ [3]). Нет, Петр обыкновенно входил в нужды близких ему людей, умел искренне и горячо любить хотя бы Екатерину, Меншикова и даже правдивого и резкого Якова Долгорукого. Его письма к Екатерине полны редкой нежностью. А Неплюев, напр., гово-

---

[1]) *Нартов*, Рассказы о Петре Великом.
[2]) *Ключевский*, Курс русской истории, IV
[3]) Там же.

рит, что Петр, сверх своих достоинств, как государь, был ему „отец милосердный“ [1]). В этом же смысле надо понимать и казнь царевича Алексея: Петр любил сына, но был убежден в необходимости принести его в жертву и сделал это.

Как человеку, не лишенному моральных идеалов и чувств, Петру была свойственна глубокая и нелицемерная любовь к правде. Поэтому он не любил лжи, лести и хвастовства. Известен рассказ Неплюева, как он опоздал на службу в Адмиралтейство, подгуляв накануне с друзьями и потому проспав и как, увидев ранее прибывшего туда Петра и вспомнив, что ему советовали всегда говорить ему правду, он покаялся ему искренне в своем проступке, откровенно объяснив его причину; Петр понял его и не взыскал, похвалив за правдивость [2]). Известно, как лести Мусина-Пушкина он предпочел сдержанную и обоснованную правду о себе, сказанную Яковом Долгоруким [3]). Наконец, когда немецкий офицер Бюлау расхвастался при Петре, он не выдержал и плюнул ему в лицо [4]).

Это моральное настроение, сила нравственных побуждений, убежденность, идейная смелость и составляли ту этическую черту в характере Петра, которая делала его вождем революции, руководителем великого переворота. Помогала ему в этом и другая черта, необходимая для всякого организатора: понимание людей, умелый их выбор и целесообразное использование не только их достоинств, но и недостатков,—всех их свойств.

Но кроме черт, унаследованных от прошлого, и других свойств характера, необходимых для организатора, вождя, руководителя переворота, Петру Великому принадлежали и те качества, которые составляли общую отличительную черту всего дворянства вообще по сравнению с феодальной аристократией,—именно индивидуализм, широко и глубоко развитой.

Он высоко ценил власть как таковую и потому сурово преследовал всех ей сопротивляющихся. Этой

---

[1]) *Неплюев*, Записки.
[2]) Там же.
[3]) *Ключевский*, Курс русской истори, IV.
[4]) *Берхгольц*, Дневник, стр. 73.

властностью объясняется и расправа со стрельцами, и смерть царевича Алексея, и идеологическое оправдание властного, личного распоряжения престолом, исполненное по заказу Петра Феофаном Прокоповичем в „Правде воли монаршей". Отсюда же происходили стремление Петра выдвигать на первый план незнатных и унижающие наказания знатных, не исполнивших велений властного самодержца: так, однажды он заставил целую компанию знатной молодежи бить сваи на Фонтанке. Индивидуализмом же объясняется у Петра отношение к Европе: по Фоккеродту, Петр говорил, что России надо взять полезное у Европы, а затем повернуться к ней спиной. Чувство личного достоинства переходило здесь естественно в чувство достоинства национального.

Петр любил и ценил славу. С этою именно целью достижения и упрочения своей славы он предпринял в 1711 г. составление „Гистории Свейской войны"; составлено было последовательно восемь ее редакций или „черненийˮ, над которыми работали сам Петр, Шиллинг, Поликарпов, Шафиров, Гюйсен, Макаров и, вероятно, Феофан Прокопович. Эта „Гистория" была издана только при Екатерине II князем Щербатовым под названием „Журнал или Поденная Записка Петра Великого". Но в 1722 г. Петр уже думал о составлении не истории только войны, а всех реформ царствования своего в целом, о чем и занес заметку в свою записную книжку [1]). Петр любил славу до того, что не гнушался даже прямой лестью и ложно классическими прикрасами, вроде фразы: „Александр основал Дербент, а Петр его завоевал" [2]).

Наконец, Петру Великому были свойственны и эстетические запросы и вкусы. Свой дворец в Летнем саду он украсил изящными рельефами, собирал коллекции Эрмитажа, поместил собрание картин фламандской школы в Петергофском дворце. Многочисленные безделушки, выточенные и приготовленные руками Петра Великого, обыкновенно отличаются большим изяществом.

---

[1]) *Шмурло,* Петр Великий в оценке современников и потомства, вып. 1-й, Спб. 1912, стр. 10 и сл.

[2]) ***Милюков,*** Очерки по истории русской культуры, III.

Так, мы видим, что психологический перелом, намечавшийся уже с половины XVI века, в некоторых элементах даже раньше, завершился в первой четверти XVIII столетия. Это получило многочисленные яркие и разнообразные отражения и разных проявлениях духовной культуры.

Прежде всего яркое отражение новой психологии, питаемой новым складом дворянской материальной культуры, заметно в официальной государственной религии петровского времени. Чем хотели тогда сделать религию, какие преобразования в нее вводили,—показывает Духовный регламент Феофана Прокоповича.

Главная задача новой, реформированной дворянским государством религии—борьба с грубыми суевериями и обманами, противоречащими разуму. Поэтому синод должен „смотреть историй святых, не суть ли некие из них ложно вымышленные, сказующие чего не было, или христианскому православному учению противные, или бездельные и смеху достойные повести. И таковые повести обличить и запрещению предать со объявлением лжи, во оных обретаемой. Ибо суть таковые явственно ложные и здравому учению противные“ [1]). „Собственно же и прилежно розыскивать подобает оные вымыслы, которые человека в недобрую практику или дело ведут и образ к спасению лестный предлагают. Например, не делать в пяток [2]) и праздснованием проводить, и сказуют, что пятница гневается на непразднующих, и с великим на оных же угрожением наступает. Також поститися некиих именных дванадесять пятниц, а то для многих телесных и духовных приобретений. Також собственно аки важнейшие паче иных времен службы почитать обедню Благовещенскую, утреню Воскресенскую и вечерню Пятьдесятницы“ [3]). „О мощах святых, где какие явятся быть сумнительные, розыскивать: много бо и о сем наплутано. Например, предлагаются чуждые некие: святого первомученника Стефана тело лежит и в Венеции на предградии, в монастыре Бенедиктинском, в церкви

---

¹) Полное Собр. Зак., № 3718.
²) Т.-е. не работать в пятницу.
³) Полн. Собр. Зак., № 3718.

святого Георгия, и в Риме в загородной церкви святого Лаврентия; також много гвоздей креста Господня и много млека Пресвятыя Богородицы в Италии и иных сим подобных без числа. Смотреть же, несть ли у нас такого безделия?" [1]). „Еще сие наблюдать, чтоб, как деялось, впредь бы сего не было: понеже сказуют, что нецыи архиереи для вспоможения церквей убогих или новых построения повелевали проискивать явления иконы в пустыне или при источнице и икону оную за самое обретение свидетельствовали быти чудотворную" [2]). „Но зде не нужда исчислять вся неправости: словом рещи что либо именем суеверия нарещися может, си есть лишнее, ко спасению непотребное, на интерес только свой от лицемеров вымышленное" [3]).

Феофана его враги подозревали и упрекали в склонности к протестантизму. Конечно, дагматически он протестантом не был, но дух религиозного рационализма чувствуется в этих его заявлениях очень сильно. Критика разума, как поправка к традиционному религиозному учению, выступает здесь на первый план, с полной, совершенной ясностью.

Соответственно этому вводится в известные границы, если не совершенно уничтожается, гордость и самовластие князей церкви—епископов: „ведал бы всяк епископ меру чести своея и невысоко бы о ней мыслил" [4]); необходимо „укротити оную вельми жестокую епископов славу, чтоб оных под руки, донемже здравы суть не важено, и в землю бы оным подручная братия не кланялась" [5]); надо, „чтоб епископ не был дерзок и скор, но долготерпелив и рассудителен во употреблении власти своей связательной, то есть во отлучении и анафеме" [6]).

Но борьбы с суеверием, епископами, высокомерием и самовластием недостаточно. Для того, чтобы победить это зло, преодолеть его, нужно образование, про-

---

[1]) Там же.
[2]) Там же.
[3]) Там же.
[4]) Там же.
[5]) Там же.
[6]) Там же.

свещение, надо „осмотреть, есть ли у нас довольное ко исправлению христианскому учение“ [1]). В этих целях рекомендуется учреждение каждым епископом школы, семинарии, „а в школе той был бы учитель умный и честный, который бы детей учил не только чисто, ясно и точно в книгах честь (что хотя нужное, обаче еще недовольное дело), но учил бы честь и разуметь“ [2]). Учителя должны содержаться на счет особого епархиального сбора—в 1/20 всякого хлеба с монастырей и в 1/30 с церковных земель [3]).

Зная о предубеждении многих своих современников против образования, как источника ересей, автор Духовного регламента указывает, что „кроме древних от гордого глупства, а не от учения бесновавшихся еретиков—наши русские раскольщики не от грубости ли и невежества толь жестоко взбесновалися?“. „А хотя и от-ученых человек бывают ересиархи,—но ересь в оных родилась не от учения, но от скудного священных писаний разумения, а возрасла и укрепилася от злобы и гордости... И если посмотрим через истории, аки чрез зрительные трубки, на мимошедшие веки, увидим все худшее в темных, нежели в светлых учением временах“ [4]).

Как видно из приведенных цитат, Духовный регламент есть религиозно-рационалистический трактат, вносящий существенное очищение в самое религиозное учение и ставящий церковвую иерархию в совершенно определенные рамки. Рационализирующая, в известном смысле, протестанская его тенденция ясна. И дворянска государственность наложила на нее свой штемпель, узаконила ее и признала официальное ее значение.

Надо, однако, заметить, что это, пользовавшееся официальным признанием, учение и направление религиозной мысли, освящавшее авторитетом религии и церковную, и все другие реформы Петра Великого, встречало себе противовес в местоблюстителе патриаршего престола, потом президента духовной коллегии или синода, Сте-

---

[1]) Там же.
[2]) Там же.
[3]) Там же.
[4]) Там же.

фане Яворском. „Воспитанный в польских школах иезуитами, Яворский рано обнаружил ненависть к лютеранству“ [1]) и был горячим противником Феофана. Его „Камень веры“ и проповеди были постоянными, хотя и скрытыми, протестами против всех реформ Петра и против религиозно-рационалистических тенденций [2]).

Между этими двумя крайними течениями умело и удачно лавировало третье, умеренное, примиряющее. Его типичным, виднейшим представителем был Димитрий Туптало, митрополит Ростовский. Он сумел провести примирительную линию в споре Сильвестра Медведева с Лихудами по вопросу о времени пресуществления. Умея дружить с Яворским, Димитрий ладил и с Прокоповичем, особенно заботился о школах, составил новые Четьи-Минеи, славился как талантливый, живой и просвещенный проповедник, обращавший внимание не на догматы, а на мораль, был одним из полемистов против раскола [3]), не впадавшим в бестактность, подобно Питириму нижегородскому, который в пылу усердия в своей, направленной против раскольников, „Пращице“ выдумал деяния несуществовавшего собора половины XII в. против двоеперстия Мартина армянина [4]). Эта выдумка была легко опровергнута старообрядцем Андреем Денисовым. Димитрий Ростовский, хотя и резко восставал против старообрядцев, не прибегал к подлогам и был типичным представителем умеренной, золотой середины. Понятно, что именно он был канонизирован, причислен к лику святых, чего не удостоились ни более правые, ни более левые, чем он.

Церковный, религиозный интерес, решительно преобладавший в XVI в., слабевший в XVII, особенно во второй его половине, не погас и в первой четверти XVIII века, но все же сильно отступил на второй план перед светской литературой и наукой. Просматривая списки книг, выходивших при Петре с 1699 по 1725 год, мы получаем следующую картину: книги чисто-церков-

---

[1]) *Тихонравов*, Сочинения, т. II, стр. 178.

[2]) Там же, стр. 189.

[3]) *Шляпкин*, Св. Димитрий Ростовский и его время, Спб. 1891, стр. 225, 324, 329, 330, 379 и сл., 441 и сл.

[4]) *Шмурло*, Петр В. в оценке соврем. и потомства, стр. 6.

ные, не считая проповедей, являющихся оригинальными произведениями большею частью политического характера и направления, преобладают над светскими книгами, политико-религиозными проповедями и петровскими „Ведомостями“ (с тех пор как они появились) в течение времени между 1699 и 1707 годами [1]); отношение между этими двумя родами выпускаемых книг становится обратным, начиная с 1709 года, причем бывают годы,—как 1710, 1714 и все, начиная с 1716 по 1724 год,—в которые светская литература в ее разновидностях совершенно подавляет духовную [2]).

Это соотношение церковной и светской литературы чрезвычайно характерно: оно показывает, что как раз ко времени наступления второго, решительного момента в реформе Петра Великого обнаруживаются крупные успехи светской литературы, перевес ее над духовной. Мы должны теперь внимательнее присмотреться, что такое представляла собою в отдельных ее видах и подробностях светская литература петровского времени.

Реформа предъявила очень большой, широкий спрос на технику—прежде всего, конечно, военную и морскую, но затем также и всякую другую. Еще в 1700 г. в Амстердаме книгопродавец Тесинг издал русский перевод сочинения греческого императора Льва Миротворца „Об обучении дел воинских“ [3]). В 1701 г. там же, в Амстердаме, была издана „Книга, учащая морского плавания“ Деграфа, переведенная украинцем Копиевским, содержателем русской типографии, там имевшейся [4]). 1702 год дал „Краткое обыкновенное учение строения пеших пол-

---

[1]) Счет здесь и в следующем примечании произведен по книге Пекарского „Наука и литература при Петре Великом“, т. II: церковных книг издано в 1699 г. 13, светских 3, в 1700 г. 15 и 5, в 1701 г. 9 и 2, в 1702 г. 10 и 3, в 1703 г. 10 и 7, в 1704 г. 7 и 7, в 1705 г. 13 и 14, в 1706 г. 8 и 3, в 1707 г. 17 и 1.

[2]) В 1708 г. 8 и 11, в 1709 г. 14 и 20, в 1710 г. 1 и 20, в 1711 г. 9 и 11, в 1712 г. 10 и 9, в 1713 г. 5 и 10, в 1714 г. 5 и 20, в 1715 г. 12 и 9, в 1716 г. 8 и 20, в 1717 г. 3 и 24, в 1718 г. 1 и 17, в 1719 г. 4 и 10, в 1720 г. 6 и 20, в 1721 г. 10 и 21, в 1722 г. 4 и 28, в 1723 г. 6 и 15, в 1724 г. 8 и 13, в 1725 г. 1 и 4.

[3]) *Пекарский*, Наука и литература при Петре Великом, т. II, Спб 1862, стр. 24.

[4]) Там же, стр. 46.

ков“, переизданное во второй раз в 1704 году [1]). В 1705 г. вышел Воинский устав или „Артикул краткой“ Гюйссена,—правда, очень плохой, не повлиявший на устав Петра Великого [2]). В начале века Люхуды, живя в Новгороде, перевели, по заказу Петра, с итальянского сочинение Альгеберта об артиллерии и о способе победить турок на море [3]). В 1708 г. появилась переведенная с французского „Книга о способах, творящих водохождение рек свободное“ [4]). В 1709 г. по приказанию Петра был сделан и вышел перевод немецкого сочинения барона Боргсдорфа под заглавием „Поверенные воинские правила, како неприятельские крепости силою брати“ [5]), затем „Артиллерия“ Брауна, „Новое крепостное строение“ Кугорна и „Новое голландское корабельное строение“ Алярда [6]). Начиная с этого года, столь обильного военно-техническими изданиями, некоторые из которых, как книги Брауна и Кугорна, переиздавались и позднее,—ежегодно подобные книги появляются не в одиночку, а целыми группами [7]). Мы отметим здесь только самые важные, сделавшие в свое время эпоху сочинения, как переведенные с французского в 1711 г. книга Блонделя о фортификации (переводчик—Иван Зотов) и книга Вобана об укреплении городов, перевод которой, сделанный Суворовым, отцом будущего полководца, вышел в 1724 г. [8]). Целым градом стали сыпаться ежегодно разные уставы или „Артикулы воинские“, инструкции, указатели морских сигналов и проч.

Из произведений, относящихся к другим видам техники, отметим такие переводные сочинения, как оставшиеся в рукописях „Гражданская архитектура“ Данкерса, переведенная Михаилом Шафировым [9]), и „Архитектура

---

[1]) Там же, стр. 56, 90.
[2]) Там же, стр. 120—122.
[3]) Там же, т. I, стр. 216.
[4]) Там же, стр. 183.
[5]) Там же, т. II, стр. 209—210.
[6]) Там же, т. II, стр. 216—217, 218—219, 223—225.
[7]) См. там же, т. II, стр. 237 и след.
[8]) Там же, томы I и II.
[9]) Там же, т. I.

цивильная", которую перевел еще в 1698 г. в Венеции князь Долгорукий [1]), а также „Приемы циркуля и линейки", перевод которых издан в 1709 г. [2]), и „Правило о пяти чинах архитектуры" де Вигнола, изданное дважды при Петре [3]).

Мы видели в свое время, как редки и случайны были переводы иностранных сочинений по технике, даже военной, в Московской Руси. Приведенный сейчас перечень важнейшего, что в этой области появилось при Петре, лучше всего показывает, как велики были в этом отношении успехи. Можно сказать, что все высшие достижения военной и морской техники сделались при Петре достоянием русской переводной литературы. Характерно только то, что оригинальное творчество в этой области ограничивалось лишь уставами и инструкциями, стоявшими, правда, на высоте требований времени.

Больше оригинального русского творчества—на-ряду с переводами—наблюдается в математических сочинениях первой четверти XVIII века. Первая русская арифметика издана была Копиевским в Амстердаме в 1699 году. В 1703 г. появилась известная, очень популярная „Арифметика" Магницкого [4]). Тогда же Фарварсон, Гвин и Магницкий напечатали таблицы логарифмов [5]). Киприанов в 1705 году издал „Новый способ арифметики феорики или зрительные [6]), т.-е., повидимому, наглядную арифметику. В 1723 г. он же выпустил „Таблицы склонения солнца" по амстердамском меридиану за время от 1720 по 1741 г. В 1708 г. в Москве напечатана „Геометрия, славенски землемерие", в 1722 г. издано руководство механики, два раза—в 1717 и 1724 годах—вышло переводное сочинение Гюйгенса по астрономии, где защищалась система Коперника, тогда как в географии, появившейся в 1710 г., проводились еще взгляды Тихо де Браге [7]).

---

[1]) Там же, т. I.
[2]) Там же, т. II, стр. 210—211.
[3]) Там же, т. II, стр. 212—214.
[4]) Там же, т. II, стр. 13, 72 и след.
[5]) Там же, т. II, стр. 74.
[6]) Там же, т. I, стр. 272 и сл.
[7]) Там же, т. I, стр. 275, 282—283.

Естествознание сравнительно мало привлекало внимание самого Петра и читающей публики его времени. Больше всего здесь интересовались географией, причем переводились некоторые важнейшие западно-европейские книги по этой отрасли наук о природе, и положено было начало той плодотворной работе первоначального обследования, собирание фактов и материалов пока без широких обобщений, которая по преимуществу характеризовала работу иностранных и русских естествоиспытателей в России в позднейшие десятилетия XVIII века. В начале века переведено было „Введение во всю географию" Клювера. Затем Петр велел перевести и напечатать „Всеобщую географию" Варения и „Новую географию" Гибнера. Географические карты чертили Шхонебек, Киприанов, Пикард, Зубов и Ростовцев. При Петре был послан в Сибирь Мессершмидт — первый ученый путешественник, познакомивший Европу и Россию с географией, естественной историей и этнографией Сибири. Он путешествовал по Сибири, начиная с 1720 года до 1725 г. и работал с помощью шведских пленных [1]). Еще в 1703 г. в Амстердаме издан был составленный адмиралом Крюйсом Атлас течения реки Дона [2]). Курьезным обломком старинных суеверий, выдававшихся прежде за естествознание, является „Илиотропион" — перевод латинского сочинения Дрекселия, сделанный по повелению тобольского митрополита Иоанна Максимовича в 1714 г.: тут проводилась идея „уравнения воли человеческой с волею Божиею по солнцу [3]). Из сказанного ясно, что как ни бедно представлено было в петровскую эпоху естествознание сравнительно с другими научными специальностями, но, по сравнению с прошлым, даже второй половины XVII в., эта бедность оказывалась богатством, тем более, что намечались и отчасти проторялись пути для будущей специальной работы, характерной для всего XVIII столетия.

Обильной при Петре была всякого рода историческая литература. Прежде всего в этой области знания

---

[1]) Там же, I, стр. 338—351.
[2]) Там же, II, стр. 88.
[3]) Там же, II, стр. 315—317.

переиздавались некоторые произведения, хорошо известные и популярные раньше, в XVII веке. Сюда относились по русской истории известный „Синопсис“ Иннокентия Гизеле, изданный при Петре два раза [1]), и „История разорения Иерусалима Титом и Константинополя Магометом II“ [2]). Но, конечно, гораздо важнее старого было то новое, что свидетельствовало об углублении и расширении исторического интереса и даже о некоторых элементарных зачатках научности. Перевод Корана, сделанный в 1716 г., хотя и не с подлинника, а с французского перевода [3]), замечателен потому, что знакомил читающую публику, хотя бы она руководилась и только простым любопытством, с первоисточником магометанской религии, с очень важным историческим памятником. В 1718 г. первым изданием, а в 1724 г. вторым вышел перевод „Введения в историю“ Пуффендорфа [4]), — сочинения, в свое время формулировавшего высшие исторические обобщения. В 1719 г. изданы в русском переводе „Annales ecclesiastici“ Барония под заглавием „Деяния церковная и гражданская“. Перевод этот, впрочем, далеко ниже оригинала, так как, во-первых, переводчик руководился сокращениями, сделанными в Польше Скаргою, во-вторых, он и сам произвел значительные урезки, — исключил многое, несогласное с православием, и, наконец, в третьих, поместил в тексте перевода возражения автору [5]). В 1724 г. был переведен с немецкого „Theatrum historicum“ Стратемана, под заглавием „Феатрон или позор исторический“, содержащий в себе весьма отрицательное отношение к католицизму и защиту протестантизма [6]). В 1722 г. появилась в переводе Рагузинского „Историография народа славянского“ Мавроурбини, т.-е. итальянское сочинение Орбини „Il regno degli Slavi“ [7]). Наконец, вновь переведены были также сочинение Квинта Курция об Александре Великом

---

[1]) Там же, I, стр. 317.
[2]) Там же, II, стр. 306—307 и др.
[3]) Там же, II, стр. 370.
[4]) Там же, I, стр. 325.
[5]) Там же, I, стр. 327—328.
[6]) Там же, I, стр. 328.
[7]) Там же, I, стр. 331.

(в 1709 г.) и „Краткое описание о войнах из книг Цесаревых",—рассказ о войнах Юлия Цезаря, переведенный с французского Волковым по приказанию самого Петра [1]).

Языкознание вызвало интерес: буквари, грамматики, словари разных языков—выходили при Петре в большом количестве. Первые печатные учебники иностранных языков появились в Голландии, где они вышли из типографии Копиевского. В 1704 г. появился „Лексикон треязычный" (славянский, греческий и латинский) Поликарпова, дополненный Стефаном Яворским, Рафаилом Краснопольским и Лихудами. Латинский словарь составлен между 1721 и 1724 годами Иваном Максимовичем, однофамильцем и тезкой митрополита тобольского, умершего еще в 1715 г. Составитель этого словаря работал над ним шесть лет и дал вполне добросовестно составленный, дельный, хороший лексикон. По приказу Петра в 1716 г. на русском и голландском языках были изданы „Дружеские разговоры" и голландская грамматика Эразма Роттердамского. Еще в начале XVIII в. появилась немецкая азбука [2]).

Массовый характер этих учебников и пособий для изучения иностранных языков и их высокое, относительно, качество обращают на себя внимание. Не менее, гораздо даже более, заботились при Петре о русском языке и его преподавании. В 1701 г. в Москве появился букварь Федора Поликарпова, ученика Лихудов. Он ставил себе целью научить греческой, латинской и русской грамоте всех, „любомудрие обрести тщащихся" [3]). Буквари, вышедшие в 1704 и 1708 годах, были представителями старого типа подобных пособий, свойственного XVII веку [4]).

В 1717 г. издан был учебник хорошего тона, учащий, как нужно прилично держать себя в обществе,—так-называемое „Юности честное зерцало". В начале этой книжки помещен букварь—первый букварь для

---

[1]) Там же, I, стр. 332.
[2]) Там же, I, стр. 190—197.
[3]) Там же, I, стр. 174.
[4]) Там же, I, стр. 177.

светских людей, ничего общего с прежними не имеющий [1]). Из трудов по русской грамматике замечательны изданное в 1706 г. в Голландии „Руководение в грамматику" Копиевского, затем вновь переизданная в 1721 г. старая грамматика Мелетия Смотрицкого с предисловием и изменениями, внесенными в нее Поликарповым, и, наконец, вышедшая в 1723 г. грамматика иподиакона Федора Максимова, представляющая собою попытку формулировать и объединить правила не только литературного, книжного, но и разговорного русского языка [2]).

Совершенной новостью были при Петре Великом большею частью переводные, но иногда и оригинальные книги по политической экономии и государственному и международному праву.

В 20-х годах XVIII века князь Иван Андреевич Щербатов перевел сочинение Ло „Деньги и купечество". Он же начал и оригинальное сочинение „О торговле российской", оставшееся в рукописи [3]). Оригинальным русским экономистом при Петре Великом был Посошков, автор книги „О скудости и богатстве".

Прошло время, когда Посошкова идеализировали, изображали экономистом, чуть ли не опередившим западную науку [4]). Теперь надо считать установленным, что он был довольно элементарным самоучкой-меркантилистом. Одним из ярких признаков его отсталости является, например, его отрицательное отношение к почте, в которой он видел „диру", через эту дыру, по его мнению, иностранцы видят „вся наша государственная и промышленная дела", и потому от почты „прибыли" мало, „а колько гибели во все царство чинитца, того и исчислить невозможно"; лучше всего „та дира загородить накрепко". При всем том Посошков был несомненным меркантилистом, стоял за развитие индустрии и благоприятный торговый баланс, за ограничение крепостного права и народную грамотность и образование. Он всегда останется ярким образцом

---

[1]) Там же, I, стр. 178.
[2]) Там же, I, стр. 186 и след.
[3]) Там же, I, стр. 244, 248.
[4]) Так думали, в особенности Погодин и Брикнер, отчасти Павлов-Сильванский.

человека, проникнутого традициями и предрассудками, но силою своей оригинальной мысли поборовшего большую часть этих остатков старины и понявшего некоторые основные задачи своего времени [1]).

Новые европейские государственные теории нашли себе отклик и вызвали интерес в русской действительности первой четверти XVIII века. В 1725 г. напечатан был русский перевод сочинеиия Пуффендорфа „Об обязанностях человека и гражданина“, Феофан Прокопович в 1709 г. еще в Киеве перевел, по поручению Петра, сочинение дон Диего Сааведра Фоксардо „Изображение христианско-политического властелина, символами объясненное“. Иеромонах Кохановский в 1721 г. перевел с латинского „Увещания и приклады политические“ Юста Липсия. П. А. Толстому принадлежит перевод с итальянского „Истории о настоящем управлении Турецкой империи“ [2]).

Но всего замечательнее в области государственного права выдающаяся оригинальная работа виднейшего идеолога петровской реформы Феофана Прокоповича,— его знаменитая „Правда воли монаршей“. Этот политический трактат написан „по частному поводу,—в защиту изданного Петром Великим в 1722 году „Устава о престолонаследии“, которым установлено было право монарха распоряжаться престолом по завещанию“ [3]). Но идейная основа этого трактата глубже: это—обоснование идеи абсолютизма. Основное свойство верховной власти, по Прокоповичу, — ее суверенность, откуда вытекают следующие положения: 1) верховная власть „не подлежит никей же другой власти человеческой“, 2) не связана законами, 3) она безответственна, 4) неприкосновенна [4]). Затем дается классификация государственных форм, среди которых различаются три чистых—де-

---

[1]) *Брикнер*, Посошков; *Царевский*, Посошков и его сочинения; *Павлов-Сильванский*, сочинения, т. II; *Покровский*, Рус. история; *Плеханов*, История русской общественной мысли, т. II.

[2]) *Пекарский*, Наука и литература при Петре В., стр. 214—215, 218, 222.

[3]) *Г. Гурвич*, „Правда воли монаршей“ Феофана Прокоповича и ее западно-европейские источники, Юрьев, 1915, стр. 1.

[4]) Там же, стр. 3—4.

мократия, аристократия и монархия и, сверх того, смешанные, как ограниченная монархия и монархия избирательная. Возражая против избирательности монарха, Феофан считает веским возражение против наследственности, приводимое сторонниками избирательности и заключающееся в том, что при наследственности престол может занять недостойный и неспособный государь; именно на этом основании он отстаивает признание за монархом права на завещательное распоряжение престолом [1]).

Обращаясь к происхождению или обоснованию верховной власти, Прокопович выдвигает здесь оба обоснования, выдвигавшихся представителями современной ему западно-европейской политической мысли,—во-первых, божественный авторитет („милость Божию"), во-вторых, волю народа. Эти два источника суверенной власти объединяются идейно Прокоповичем следующим образом: он признает, что „божественное установление и народная воля по своему содержанию совпадают, другими словами, что божественное установление совершается не сверхъестественным, чудесным путем, а путем естественным, при посредстве народной воли, направляемой в каждом отдельном случае Божественным промыслом", народная воля „бывает не без собственного смотрения Божия, но Божиим мановением движима действует" [2]). Но народная воля такова только „при первого монарха избрании", позднее она авторитетом Божественным уже не обладает—им обладает суверенный монарх [3]).

Цель и обязанность монарха—забота об общем благе, что вытекает одинаково и из народной воли и из воли Божией [4]).

Этою целью и рядом аргументов, заимствованных главным образом из сферы публичного права, Феофан обосновывает права монарха на завещательное распоряжение престолом [5]).

---

[1]) Там же, стр. 5, 8.
[2]) Там же, стр. 9, 12.
[3]) Там же, стр. 14.
[4]) Там же, стр. 14.
[5]) Там же, стр. 18.

Таковы основные идеи Прокоповича. Что касается его метода, то он, как и эти идеи, имеет много общего с государственной наукой Западной Европы того времени: это метод—рационалистический, основывающий выводы на идее „естественного разума“. Рационалистические доказательства играют главную роль в „Правде воли монаршей“ [1]).

В общем и в содержании и в методе работы Феофана Прокоповича видно очень сильное влияние главным образом двух европейских авторитетов—Гроция и Пуфендорфа [2]). Были, однако, у Прокоповича и оригинальные черты, в которых сказалось влияние русской действительности. „Проводимое Гроцием и Пуффендорфом различие между положением монарха в государстве патримониальном и установленном свободным согласием народа осталось чуждым“ Прокоповичу, „и, в соответствии с этим, в основание аргументации в пользу завещательного преемства Прокопович частично положил концепцию патримониального престолонаследия, присущую упомянутым авторам“ [3]). Кроме того, Феофан Прокопович придает монархии резко абсолютистский характер тем, что не говорит об изъятиях для подданных из обязанности повиновения монарху, на них лежащей, и принципиально признает за монархом право нарушать гражданскую свободу подданных,—этим он также отличается от Гроция и Пуффендорфа. Наконец, вопреки им, он основывает права монарха не только на договоре, но и на Божией милости непосредственно, как то было в Московской Руси [4]).

Нам уже известно другое произведение Прокоповича, носящее на себе печать также европейских влияний и идеологически подкрепляющее реформу церкви и религии,—Духовный регламент. Оба произведения—и „Правда воли монаршей“ и Духовный регламент,—как видно из их характеристик, являются не только теоретическими трактатами, но имеют жгучий жизненный, практический

---

[1]) Там же, стр. 37.
[2]) Там же, стр. 110.
[3]) Там же, стр. 110.
[4]) Там же, стр. 110—111.

интерес. Они—еще в большей степени политические или публицистические памфлеты, чем теоретико-правовые исследования. Это приводит нас именно к изучению публицистики петровского времени.

Ближайшим образом здесь приходится говорить о проповеднической деятельности того же Прокоповича, а также и некоторых других проповедников, преследовавших публицистические цели. Борьба за и против петровской реформы была тогда обычным явлением и в проповедях и в других произведениях, выходивших из-под пера духовных особ. Духовенство, как наиболее образованная, интеллигентная общественная группа, служило орудием и для сторонников и для противников реформы. Можно сказать, что эти произведения имели значение передовых статей в современных периодических изданиях: они освещали реформы с принципиальной стороны, вели идейную полемику, подводили под практические меры теоретический фундамент, восхваляли или порицали. Таковы были многочисленные панегирики победам Петра, начавшиеся с 1703 г. [1]) и постоянно с тех пор умножавшиеся; таковы в 1704 г. „Преславное торжество свободителя Ливонии“ [2]), в 1705 г.—„Символы и эмблемата указом и благоповедению“ Петра, изданные несколько раз и потом кроме русского еще на семи иностранных языках [3]), панегирики Феофана Прокоповича по случаю полтавской победы в 1709 г. [4]), его же похвальное слово Меншикову [5]), сочинение архиепископа черниговского Иоанна Максимовича, написанное также по случаю полтавской битвы, под заглавием „Царский путь“ [6]). По тому же случаю тогда же Иосиф Туробейский, архимандрит московского Симонова монастыря, написал „Политиколепный Апофеосис“ [7]) и т. д. Среди массы проповедей, панегириков и сочинений на специально злободневные темы заслуживают быть отмечен-

---

[1]) *Пекарский*, Наука и литер., II, стр. 74, 75 и др.
[2]) Там же, II, стр. 94 и след.
[3]) Там же, II, стр. 112—113.
[4]) Там же, II, стр. 196—200.
[5]) Там же, II, стр. 206—207.
[6]) Там же, II, стр. 203—205.
[7]) Там же, II, стр. 219—222.

ными особо такие, как „Знамение пришествия антихриста и кончины века“, написанное Стефаном Яворским и изданное в 1703 г. для опровержения толков в народе о Петре как антихристе [1]), вышедшие в 1710 г. „Богомыслие в пользу правоверним“, где восхвалялся Стефан Яворский, и делались намеки на трудность его положения [2]), рассуждение о причинах войны и о миролюбии Петра, написанное в 1717 г. Шафировым [3]), „Слово о власти и чести царской“ Феофана Прокоповича (1718 г.) [4]), его же „Розыск исторический“, почему императоры римские назывались понтифексами, и могут ли христианские государи называться архиереями, с выводом, что сами цари служить не могут, но могут управлять делами церкви (1721 г.) [5]). Надо заметить при этом, что публицистике петровского времени свойственна была уже и прямая недобросовестность, подделка, фальсификации, умышленная ложь: так, архиепископ нижегородский Питирим составил подложное деяние собора 1157 г., которого никогда не было и который будто бы осудил за двоеперстие еретика Мартина армянина [6]); это деяние было издано особо и затем в сочинении Питирима „Пращица“ и направлено было против старообрядцев. Князь Дмитрий Кантемир в 1722 г., по случаю войны с Персией, написал „Систему или состояние мухамеданской религии“ [7]), преисполненную такой лжи, что они были решительно отвергнуты даже синодом [8]).

Вторая задача всякой публицистики—вслед за первой—агитацией—заключается в информации, в осведомлении о важнейших событиях туземной и иностранной жизни, причем, разумеется, и это осведомление, фактические сообщения носят также определенную публицистическую окраску, имеют свою политическую цель,

---

[1]) Там же, II, стр. 77 и след.

[2]) Там же, II, стр. 233.

[3]) Там же, II, стр. 392—394.

[4]) Там же, II, стр. 404.

[5]) Там же, II, стр. 519.

[6]) *Шмурло*, Петр В. в оценке современников и потомства, в. 1-й, стр. 6.

[7]) *Пекарский*, Наука и литература, I.

[8]) Там же

известное назначение. Этой потребности удовлетворяли прежде всего до некоторой степени петровские „Ведомости“—газета, начавшая выходить с 1703 года и с тех пор не прекращавшаяся во все царствование Петра. Но ею не удовлетворялись. Кроме „Ведомостей“, выпускался целый ряд специально информационных изданий. Таковы были в 1702 г. „Юрнал или поденная запись осады Нотебурга“ [1]), такие же „Юрналы“ осады Нарвы и Дерпта в 1704 г. [2]), реляции о победах при Лесном, Добром, Полтаве, о персидском походе [3]) и проч., изданное в 1713 г. описание русских побед под заглавием „Книга Марсова или воинских дел“ [4]), розыскное дело о царевиче Алексее (1718 г.) [5]), описание торжеств по поводу Ништадтского мира в Петербурге и Москве [6]), коронации Екатерины и т. д.

Прежде чем перейти к изящной литературе, необходимо ненадолго остановиться на особом виде литературы, бывшем потом в XVIII веке обычным материалом для чтения особенно в провинциальных захолустьях: речь идет о календарях.

Еще в конце XVII в. начали появляться переводные с шведского, польского и немецкого языков календари. Первый печатный русский календарь был издан в 1702 г. в Амстердаме Коплевским. За его составителем наблюдал при его работе Брюс. Потом с 1708 года в Москве, а с 1713 г. в Петербурге начал выходить ежегодно собственно так-называемый брюсов календарь. Издавались календари и в Киево-Печерской лавре и даже в Чернигове [7]). Содержание календарей постепенно расширялось и служит любопытным свидетельством о вкусах и интересах читающей публики. В календаре 1708 года, кроме святцев, содержатся еще только статья о затмениях, начале года, начале четырех времен года и ука-

---

[1]) Там же, II, стр. 66.
[2]) Там же, II, стр. 101.
[3]) Там же, II, стр. 177, 183, 193—195, 577—579.
[4]) Там же, II, стр. 290—305.
[5]) Там же, II, стр. 419—428.
[6]) Там же, II, стр. 527—528, 532.
[7]) *Пекарский*, Наука и литература при Петре В., том I и II.

зание чисел, когда надо пускать кровь [1]). Содержание календаря следующего 1709 года уже богаче: здесь еще прибавлены сведения о военных и морских силах России, и введены статьи о здравии и болезнях, о сеянии и со-ждении, о сечении дров, наконец, даны астрологические предсказания [2]). Позднее в календарях увеличиваются политические сведения.

Дворянское общество стремится развить в своей среде, как говорили в XVIII в., „людскость“, т.-е. общительность и „развязь“, т.-е. привычку держаться свободно в обществе. Для этого необходимо было знать приличия, быть знакомым с правилами хорошего тона. Ближайшим образом этому учила книга „Юности честное зерцало“, вышедшая в 1717 году, имевшая большой спрос и успех и потому не раз переиздававшаяся. До тех пор неизвестно, оригинальное это произведение или переводное. Оно озаглавлено: „Юности честное зерцало или показание к житейскому обхождению, собранное от разных авторов“. Эта последняя прибавка, а также оставшиеся тщетными поиски иностранного оригинала свидетельствуют как будто об оригинальном творчестве. И в самом деле: иностранные образцы, как, напр., „Придворный“ графа Кастильоне, были бы не по плечу еще дикому, некультурному русскому дворянскому обществу того времени, нуждавшемуся не в галантных тонкостях, а в самых элементарных указаниях на то, что „неприлично руками или ногами по столу везде колобродить“, „зело непристойно, когда кто платком или перстом в носу чистит“, и в предостережениях вроде: „не жри, как свиния“, „ногами везде не мотай“, „над яствою не чавкай“ и т. д.

Другим произведением подобного же рода, также выдержавшим не одно издание, были „Приклады, како пишутся комплементы разные“, вышедшие впервые в 1708 году [3]). Это—сборник образцов писем—поздравительных, просительных, благодарственных, соболезнующих, любовных и т. д.

---

[1]) Там же, II, стр. 185—186.
[2]) Там же, II, стр. 225—226.
[3]) Там же, II, стр. 181—182.

Наконец, сюда же можно отнести отчасти выпущенное в 1718 г. „Объявление, каким образом асамблеи отправлять надлежит“ [1]).

К изящной литературе первой четверти XVIII века относятся отчасти и те панегирики, похвальные слова и проповеди, о которых говорилось выше как о произведениях политико-публицистического характера: будучи часто публицистическими по существу, по содержанию своему, эти произведения по форме претендовали на художественность. Они и действительно сыграли роль прецедентов, первообразов в создании и выработке того литературного стиля, который процветал и господствовал в России XVIII века и носит название классицизма или ложноклассицизма.

Но классические предпосылки создавались при Петре не одной только хвалебной прозой,—была уже и панегирическая поэзия. Еще в 1700 г. Коплевский издал стихотворную „Славу торжеств и знамен побед“ Петра [2]). Еще раньше братья Лихуды восхвалали в виршах взятие Азова и эти вирши не раз потом в царствование Петра переиздавались [3]). Сюда относятся также „Триумф польской музы“—хвалебные стихи по случаю победы Меншикова над шведами при Калише в 1707 году [4]) и „Песнь приветственная“ по случаю Ништадтского мира в 1721 г. [5]).

Стихи, романы и повести переводились в некотором количестве и при Петре Великом, как отчасти и раньше. Некоторые из переводов пользовались большим успехом. Это прежде всего надо сказать о баснях Эзопа, впервые появившихся в полном виде на русском языке в Амстердаме в 1700 году и выдержавших потом при Петре пять изданий [6]). Не раз переиздавался также старый роман „История о Трое“ Дареса и Диктия в его более развитой, занимательной редакции [7]). В пяти изданиях вышли в первой четверти XVIII века и переведенные с польского

---

[1]) Там же, II, стр. 435—437.
[2]) Там же, II, стр. 25.
[3]) Там же, II.
[4]) Там же, II, стр. 133—135.
[5]) Там же, II, стр. 530—531.
[6]) Там же, II.
[7]) Там же, II.

„Кратких витиеватых и нравоучительных повестей книги гри". Они были впервые напечатаны в 1711 г. и в дальнейших изданиях получили новое заглавие „Апоффегмата" [1]). Это собрание не только простых анекдотов, но новелл в новом индивидуалистическом духе. Недаром эти повести так нравились Петру, что были даже изданы по его повелению. И весьма характерно, что они пришлись по вкусу и читающей публике того времени. В начале XVIII в. был у нас переведен и итальянский роман „О Калеандре", полный любовных приключений [2]).

Широкого развития достигла в эпоху Петра Великого драма. Но прежде, чем говорить о драматических произведениях того времени, необходимо вкратце остановиться на внешней истории театра.

В 1702 г. Петру удалось привлечь в Россию целую немецкую труппу, состоявшую из Кунста, его жены и еще семи актеров. Для этой труппы был построен в Москве, в Кремле, влево от Никольских ворот, т.-е. на месте нынешнего здания судебных установлений, театр. Но еще до окончания его постройки труппа начала свои представления в доме Лефорта—в Немецкой слободе. При труппе было семь немецких музыкантов и четверо польских, и, кроме того, 12 русских были отданы для обучения игре на гобоях. Назначено было также и для обучения театральному, актерскому искусству 10 человек русских. Но Кунст умер в 1703 г., и вместо него во главе труппы стал не актер, а золотых дел мастер Фирст, при котором дело пошло плохо и, наконец, в 1707 г. совершенно стало: спектакли прекратились. После того существовали придворные театры— у сестры Петра, царевны Натальи Алексеевны, в Преображенском, и у жены царя Ивана Алексеевича, царицы Прасковьи Федоровны, в Измайловском. Широкая публика в Москве в 20-х годах XVIII века видала драматические представления в госпитале, где актерами были студенты хирургической школы и славяно-греко-латинской академии. В Петербурге царевна Наталья Алексеевна, по переезде туда, устроила общедоступный бесплатный театр. Здесь играли 10 русских актеров

[1]) Там же, II.
[2]) Там же.

и актрис. Кроме того, в 1723 г. в Петербурге действовал немецкий театр Манна, имевший плохую труппу, но также посещавшийся многочисленной публикой [1]). Существовали любительские актерские кружки и в провинции,—в Ярославле и Пензе [2]).

В репертуаре всех этих театров видную роль играла старая библейская и школьная драма, но на-ряду с ними стали выдвигаться и немецкие драматические произведения нового типа. То были торжественные пьесы „на случай“, опера, балет, так-называемая „ученая“ драма—„филологические упражнения на правила пиитики“ по образцам итальянской и французской ложноклассической трагедии. Важнейшими представителями этой „ученой“ драмы в Германии XVII века были Опиц, Грифиус и Лоэнштейн, причем последний в особенности проводил принципы „маринизма“, ложноклассической напыщенности, основателем которой был итальянский драматург Марини [3]). Актеры и в Германии, как и в других странах, сплошь и рядом были и драматургами. Так, артистическая школа дрезденского придворного актера Фельтена и Кормартена создала также зародыш классической драмы—так-называемые „главные действия“ (Hauptactionen) или „сценические рапсодии“, где действующими лицами были цари, полководцы, герои, но рядом с ним и шуты—Пикельгеринг или Гансвурст. По языку эти пьесы представляли собою смесь придворной торжественности и галантности с площадным цинизмом [4]).

В наших русских театрах, упомянутых выше, ставились пьесы, переведенные с итальянского, немецкого, французского и испанского языков, часто с переделками и сокращениями.

Типичным образцом репертуара, заимствованного из немецкой драматической литературы, является драма „Сципио Африканский и Софонизба“—переделка „Софонизбы“ Лоэнштейна. Главное в этой пьесе—не психология,

---

[1]) *Морозов,* История русского театра до половины XVIII стол. Спб. 1889, стр. 203—212.

[2]) *Перетц,* Памятники русской драмы эпохи Петра Великого, Спб. 1903, стр. IX.

[3]) *Морозов,* История рус. театра, стр. 212, 215—218.

[4]) Там же, стр. 220—223.

а внешние эффекты. Пьеса в ее русской переделкс сильно сокращена по сравнению с оригиналом, и, очевидно, в виду вкусов русской публики, в число действующих лиц введен шут—Гансвурст [1]).

Среди пьес, заимствованных из французской драматической литературы, видное место занимают комедии Мольера—„Дон-Жуан“, „Амфитрион“, „Precieuses ridicules“, т.-е. „Жеманницы“, переведенные по-русски под заглавием „Драгыя смеяныя“, „Доктор поневоле“ [2]).

Были пьесы, переделанные из романов. Характерный образец их—„Акт о Колеандре и Неонилде“ [3]).

Много составлялось грязно-цинических интермедий и арлекинад—шутовских фарсов. Примером их может служить шутовская комедия, напечатанная в 1703 г. [4]) и „заключающая в себе ряд несомненно русских бытовых подробностей, прибауток и шуток“; в ней есть следы заимствования из итальянской литературы и влияния малорусских интерлюдий [5]).

Опера имела своим представителем сокращенный перевод либретто оперы Ринуччини „Дафнис“. Это—чисто светская пьеса, без аллегорий и нравоучений [6]).

Были опыты составления школьной драмы на севере России, а не на западе и юге: такова была драма о царе Езекии, составленная в 1728 г. преподавателем славяно-греко-латинской академии, Исаакием Хмарным, для учеников этой академии [7]).

Образцом исторической драмы в стихах является „История о царе Давиде и царе Соломоне“. „Стих ее очень близок к стиху, точнее, к рифмованной прозе экарт и надписей на лубочных картинках начала XVIII века“ [8]).

Наконец, по условиям времени, естественно, видное место в драматической литературе занимала торжественная

---

[1]) Там же, стр. 229—230.

[2]) Там же, стр. 273.

[3]) Там же, стр. 281—282; издана Перетцом в „Памятниках рус. драмы эпохи Петра В.“

[4]) *Перетц*, Памятники рус. драмы.

[5]) Там же, стр. X—XI.

[6]) *Морозов*, История рус. драмы, стр. 289—291.

[7]) *Перетц*, Памятники рус. драмы, стр. X.

[8]) Там же, стр. X.

драма или, точнее, драматическое произведение аллегорически-мифологического и духовно-церковного, отчасти, характера, составлявшаяся „на случай“, после побед и разного рода других важных событий. Таково составленное еще в 1705 г. театральное представление „Освобождение Ливонии и Ингерманландии“ [1]). Путем аллегорий в драмах этого рода давались ответы на вопросы, составлявшие злобу дня, оправдывались и восхвалялись реформы и победы; часто библейские лица и символы христианской морали сочетались с античномифологическими фигурами [2]).

На предшествующих страницах дан сжатый по форме, но, кажется, довольно полный по содержанию обзор литературных и научных явлений времени Петра Великого. Из него видно, что светский, индивидуалистический в значительной мере характер составляет отличительную черту литературного движения первой четверти XVIII в. То, что раньше пробивалось лишь отдельными струями, постепенно расширявшимися, теперь приобрело массовое, господствующее значение. В более или менее образованной части дворянства окрепли новые вкусы, идеи и настроения, и они ярко выразились в разных отраслях литературы.

Интересен ответ на вопрос о том, насколько же широки или узки были те круги дварянства, которые были захвачены этими новыми культурными и психологическими новообразованиями, достижениями и приобретениями. Чтобы получить этот ответ, надо присмотреться к состоянию народного просвещения при Петре.

Дело народного образования при Петре Великом началось преобразованием московской славяно-греко-латинской академии в 1700 г. Это преобразование придало академии несомненно западнический характер: греческая школа Лихудов заменена была школой латинской, появились новые преподаватели, получившие образование или заграницей, как Стефан Яворский, Феофилакт Лопатинский, Палладий Роговский, или в Киеве, подобно Гавриилу Бужинскому и Иосифу Туробойскому. И в епар-

---

[1]) *Пекарский*, Наука и лит., II, стр. 107—108.
[2]) *Морозов*, Ист. рус. драмы, стр. 318.

хиальных школах было много учителей, учившихся в Киевской академии [1]).

Вторым шагом в деле духовного—да и не одного только духовного на деле—образования при Петре было именно учреждение епархиальных школ. Нам уже известно, что Духовный регламент обязал епископов завести такие школы. В 1722 году было объявлено, что за недостатком учителей обучение в этих школах должно состоять из букваря Феофана Прокоповича („Первое обучение отрокам") и из славянской грамматики, изданной в Москве Поликарповым [2]). Как видно, епархиальные школы, предположенные специально для образования будущих служителей церкви, теряли церковный характер и тем самым приобретали общеобразовательное значение.

В каком состоянии эти школы находились? На это отвечают сведения, собранные в 1727 году по запросу верховного тайного совета. Вот в каком виде оказываются тогда школы при архиерейских домах:

Всего лучше, как и следовало ожидать, дело обстояло в Киеве, древнейшем и важнейшем просветительном центре: здесь в „училищном коллегиуме" было шесть учителей и два иеродиакона—по одному для инфимы (низшего класса) и фары (подготовительного отделения) и 654 ученика, распределявшихся так: 48 состояли в теологии, 84 в философии, 79 в риторике, 84 в поэтике, 94 в синтаксиме, 61 в грамматике, 84 в инфиме и 117 в фаре.

В Чернигове при архиерейском монастыре в школе было 257 учащихся.

В Белгородской епархии училось 420 чел., из которых 23 были в философии, 31 в риторике, 23 в поэтике, 42 в синтаксиме, 22 в грамматике, 43 в инфиме и 100 в фаре. Таким образом, белгородская школа не имела того, чем возглавлялось духовно-схоластическое образование,—богословия. Кроме того, там существовала еще особая славянская школа, в которой числилось 138 учеников. Повидимому, это была светская начальная школа.

---

[1]) *Пекарский*, Наука и лит., I, стр. 107—108.
[2]) Там же, I, стр. 108.

В Москве в славяно-греко-латинских училищах учащиеся распределялись так: в русской школе было 108 чел., из которых латинскому языку учились 23, писать по-русски—44, псалтирь учили 10, часослов 23 и в первоначальном обучении находились 8; в эллино-греческой школе было 35 учеников, из которых в синтаксиме было 7, в грамматике 17, в начатках учения 11, в латинской школе было 362 ученика, из которых в богословии 12, в философии 12, в риторике 21, в пиитике 31, прочие же учились в синтаксиме и грамматике, в том числе 34 в инфиме и фаре.

В Петербурге при Александро-Невском монастыре было всего 48 учеников, все другие бывшие раньше—до 42 чел.—„отстали от науки за невзятием науки и за скорбию".

В Новгородской епархии школа при архиерейском доме была учреждена при содействии бр. Лихудов; в ней преподавались славянская и греческая грамматика, пиитика и риторика; хотя всего в ней за 20 лет училось 285 чел., но в 1726 году было только 19. В остальных школах новгородской епархии—их в разных городах было до 13—училось по несколько десятков человек и притом почти исключительно лишь славянской грамматике, чтению и письму.

В Ростовской епархии существовали две школы в Ростове и в Ярославле с общим количеством учащихся в обеих в 200 чел., но на деле и те были отпущены по домам, потому что вследствие неурожая нечем было их кормить, причем отцы обязаны были учить их на дому.

В Тверской епархии в единственной школе, там существовавшей, было 20 учеников [1]).

Не вдаваясь в дальнейшие подробности и констатируя по преимуществу элементарный характер школ в других епархиях—Коломенской (120 уч.), Казанской (80), Рязанской (268), Смоленской (19), Вятской (35), Псковской (66), Нижегородской (63), Холмогорской (46), Тобольской (71), Иркутской (43),—надо отметить, что в ряде епархий школ или совсем не было основано или они скоро прекратили свое существование: это надо сказать

---

[1]) Там же, I, стр. 109—114.

об епархиях Крутицкой, Суздальской, Воронежской и Устюжской [1]).

В общем число учащихся во всех школах при епархиях не превышало 3.700 человек, на деле было, повидимому, гораздо меньше, так как тут исчислены все учившиеся в школах Новгородской епархии, тогда как в 1727 году из них оставались, конечно, немногие.

Еще в 1698 году, будучи в Англии, Петр пригласил на службу в Россию Фарварсона, профессора Эбердинского университета. Фарварсон стал составителем устава и первым преподавателем учрежденного Петром морского училища. Он преподавал там математику и навигацкие науки и хорошо знал русский язык, что было редкостью среди учителей и профессоров из иностранцев в России долго еще спустя после того. Кроме него, в морском или навигацком училище было еще два английских учителя— Гвин и Грейс. Затем была учреждена также морская академия [2]).

В 1714 году были учреждены цифирные школы для обучения грамоте, арифметике и начаткам геометрии. Учителя их получали из монастырских и архиерейских средств по 3 алтына 2 деньги в день (около 90 коп. на наши золотые деньги) и, сверх того, каждый ученик по окончании школы должен был уплатить учителю 1 руб. (9 руб. на наши золотые деньги) [3]). Эти школы действовали едва ли не хуже еще, чем епархиальные. Скорняков-Писарев, ведавший цифирные школы в Пскове, Новгороде, Ярославле, Москве и Вологде, доносил в 1719 г., что действовала только одна Ярославская школа, где было 26 учеников. В 1720 году было немногим лучше: в цифирной школе в Москве учились 70 чел., а в провинциях малое число. В губернии из Москвы и Петербурга было отправлено 47 учителей, из которых 18 вернулись обратно за неимением учеников [4]). Цифирные школы были предназначены специально для дворянских детей, и их неудача объясняется тем, что дворяне пред-

---

[1]) Там же, I, стр. 114—121.
[2]) Там же, I, стр. 122—124.
[3]) Там же, I, стр. 125.
[4]) Там же, I, стр. 125—126.

почитали нанимать для обучения своих детей домашних учителей или отдавать их для обучения в частные школы и пансионы повышенного типа.

Прототип таких более высоких по назначению и программе школ был создан также при Петре Великом. То была школа пастора Глюка в Москве, открытая в 1705 г., а по смерти его ведавшаяся стольником Веселовским и Петром Костой. Учителей было 9 человек, число учеников хотели довести до 300, но Шафиров положил резолюцию: „больше 100 не принимать“ [1]). В этой школе обучали географии, философии, этике, политике, риторике, языкам латинскому, греческому, сирскому, халдейскому, картезианской философии, французской, немецкой и еврейской грамматикам, танцам, „поступи немецких и французских учтивств“ и верховой езде. Среди учителей был „танцовальный мастер“, который телесное благолепие и комплементы чином немецким и французским научает“ [2]).

Из специальных школ заслуживает еще особого упоминания учрежденная Петром в 1706 году в Москве при военном госпитале хирургическая школа, организатором и руководителем которой был доктор Николай Бидло. Было набрано 50 учеников, из которых в 1712 году осталось 33 [3]).

В Тобольске пленный шведский офицер из немцев фон-Врех основал школу, существовавшую до Ништадтского мира. Школа эта покоилась на системе немецкого пиэтизма Спенера и Франке, и потому обучали в ней, главным образом, библии, псалмам и молитвам. В 1714 г. в ней было всего 12 учеников, в 1720 г. уже 139—главным образом немцы, русских было немного [4]).

Мы уже говорили выше в надлежащем месте о посылке русских заграницу для обучения. Посылались, как мы видели, для обучения главным образом разного рода техническим знаниям, не чистой теории. О посылке для занятий теоретической наукой при Петре нам известно

---

[1]) *Викторов*, Описание рукописей Беляева, М. 1881, стр. 63.
[2]) *Пекарский*, Наука и лит., I, стр. 128, 130.
[3]) Там же, I, стр. 133.
[4]) Там же, I, стр. 134.

очень мало. Мы знаем, например, что в 20-х годах XVIII века в Париже учились философии Горлецкий, Постников и Каргопольский. Последние двое были в 1725 году преподавателями Московской духовной академии. Постников при Екатерине I составил французскую грамматику, перевел с латинского книжку „О причине тяжести от движения вихрей“ и был адъюнктом Академии наук [1]).

Изложенные сведения о народном образовании при Петре Великом показывают, что в этой области началось опять-таки новое движение, расчитанное на широкий захват и разнообразные проявления. Но это движение не успело еще произвести глубоких перемен в обществе, образованность легла на русскую дворянскую жизнь пока только легким налетом, тонким пластом. Что легче всего удавалось,—это усвоение культурной внешности, особенно дамам. Берхгольц находил, что многие из придворных дам Екатерины „мало уступали нашим дамам в приветливости, хороших манерах и красоте“ [2]). По его словам, „русская женщина, еще недавно грубая и необразованная, так изменилась к лучшему, что теперь мало уступает немкам и француженкам в тонкости обращения и в светскости, а иногда, в некоторых отношениях, даже имеет перед ними преимущество“ [3]). И в то же время множество провинциальных дворянок оставались неграмотными [4]).

Как много значит заложить первые камни, положить основы, дать закваску,—показывают заботы Петра Великого о художественном образовании. Было уже сказано, что Петр обладал художественным вкусом, на что указывают и Петергофский сад, и плафоны, и стенная живопись, и картины в его дворцах [5]). И он умел находить молодые таланты: из его школы вышли отправленные им заграницу художники последующего времени—Антропов, Матвеев, Никитин, Земцов, Зубов. И хотя, если

---

[1]) Там же, I.

[2]) *Берхгольц*, Дневник.

[3]) Там же.

[4]) *Щепкина*, Из истории женской личности в России, Спб. 1914, стр. 97.

[5]) *Бенуа*, История живописи в XIX в. Русская живопись. Спб. 1901 стр. 6.

взять архитектуру петровского времени в целом, особенно петербургскую, то, может быть, и придется признать правильной ее характеристику, как „сумбурный базар всевозможных европейских форм“ [1]), но, во-первых, нужно признать важным в качестве исходного начала именно это заимствование многообразия, а во-вторых, и в этом разнообразии следует определить некоторые основные мотивы.

И здесь прежде всего важна практичность, целесообразность, деловитость петровской архитектуры: уцелевшие двухэтажные каменные дома петровского времени близ Тучковой набережной, дворец в Летнем саду, Петропавловский собор—простое здание в виде параллелограмма в голландском стиле—яркие об этом свидетельства. Высокие шпицы на Петропавловском соборе и Адмиралтействе некоторые объясняют эстетическими мотивами: на плоской, низменной, однообразной равнине надо было создать что-то высокое для разнообразия. Не отрицая этого, можно только прибавить, что здесь, вероятно, и желание создать от новой столицы впечатление величия и величественности, легче всего создаваемое такими шпицами, в высшей степени целесообразными, практичными в этом смысле.

Затем в искусстве эпохи Петра Великого заложены основы грядущего классицизма в его разных видах. Дворец Меншикова, другие дома петровских вельмож, статуи Летнего сада—зародыши художественного классицизма. Игривость и каприз грядущего рококо и барокко видны в устройстве Летнего сада, как его описывает Берхгольц: оранжерея, три длинные галлереи, превосходная мраморная статуя Венеры, фонтаны, птичник, зверинец, изящные беседки, водопад, грот [2])—все это создания новой барской прихотливой фантазии. Словом, в искусстве первой четверти XVIII века заложены были семена, которые должны были взрасти в ближайшие затем десятилетия XVIII столетия.

Дворянская государственность при Петре, как мы видели, служила интересам дворянства и самое церковь

---

[1]) *Грабарь*, История русского искусства, I.
[2]) *Берхгольц*, Дневник.

подчинила себе, а религию существенно реформировала. Из среды посадских людей и крестьян новые хозяйственные, государственные и культурные порядки не противоречили только интересам более богатых и ловких, умевших приспособиться к новым условиям и выплыть на поверхность жизни, обеспечить себе самостоятельность. Типический тому пример—Никита Демидов, простой кузнец, устроивший железный завод в Тульской губернии и взявший в бессрочное владение на Урале Невьянский, а потом и другие заводы. Он изучил технику железного производства на практике, хорошо вел дело с помощью своего сына Акинфия и сильно удешевил поставку железа в казну. За все это Петр в 1721 г. возвел его в дворянское достоинство вместе с потомством [1]) и таким образом формально закрепил неразрывную связь промышленных интересов с интересами господствующего сословия. Это стало с тех пор обычной дорогой для всякого предприимчивого и удачливого русского промышленника.

Но масса посадских и крестьян была не в таких отношениях к дворянской государственности: подати, повинности рекрутская и трудовая, крепостничество, поборы, притеснения угнетали массу населения и вызывали в более активных ее элементах оппозиционное настроение. Мы уже говорили выше об астраханском бунте. Бунт казака Булавина—явление того же порядка и характера.

Но не всем по плечу такая крайняя активность. Большинство ограничивалось менее активной оппозицей и шло по линии наименьшего сопротивления, выражало эту оппозицию в привычных культурных формах,—именно в формах религиозных.

Правительство Петра Великого усвоило себе в отношении к старообрядцам политику терпимости особенно по сравнению со второй половиной XVII века. По указу 1716 г. на раскольников положен двойной податной оклад, они были несколько ограничены в гражданских правах,—именно они не имели права занимать общественные должности и выступать свидетелями на суде против православных,—и несли некоторые специальные повинности,—исполняли обязанности сборщиков податей, наложенных

---

[1]) *В. Рожков,* Доносы фискалов на Никиту Демидова.

на старообрядцев, и пошлин в пользу православного причта по гривне с души в год и, кроме того, по гривне от каждого рождения, свадьбы и погребения, но зато им предоставлена была свобода веры, однако, не свобода пропаганды. Тайные раскольники преследовались каторгой [1]).

Но это было все же лишь смягчение отношения к старообрядчеству и то временное и сопряженное с выгодой для казны. И потому оппозиция продолжалась.

В кругах посадских людей она шла под знаменем старообрядческой поповщины, центрами которой были Керженские леса в Нижегородском крае, Ветка—остров на р. Соже и Стародубье—северные уезды нынешней Черниговской губернии. Везде тут практиковали перемазывание православных священников, перешедших к старообрядцам: вновь помазанный маслом священник очищался от никонианской ереси, но сохранял благодать, полученную при рукоположении от никонианского епископа.

На Керженце было большое скопление старообрядцев: в 1718—19 годах там считалось до 40 тысяч человек обоих полов, а в 1724 г. уже 122 тысячи [2]). Преследования Питирима, архиепископа нижегородского, заставили керженских старообрядцев уйти в другие места. Посадское их большинство потянулось на Ветку и в Стародубье [3]).

На Ветке в 20-х годах XVIII века появилось много новых слобод. Всех старообрядцев там было до 30 тыс. человек обоих полов [4]). Правильный культ там установлен был попом Феодосием, привезшим из одной Калужской заброшенной церкви престол и антиминс, освященные еще патриархом Иосифом, и иконостас времен Ивана Грозного [5]).

В Стародубье в 1715—1718 годах считалось 16 старообрядческих слобод с несколькими тысячами жителей. Главными руководителями здесь были поп Борис из Калуги и мирянин Подпружников из Москвы [6]).

---

[1]) *Смирнов*, Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII в., Спб. 1909, стр. 3—5.

[2]) Там же, стр. 31.

[3]) Там же, стр 11.

[4]) Там же, стр. 47.

[5]) *Никольский*, в Рус. истории Покровского.

[6]) *Смирнов*, Споры и разделения, стр. 50, 53

Большим, крупным центром поповщины была также Москва, где, по словам Посошкова, половина населения была из раскольников—людей гостиной сотни и посадских. Виднейшими руководителями здесь были поп Яков Семенов, человек гостиной сотни Алексей Диев, Иерофей Андреев, Иван Викулин из керженских скитов и житель Хамовной слободы Иван Дубовский [1]).

Основные черты религиозного учения поповщины в первой четверти XVIII в. сводились к следующему: отрицалось пришествие антихриста и наступление последних времен, близость кончины мира и наступление Страшного Суда [2]); этот взгляд выражен в послании с Ветки на Керженец в 1710 г. и в так-называемом описании второй беседы Михаила Андреева [3]); эти же документы и некоторые другие указывают, что поповщина резко высказывалась против отрицания церкви, утверждала, что церковь пребудет до скончания века [4]), что священнический чин вечен, и что еретические священники сохраняют свою степень при переходе в православие [5]); поповщина не требовала и нового крещения для переходящих в старообрядчество и ограничивалась лишь миропомазанием [6]); признавала поповщина, что и все другие таинства могут совершаться лишь священниками, а не мирянами [7]); и в обрядовом отношении часть поповщины—так-называемая диаконовщина, во главе которой стоял Лысенин, приближалась к православию, признавая одинаково приемлемыми и восьмиконечный и четырехконечный крест [8]); но другие поповцы признавали только крест восьмиконечный, считая четвероконечный—латинским [9]); наконец, поповщина допускала общение с православными даже в пище [10]) и отвергала самосожжение [11]).

---

[1]) Там же, стр. 65—69.
[2]) Там же, стр. 145.
[3]) Там же, стр. 179—181.
[4]) Там же, стр. 191.
[5]) Там же, стр. 205.
[6]) Там же, стр. 217.
[7]) Там же, стр. 236 и сл.
[8]) Там же, стр. 265—266.
[9]) Там же, стр. 242.
[10]) Там же, стр. 341.
[11]) Там же, стр. 362.

Из сказанного видно, как в сущности умеренна была посадская старообрядческая поповщина в первой четверти XVIII столетия: даже будучи оппозиционно настроены, городские торговцы и ремесленники-хозяева могли жить и относительно благоденствовать при торговом капитализме и дворянской государственности, принципиально ее не отрицая.

И среди беспоповщины было течение умеренное,—то было поморское согласие, центром которого была Выговская пустынь, а главой Андрей Денисов. Основные взгляды этого течения в беспоповщине далеко не отличались непримиримостью. Выгорецкие старообрядческие писатели, как Григорий Яковлев, автор „Извещения праведного", и Андрей Денисов, автор книги „Об Антихристе", учили, что антихрист явится духовно и уже явился таким образом, но не отожествляли Петра с антихристом [1]). Умеренны были и взгляды Денисова на церковь: он учил, что в деле спасения важна не церковь с иерархией и таинствами, а вера; поэтому надо заботиться не о церкви, а о вере; но Денисов не требовал истребления священства и таинств [2]). Точно также и в таинствах выгорецкие старообрядцы не были крайними отрицателями: на Выгу, напр., хотя не было вообще причащения, но перед смертью причащали старыми крошками в убеждении, что причащают древним причастием; вместо причащения там употребляли также „богородичен хлеб"—хлеб, печеный в праздники с осмиконечным крестом и притом освященный [3]). Что касается брака, то Денисов его отвергал, требовал безбрачия [4]). Отрицая никонианское пострижение в монахи, на Выгу, однако, позволяли носить таким постриженным монашеское платье и допускали новое пострижение [5]), так что и здесь учение выгорецких старообрядцев не содержало в себе крайнего отрицания. Выговцы, правда, не поминали Петра в молитвах и даже отвергли предложение Денисова назвать его „благочестивым", но помирились

[1]) Там же, стр. 175, 176.
[2]) Там же, стр. 198.
[3]) Там же, стр. 235—236.
[4]) Там же, стр. 245.
[5]) Там же, стр. 295.

с двойным окладом и хвалили Петра, как правителя государства [1]).

Такая умеренная позиция выгорецкой беспоповщины понятна. Хотя основатели ее — Андрей и Семен Денисовы—князья Мышецкие по происхождению и принадлежали к удельной аристократии, но были из числа захудалых князей и связаны были кровными связями с посадскими людьми. И их ближайшие помощники все принадлежали к числу посадских: таковы были двоюродный брат Денисовых житель города Повенца Прокопьев, олонецкий посадский человек Пуплев, новгородец Иовлев, псковитин Ефремов, попович Федосеев, дьячек Викулов [2]). А главное—Выговская пустынь стала скоро крупным торгово-промышленным центром, сильно обуржуазилась: она арендовала рыбные промыслы на Мурмане, Выге и разных озерах, пашню в Каргопольском уезде, развила торговлю пушниной и связанную с ней охоту, поставила свои конторы и агентов в Вытегре, Петрозаводске, Москве, Петербурге, Нижнем-Новгороде [3]).

Левее выговцев держались более демократические по составу федосеевцы. Основателем этого толка был священник Феодосий Васильев, бывший одно время на Выгу, потом в Польше, в Великолуцком уезде, в Ряпиной мызе Юрьевского (Дерптского) уезда [4]). В вопросе об антихристе, и кончине мира федосеевцы сходились с поморцами. Феодосий Васильев в 1701 г. отстаивал в послании в новгородские пределы духовное появление антихриста: как Христос не царствует чувственно на земле, так и антихрист не будет чувством, так как он во всем подобен Христу. Антихрист духовно воцарился уже с принятием новопечатных книг при Никоне. Признаки кончины мира — разврат и многомятежие [5]). В конце 1707 г. Феодосий написал „Обличение“ в ответ главным образом на сочинение Стефана Яворского „Знамения пришествия антихриста“. Здесь доказывается, что антихрист—это „отступление“, т.-е. всякий, кто отступит от закона божия.

---

[1]) Там же, стр. 346, 351.

[2]) Там же, стр. 7.

[3]) *Никольский*, в рус. ист. Покровского, т. IV, стр. 199.

[4]) *Смирнов*, споры и разделения в расколе, стр. 56 и след.

[5]) Там же, стр. 163, 164.

Отступление остается, хотя лица отступников могут меняться. По Кирилловой книге и Книге о вере антихрист придет через 7000 лет от сотворения мира, а эти 7000 лет уже прошли. Евангелие не будет принято всеми перед пришествием антихриста, а будет только всем проповедано, что также уже имеется налицо. После 1000 года по Р. Х. пришел духовно антихрист, когда римская церковь отпала от греческой, через 600 лет произошла уния, а потом—через 60 лет—Никон. Знамение антихриста — троеперстное сложение [1]). Церковь и ее иерархию федосеевцы отрицали, говоря: „я сам себе поп, сам себе и отец духовный, и церковь внутрь себя имею, и вся действа церковная". Феодосий ссылался на слова Ефрема Сирина: „душа, имеющая Бога в себе, церковь наречется чиста и свята, и божественные тайны служатся в ней" [2]). Он отстаивал также совершение крещения мирянами [3]), перекрещивание никониан [4]), брал текст Номоканона о нравственной исповеди без отпущения грехов производимой искусным в духовном деянии мирянином и этим доказывал право мирян исповедовать [5]). Причащение Феодосий не считал необходимым, „нужно-потребным" таинством: спастись, по его мнению, можно и без причащения, тело и кровь Христовы не могут явиться так как антихрист истинную жертву уже истребил; остается спасаться без причастия путем истинной веры; чувственное вкушение тела и крови можно заменить духовным—через добродетельную жизнь [6]). И этот взгляд является более крайним, чем в поморском согласии. Но федосеевцы отвергали то безбрачие, на котором настаивали выговцы-поморцы [7]). Отвергали федосеевцы и пострижение в монахи и всех монахов превращали в бельцов, мирян [8]). Наконец, федосеевцы резко высказывались против молитвы за царя и в двойном окладе податей,

---

[1]) Там же, стр. 164—170.
[2]) Там же, стр. 187.
[3]) Там же, стр. 213.
[4]) Там же, стр. 215.
[5]) Там же, стр. 231.
[6]) Там же, стр. 234.
[7]) Там же, стр. 246, 256.
[8]) Там же, стр. 294.

наложенном на старообрядцев, видели печать антихриста [1]). Более крайние воззрения федосеевцев объясняются их социальным составом: большинство среди них составляли крестьяне, существовала лишь некоторая примесь посадских людей, которые, однако, далеко не господствовали [2]) и не могли предать всему согласию такой характер, какой усвоили поморцы.

Остается характеризовать последнее, самое крайнее, чисто крестьянское течение в беспоповщине, —нетовщину или Спасово согласие. Это течение религиозно-общественной мысли весьма замечательно и знаменательно: оно указывает разом и на резкий социально - политический протест угнетенного крестьянства против крепостного права и дворянской государственности, и на решительный разрыв с религиозной традицией, на переход от старообрядчества к сектантству. И психологический процесс этого перехода в высшей степени характерен: он сводится к психологии полного отрицания всего существующего. Нет ничего, — ни царя, ни церкви, ни справедливой власти, ни откуда нельзя ждать спасения,—это „нетовщина“, —только сам Спаситель может спасти,—вот „Спасово согласие“. Оно открывало широкую дорогу по этой расчищенной от традиции почве для дальнейших сектантских движений и течений.

Основателем нетовщины был беспоповщинский учитель на Керженце Козьма Андреев, сын крестьянина. Он по доносу был взят в Преображенский приказ и там умер в 1716 г. [3]). Ему приписывается убеждение, что Петр — антихрист, нашедшее себе выражение в письме беспоповца к поповцу, относящемся к 1710 году. Здесь указываются прежде всего признаки близкой кончины мира: язва 1654 года, „трикратное шесточислие“ —1666 год, слова писания о времени антихриста—„горе непраздным и доящим в тые дни“—прилагаются к стрельчихам, женам стрельцов, во время стрелецкой казни беременным или кормящим грудью детей. Что Петр — антихрист, — это доказывается следующими соображениями: он—двое-

---

[1]) Там же, стр. 346, 351.

[2]) *Никольский*, в рус. ист. Покровского, IV, стр. 203.

[3]) *Смирнов*, Споры и разделения в расколе, стр. 156, 159, 160.

главый зверь, так как и царь, глава государства, и, с уничтожением патриаршества, глава церкви; он—двоименен, имеет два имени—Петр и Piter; антихрист хочет уподобиться сыну Божию, и Петр называет себя христианином Петром; брадобритие, одежда, парик Петра доказывают, что он сын погибели; то же, наконец, доказывается образом его властительства[1]). И Иван Смирнов, начальник раскольничьей пустыни в Ишимской волости в Сибири, также объявил Петра антихристом, указывая как на признаки этого—на длинные волосы у мужчин и бритую бороду. Вообще в беспоповщинском старообрядчестве смотрели на Петра, как на подлинного, чувственного антихриста, потому что он не блюдет посты, носит шведское платье, сослал царицу, убил царевича Алексея, женился на шведке и берет во множестве города,—возьмет и Царьград, Рим, Иерусалим и будет царствовать над жидами[2]). Эсхатологические воззрения, полные убеждения и уверенность в близкой кончине мира, естественно, свойственны доведенному до отчаяния крестьянству, не видящему ни в чем спасения.

Поморцы и даже отчасти федосеевцы полагали, что таинства могут совершаться мирянами. Нетовщина шла дальше: она не принимала и мирян, как совершителей таинств[3]). Крестьянин Роман Даниловец учил, что следует прибегать к самокрещенству—входить в воду и произносить слова: „крещается раб Божий такой-то“[4]). Но самокрещенство было еще самым умеренным видом Спасова согласия. Большею же частью просто отрицались таинства. Так, покаяние заменялось так-называемой „глухой исповедью“: каждый вспоминал свои грехи про себя[5]). При столкновении с властями для нетовцев оставалось одно—самоистребление: и они сжигали себя в Поморье, морили себя голодом до смерти на Керженце[6]).

Но отрицательное отношение к реформам Петра Великого и к его личности шло гораздо дальше старообряд-

---

[1]) Там же, стр. 150—156.
[2]) Там же, стр. 160—162.
[3]) Там же, стр. 199.
[4]) Там же, стр. 214.
[5]) Там же, стр. 233.
[6]) Там же, стр. 353, 354.

ческих и сектантских кругов,—захватывало и многих членов господствующей церкви. Давно рассказан и хорошо комментирован факт агитационной деятельности православного, Григория Талицкого, арестованного в Москве 20 июня 1700 г., в самом начале деятельности Петра. Он писал и распространял „тетради“ т.-е. прокламации, агитационные листки, в которых так же, как и многие старообрядцы и сектанты, объявлял его антихристом и призывал к бунту против царя-антихриста [1]). Подъячий Докукин объявил Петру лично в соборе, что он не желает отречься от законного наследника царевича Алексея, и писал „обличительные тетради и возмутительные письма“ против Петра и призыва иностранцев, которые, по его словам, „уже немалую часть отторгли душ христианских“ [2]). В 1703 г. нижегородец посадский человек Андрей Иванов явился в Москву с изветом на самого царя: царь веру православную разрушает, велит бороды брить, платье носить немецкое, табак тянуть [3]). В разных городах разбрасывались подметные письма с призывом восстать за бороду [4]). Нечего говорить о том, что все жаловались на страшные тяготы—крестьяне на поборы, дворяне и солдаты на тяжелые службы, монахи и попы на новшества в обычаях и законах, на притеснение духовенства [5]).

Протесты нашли себе, наконец, выражение в народной литературе и народном искусстве. Сюда относится лубочная картинка „Как мыши кота погребают“: здесь обличаются брадобритие, курение табаку, музыки при погребении, всепьянейший собор, рекрутчина, котовая вдова чухонка адмиральша Маланья (намек на Екатерину). Против Екатерины же направлены картины „Как Баба-Яга дерется с крокодилом“, „Немка верхом на старике“ и др. В лицевом (т.-е. иллюстрированном) сборнике второй четверти XVIII века помещены иллюстрации к тексту толкового Апокалипсиса и старообрядческого сказания о конце мира „Слова блаженного Ипполита

---

[1]) *Щапов*, Земство и раскол, вып. 1. Спб. 1862, стр. 67—69.
[2]) *Есипов*, Раскольничьи дела XVIII ст., т. I, стр. 183, 184.
[3]) *Ключевский*, Курс рус. ист., IV, стр. 294.
[4]) Там же.
[5]) Там же, стр. 200.

папы римского о скончании мира“; тут изображены солдаты в петровских мундирах с подписью: „страну вашу чуждии поядят“; солдаты изображены расстреливающими старцев и приводящими народ в подданство антихристу, причем антихристу приданы черты лица Петра [1]).

Ненависть к Петру пережила надолго его самого;— вплоть до начала XIX века она проявлялась нередко. В 1737 году в Преображенском приказе разбиралось дело о „тетратях“, составленных бывшим солдатом и канцелярским служителем Иваном Павловым; в них выражалось негодование на „дьявольский образ“ (брадобритие), на „школы мафематические и академии богомерзкие“, в которых печатаются „от звездочетия зловерующие календари“ и русский народ заставляют „в планеты и в прочие знаки, яко в Бога, веровати“; указывается, что пошатнулась вера: сгорели кирки,— Строгановы помогли отстроить, а православным церквам не помогли; в Москве у гостиного двора на новой каменной церкви поставили маленький крест; причина всему злу—царь Петр: устранив патриарха, сам принял патриаршую власть; как антихрист, чинил комедии, наряжал людей в хари, распевал бесовские песни на святках [2]). По Евфимию, беглому солдату, основателю секты бегунов, жившему во второй половине XVIII века, первый антихрист связан на 1000 лет,—он в I в. по Р. X., это—Аполлуен; по истечении 666 лет появился второй антихрист—патриарх Никон; третий антихрист—Петр; „царь благоверный“ и „император благочестивейший—два рога; всенародная перепись как признак пришествия антихриста предсказана папой Ипполитом; Петр собственность установил, а идеал—общность имущества; семогривенная подать—от змея седмиглавого; Петр установил языческие обычаи—брадобритие, ношение немецкого платья и проч. [3]). Позднее еще идеи Евфимия были развиты в страстном памфлете „Сказание об антихристе, еже есть Петр I“ или „Собрание от свя-

---

[1]) *Шмурло*, Петр В. в оценке современников и потомства, вып. I. стр. 13—16.

[2]) Там же, стр. 17—18.

[3]) Там же, стр. 19—21.

щенного писания об антихристе": с 1666 г. царь Алексей стал жидовином и мучителем, а Петр — лютый зверь, воли сатанинской исполнитель; подушная подать—богоотступное дело; автор резко восстает против синода [1]). В составленном в 20-х годах XIX в. бегуном Василием Москвиным „Разглагольствовании тюменского странника" Россия называется сатанинским миром, где антихрист сначала появился в лице царя Алексея, Никона и справщика книг грека Арсения; первое обновление антихриста—Петр: император—антихрист, от него все нечестивое; синод — жидовский синедрион, сенат—антихристов совет [2]). Автор „Апокалипсия", остающийся до сих пор неизвестным, называет языческими, антихристовыми иконами памятник Петру, портрет его, резанный в 1761 г., и другой портрет,—где он изображен рядом с Минервой; Петр—антихрист, потому что произошел от смешения крови рабьей (Нарышкина) с царской (Алексей) и священнической (патриарх Филарет); автор издевается над „римлянкой" Екатериной I, считает ее подстрекательницей по всем нововведениям, Елизавету называет Венерой и эллинской богиней; в одах XVIII века видит поклонение богу Сатурну, которого отожествляет с сатаной" [3]). В старообрядческой „Книге о случаях последнего времени" ярко выражены злоба, негодование и ужас раскольников перед преобразователем и его реформами [4]). И в настоящее время у странников или бегунов встречается картина, где Петр изображен как антихрист в венце и порфире, а православная церковь в виде блудницы [5]).

---

[1]) Там же, стр. 23.
[2]) Там же, стр. 24.
[3]) Там же, стр. 24—25.
[4]) Там же, стр. 25.
[5]) Там же, стр. 26.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Общий обзор дворянской революции в России.

Если не считать истории дворянской революции в южной Руси, на Украине, о которой речь у нас пойдет особо, в следующем томе нашей работы, так как Украина до начала этой революции не составляла единого политического тела с Московской Русью,—то историю дворянской революции в России, изложенную в IV и V томах настоящего труда, можно считать законченной. Общие социологические выводы из этой истории, обобщения социальной динамики могут быть формулированы, разумеется, только тогда, когда будет исследован соответствующий период в истории других стран. Но уже теперь необходимо бросить общий взгляд на историю дворянской революции в России. Этим будет подготовлено сравнительно-историческое изучение вопроса, и облегчена будет конечная обобщающая социологическая работа.

Мы видели во II томе, что русский феодализм был недоразвит, недоделан сравнительно с феодализмом западно-европейским, и что основной причиной этого была отсталость хозяйства удельной Руси сравнительно с хозяйством стран феодальной Западной Европы: у нас хозяйство тогда покоилось на натурально-хозяйственном базисе, тогда как на феодальном Западе в основе его лежало товарное или денежное хозяйство, расчитанное на небольшой, узкий, местный рынок. История падения феодализма, изложенная в III томе, показывает, что этот процесс протекал и у нас, хотя и несколько, и даже значительно, отставая, но, в общем, так же, как на Западе: и здесь и там совершался переход к товарному хозяйству с обширным рынком, параллельно чему перестраивалось общество, собиралась земля и власть, создавались новые формы духовной культуры.

Таким образом, уже из истории феодализма и его падения видно, что у нас переход к новым порядкам должен был сказаться резче и труднее, чем в других странах: приходилось приспособляться прямо к обширному национальному и даже международному рынку, минуя вполне, или по крайней мере отчасти, ту крайнюю изолированность рынков, которая была свойственна странам европейского Запада и являлась в данном случае важным подготовительным моментом, переходным, промежуточным звеном. Таковы были предпосылки дворянской революции в России.

Ее ход, изложенный в IV и V томах, как это и следовало ожидать на основании таких предпосылок, был очень сложен и труден. Если России вообще выпадало на долю произвести огромный, колоссальный прыжок вперед, то наблюдение над исторической действительностью между половиной XVI века и концом первой четверти XVIII столетия убеждает, что фактически в один прыжок не удалось достигнуть цели, что уже первое усилие, произведенное при Иване Грозном, потребовало передышки, залечивания ран, и лишь после того, собравшись с силами, переработав, органически усвоив результаты первых усилий, можно было сделать второй скачок вперед, опять-таки трудный, болезненный, но все же довершивший дело, давший в конечном счете победу и власть дворянству. Революция этим была кончена.

Таким образом, различаются три момента дворянской революции в России: первый, начальный—вторая половина XVI века, главным образом, царствование Ивана Грозного, второй, промежуточный—Смутное время и его последствия в первой половине XVII века и, наконец, третий, заключительный—реформа Петра Великого в первой четверти XVIII века, в связи с ее подготовкой, совершавшейся во второй половине XVII столетия.

Основные черты хозяйственной эволюции или, если угодно, хозяйственной революции, экономического переворота в первый момент определились следующим образом: совершился такой быстрый переход к товарному хозяйству с обширным рынком, к торговому капитализму, что землевладельческие формы, приспособленные к старому натуральному хозяйству, не поспели за новым экономическим содержанием жизни, и в результате полу-

чился весьма резко выраженный экономический кризис, захвативший в особенности старые области государства.

В то же время пришлось быстро, наспех, с величайшими усилиями перестраивать общество и государство, приспособляя их к новому хозяйственному базису. В обществе надо было выдвинуть на первый план дворянство вместо боярства и приспособить организацию труда к новым хозяйственным условиям, в государстве необходимо было положить основы самодержавия и бюрократии, разрушив и в социальном и в государственном строе удельные предания и порядки.

Все эти задачи были поставлены, и сделаны были первые шаги к их разрешению после попытки компромисса между боярством и дворянством, выразившейся в деятельности „избранной рады". Компромисс был построен на ограничении царской власти Боярской Думой, на облегчении задолженности дворянства и купечества, на организации земского самоуправления, заменявшего кормленщиков, на выдаче жалованья дворянам за службу. Как все компромиссы, он не на долго и не вполне удовлетворил дворянство. Произошел разрыв, и дело кончилось опричниной, поколебавшей и даже уничтожившей многие остатки феодальных привилегий, связанных с землевладением и укрепившей царское самодержавие мерами террора. В то же время дворянство оказалось настолько политически дальновидным, что стало строить общество на крепостнически-сословных основах, закрепощать и себя самого на службу строящейся дворянской государственности. Закрепощению по отношению к государству подверглись и тяглые сословия—посадские люди и крестьяне. Над крестьянством, под влиянием новых хозяйственных порядков, все туже стягивался и узел крепостной зависимости от землевладельцев. В то же время начинало слабеть и приближаться к крепостному состоянию, этим постепенно сближаясь с крестьянством, полное холопство, чему содействовало и образование и развитие условных, неполных форм холопства.

Все это венчалось, наконец, образованием зачатков новой дворянской психологии и соответствующими переменами в духовной культуре, в особенности в искусстве, литературе, публицистике.

Огромное напряжение, созданное первым моментом дворянской революции в России, стоило стране и народу очень дорого и в то же время расшатало, надломило, отчасти и совсем сломило старые устои и еще не упрочило надлежащим образом новых отношений и порядков. Отсюда вышло сильнейшее столкновение социальных сил, осложненное попыткой польско-литовского дворянства захватить экономическую и политическую гегемонию во всей восточной Европе,—так-называемое Смутное время.

Оно было завершением первого момента дворянской революции в России и переходом ко второму ее моменту,—к экономическому, социальному и государственному строительству Московской Руси первой половины XVII в.

То была эпоха отдыха и залечивания ран, органического усвоения и укрепления тех достижений, какие явились результатом первого момента. Шло вперед развитие торгового капитализма, ликвидировался кризис, приспособлялись к новым условиям формы землевладения, слагался тип нового среднего и крупного дворянского хозяйства, работавшего уже в значительной степени для рынка. Окончательно образовались крепостные сословия, причем крепость крестьянства носила двойной характер—по отношению к государству и по отношению к землевладельцам, тогда как другие сословия были крепостными лишь в отношении государства. Земские соборы укрепили самодержавие и бюрократию приказов в центре и воевод на местах. Дворянство все более упрочивало свою правительственную позицию, занимало правящее положение в государстве и давало новые тона духовной культуры.

Но бурная эпоха далеко еще не миновала. Отдых, перерыв был непродолжителен и прерывист: он перемежался и в первой половине XVII века волнениями и бунтами. Дворянское дело закончено также не было и требовало довершения. Необходимо было сделать еще один гигантский, последний прыжок, чтобы хотя до некоторой степени, условно и относительно, догнать Европу.

Отсюда вышел третий момент дворянской революци в России—петровская реформа с ее непосредственной подготовкой.

Эта подготовка, теснейшая связь реформы Петра Великого с прошлым, не подлежит ни малейшему сомнению. В хозяйстве подготовлялись не только частности развития торгового капитализма, но и его система—меркантилизм. Соответственно этому развивалась туземная мануфактура, шло вперед приспособление к рынку сельского хозяйства, кустарной и ремесленной промышленности, развивались торговые монополии, развертывался меркантилистский протекционизм. В землевладении росло земельное богатство дворянства, и сокращались относительно земли духовенства, а также старой удельной аристократии, происходило также сближение поместий с вотчинами. Дворянство, организуясь как класс, приспособленный к торговому капитализму, стремилось к окончательному уравнению с собой боярства в сословном отношении, чему содействовала отмена местничества. Купечество начинало организоваться корпоративно. Делал успехи процесс слияния всего сельского населения в единое сословие—крепостное крестьянство. В государственном строе и его функциях намечались новые задачи внешней политики, связанные с проблемами меркантилизма, началось преобразование армии по европейскому образцу, производились финансово-меркантилистские опыты, упорядочивалась и упрощалась налоговая система, объединялась и систематизировалась администрация—центральная и областная. В духовной культуре торжествовали обмирщение—светские, не церковные интересы—и западничество, слагались окончательно характеры нового, дворянского склада. Подготовлялась в низах и оппозиция будущей реформе.

Из всего этого вышла реформа Петра. Но вышла она не сразу, а постепенно, не была сначала планомерной и систематичной, вполне сознательной.

Дело реформы началось с перемен в житейской внешности, в военном и морском деле, с решительной внешней политики и возникновения и ведения Великой северной войны. Война вызвала перемены в финансах и администрации: устройство государственного контроля, появление Ратуши и земских изб, составление бюджета нового характера, ряд частичных финансовых операций в элементарно-маркантилистском духе, свойственном и

XVII веку. В результате, в финансах все-таки получился дефицит, требовавший уничтожения. В то же время, под влиянием войны и других событий, с нею связанных, постепенно и почти стихийно сложились первые петровские губернии, разрушившие старую администрацию. Тогда учрежден был сенат, и наметилась необходимость планомерной реформы органов управления. Обнаружившаяся убыль населения поставила на очередь хозяйственную и финансовую реформы.

Так стихийно протекал первый момент реформы—до 1710 г. Затем начался второй ее момент—время планомерного и систематического строительства нового порядка.

Оно было подготовлено обширной литературой проектов и выразилось в экономической области в широком развитии меркантилизма высшего, кольбертистского типа, в финансах—во введении подушной подати и в сильном росте бюджета, в устройстве общества—в полной замене знатности заслугой и выслугой, в служебных и учебных тягостях для дворянства, в законе о единонаследии с его двойственной—освободительной и крепостнической—тенденцией, в магистратских учреждениях для посадских, в слиянии сельского населения в сословие крепостных крестьян. В государственном строе новостью, проводившей систематизацию, была реформа сената, учреждение коллегий и губернская реформа 1719—21 годов с последующими ее изменениями и дополнениями, а также преобразования в праве и судопроизводстве. Церковь была подчинена государству. Наконец, все это венчалось переменами в духовной культуре первой четверти XVIII века: окончательным образованием новой дворянской психологии, рационализацией религии, в умеренной, конечно, степени, полным почти обмирщением литературы и науки с довольно широким их развитием, первыми успехами европейского образования—научного и художественного. И все реформы—последовательно—дворянские—именно поэтому вызывали оппозицию, умеренную среди посадских, крайнюю в среде крестьянства.

Так закончилась дворянская революция в России.

200-00

